

армянский журнал

АНИВ № 1 (34) 2011

Учредитель ООО «АНИВ-М»
Россия, 119048, г.Москва,
ул.Усачева, д.10

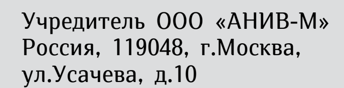
Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору
в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны
культурного наследия.
Свидетельство ПИ №ФС77-31782
от 23.04.2008

www.aniv.ru
e-mail: Aniv2005@yandex.ru

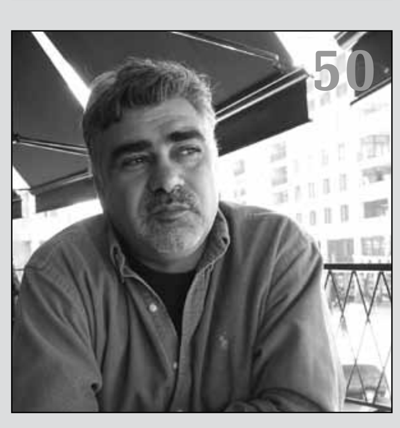
по вопросам подписки
в странах ЕС
e-mail: info@ethnoprincipe.net
Представитель журнала
в Украине
e-mail: aniv-ukraina@mail.ru
tel.+380 99 70718 68

Подписано в печать 24.02.2011г.
Отпечатано в типографии
ИП «Альтиора — Живые краски»
Адрес: 220072, г. Минск,
ул. Сурганова, д. 11
Заказ №
Тираж 2000 экземпляров

При верстке журнала
был использован шрифт
«AMG Anahit Semi Serif»
http://anahit.armenia.ru
предоставленный
ООО «Аракс Медиа Групп»
http://arax.ru

ИЗ ИСТОРИИ АРМЯНСКОЙ ОБЩИНЫ В ЗАМОСТЬЕ

Мирослава Закревска-Дубасова «Армяне в былой Польше» (M. Zakrzewska-Dubasowa «Ormianie w dawnej Polsce») Фрагменты из книги

Окончание. Начало в «АНИВ» № 32, 33

Из раздела «На защите веры своих предков»

Ревностные католики называли армян схизматиками по причине принятого Армянской Церковью в 527 году монофизитства *(традиционный предрассудок, издавна укоренившийся как в Римско-католической, так и в Византийско-православной традиции, приписывает ААЦ монофизитство. – Прим. ред.)*. Но не все замечали эти различия — столь просвещенный человек, как канцлер Ян Замойский, материально обеспечивая армянскую церковь и ее настоятеля в Замостье *(используется также вариант «Замосць», который ближе к польскому звучанию. – Прим. ред.)*, заявлял: «(...) я хорошо понимал, как мало армянское богослужение отличается от католического, и не следует опасаться, чтобы католики со стороны их религии имели соблазн или же испытывали какие-то препятствия».

Львов как церковная столица польских армян стал центром их борьбы против новой веры (*унии с Римско-католической Церковью. – Прим. перев.*). Кафедральный собор, старейший армянский храм в Польше, был для всей армянской общественности символом связи с прошлым, поэтому предводители местной общины боролись за сохранение этой церкви. Но и в других общинах, где храмы не имели такого прошлого и таких сокровищ, также

Бывшие армянские дома на восточной стороне центральной Рыночной площади

Экспозиция выставки «Ars Armeniaca» в бывшем доме армянского купца Г.Бартошевича

велась борьба за сохранение веры предков. Известно, что католикос Мельхиседек имел некоторое влияние на отношение замойской общины к унии. Здесь также не было единства в вопросах веры, хотя существующие конфликты не обретали столь резких форм, как во Львове. В 1625 году на торжественную закладку камня в основание каменной церкви Богоматери был приглашен здешними армянами «уполномоченный армянского патриарха из Эчмиадзина», католикос Мельхиседек *(необычная формулировка связана с тем, что католикос Мелкисет передал престол своему племяннику Сааку, а сам бежал от домогательств кредиторов, но не отрекся от сана и считался соправителем католикоса. – Прим. ред.)*. В Замостье он прибыл в сопровождении епископов Мартина и Элияша.

Мы не знаем подробностей процесса принятия унии замойской общиной, но известно, что также и здесь имел место раскол и было много противников «новой веры», хотя дело не дошло до давления властей. Об этом свидетельствует уменьшение численности общины, ибо несогласные с унией покидали город, как это было во Львове и Каменце-Подольском. Столкновений и ликвидации армянского духовного суда католическими церковными властями здесь не произошло. Местное духовенство, однако, сопротивлялось. Согласно Пиду, в 1665 году львовский архиепископ выслал письмо Яну Кистестеровичу, замойскому настоятелю: «(...) Ваше Преподобие послушался, хотя и не обошлось без роптания и упорствования народа, равно как и без сопротивления Шимона, армянского монаха в Замостье. (...) Был он до той степени ревностным, что в одной церковной книге в день исправления поместил заметку: сегодня в церковь армянскую в Замостье введено было лжеучение».

Хотя армяне частично и признали унию, они не сдались в борьбе за сохранение своих национальных институтов и закона. В армянских книгах Замостья и Каменца-Подольского находятся материалы, позволяющие предполагать, что в некоторой степени им это удалось. Это касается прежде всего частных городов, где было меньше конфликтов и соперничества в восточной торговле. В Замостье до конца XVII века сохранился чин «ереспохана» *(церковного старшины. – Прим. ред.)*, который управлял церковным имуществом, за что отчитывался перед войтовским ведомством и общественностью.

Есть запись в армянской книге, датируемая 1697 годом, касательно судебного процесса ксендза Петра Гжэгожа Давидовича. (...) Речь о возвращении костельно-

Комната в доме купца Г. Бартошевича

го имущества через смотрителя. Приговор суда требовал, чтобы нация выбрала своего смотрителя, который совместно со смотрителем, назначенным львовским архиепископом, управлял бы костельным имуществом: «[...] allegando privilegia Camenecensia et Leopoliensia armenis serventia («принимая во внимание привилегии, полагающиеся каменецким и львовским армянам»), которыми и замойский народ руководствуется».

Из раздела «Политическая деятельность польских армян»

К числу более или менее известных армян, исполнявших роли послов, дипломатов или же некоторые политические задания от имени польских властей, принадлежали также и армяне, связанные с Замостьем.

Одним из таких был Миколай Гадзеёвич или Хадзеёвич, очень предприимчивый замойский купец. Он выполнял различные поручения в войтовско-заседательском ведомстве. Впервые он был избран заседателем в 1643 году и в течение ряда лет находился в руководстве общины. В 1649-1654 годах был войтом. Мы встречаем его на различных ярмарках, где он заключает контракты и торговые договоры. В замойских документах 1645 года имеются три записи, касающиеся Гадзеёвича. Он продал свой дом на Бруковой улице Давиду Скину и его жене Маргарете за 1 000 злотых. В том же году купил дом за 800 злотых от Пиримала Сеферовича. Также в этом году уполномоченный представитель упомянутого Сеферовича признал долг в 4 500 злотых, причитающийся Гадзеёвичу. Невыплата значила бы потерю десяти турецких и двух тележных коней. Должники Гадзеёвича имелись также в Яссах, их долг составлял около 13 000 злотых. Гадзеёвич играл важную роль в торговле солью и поташом. Из его торговых договоров и купеческой переписки следует, что он являлся поставщиком королевского двора. Он также имел в собственности фольварки *(усадьбы. – Прим. перев.)*. В 1650 году он приобрел под Замостьем усадьбу от замойского подскарбия *(хранитель казны, казначей – чин в Речи Посполитой. – Прим. перев.)* Ежи Шорнела. Среди замойских армян он пользовался большим уважением и принадлежал к знатнейшим патрициям. Он выступал во главе своих соотечественников во время встречи с новым владельцем Замостья — Яном Замойским. Также от имени общины он отправился на коронационный сейм с целью подтверждения ее привилегий. В 1654 году Миколай Гадзеёвич выступает уже как по-

bilis *(сановник. — Прим. перев.)* в звании секретаря его королевской милости.

Записка касается справки, выданной князем Димитром Вишневецким, который от имени своей гусарской, татарской и казацкой хоругви «списывает навсегда всякие претензии». Более поздние упоминания касаются уже жены и сыновей Гадзеёвича — Петра, стольника черниговского, и Гжегожа Кшиштофа, женатого на Терезе Массальской. Согласно Корвину, который приводит данную информацию по Барончу, Миколай Гадзеёвич имел особые заслуги перед Речью Посполитой, склоняя татарского хана оставить Хмельницкого, за что и был королем произведен в шляхетское звание.

Менее славным и известным, чем Гадзеёвич, был замойский армянин Каспер Синанович Шиманский. Несмотря на то что большинство литературы по истории дипломатии умалчивает о нем (упоминается лишь Барановский), он относился к числу известных на Востоке личностей, поскольку крымский визирь Сефер Гази Ага просил произвести его в шляхетское достоинство. Вероятно, он хорошо владел турецким языком, поскольку отправлялся с важными посольскими поручениями в ту пору, когда Польша не имела постоянных дипломатических представителей на Востоке.

Первые попытки организовать постоянную миссию в Стамбуле датируются 1718 годом, когда уже давным-давно прошло время грозного «Лехистана», да и Турция после Карловацкого мира не была уже сверхдержавой. Однако до Карловацкого соглашения посольства Речи Посполитой оказывались в весьма опасном положении — они редко отправлялись в мирную пору, чаще всего во время перерывов в военных действиях, при взаимном раздражении обеих сторон. Во времена Варны, Цецоры, Хотина или Вены *(речь о битвах с турками-османами соответственно в 1444, 1620, 1621 и 1683 гг. — Прим. ред.)* «превосходительные легации» требовали хорошего знания Востока, большой дипломатической изворотливости, чтобы не поплатиться головой и увенчать труды желательным исходом. В Речи Посполитой не очень заботились о том, чтобы обучать людей знанию восточных языков. Предпринимались некоторые попытки посылать молодых шляхтичей на учебу в Константинополь, но этого было слишком мало, чтобы обеспечить нужды польской дипломатии. Скудность этой горстки польских переводчиков вынуждала обращаться к армянам, которые служили Речи Посполитой часто почти анонимно, будучи недооцененными или же прямо получая нелестные оценки. Эти отрицательные оценки ставили переводчикам профессиональные драгоманы из числа жителей Перы *(один из районов Константинополя/Стамбула. — Прим. ред.)*, нахально предлагавшие свои услуги исключительно ради наживы.

Каспер Синанович Шиманский был сыном замойского купца. Впервые он выступает перед армянским ведомством в 1646 году еще как Синанович. В суде он объясняет, что не может отвечать по делу Исая Григоровича, поскольку уезжает переводчиком по делам Речи Посполитой. (...) В 1653 году тот самый Каспер, уже как Шиманский, называясь переводчиком его королевской милости, отправился в далекий путь на «службу Его Королевской Милости и Речи Посполитой». Перед дорогой он отдал распоряжения по имуществу, записывая все имение на свою жену Хелену Деранжинскую. Опекунами жены, обязанными защищать ее от обиды (в то время шел судебный процесс по поводу имущества, оставшегося после смерти отца Каспера), он установил Миколая Гадзеёвича, Миколая Кшиштофовича и благородного Лисовского. В случае возвращения, как он условился, запись теряла силу. Видимо, миссия была опасной, если Шиманский практически составил завещание. У него была родня, в том числе брат Стефан, позже экзекутор *(судебный исполнитель. — Прим. ред.)* в армянской общине. Вся семья вела судебный спор за товар, оставшийся после смерти отца.

В 1653 году в Польше возникла идея перебросить против Ислам-Гирея *(крымского хана. — Прим. ред.)* в Крым калмыков. К ним была направлена посольская миссия, в которой участвовал Каспер Шиманский, вероятно, хорошо знавший Крым. Коронная канцелярия разработала для него инструкцию, согласно которой он должен был действовать, чтобы привести калмыков к союзу. Прежде всего Шиманский должен был добраться до старшего мурзы, «или как там зовут того, кто этими государствами управляет». План состоял в том, чтобы после выхода хана с войском из Крыма калмыки разорили татарские земли. Ян Казимир обязывался заплатить за это 50 000 битых талеров и предлагал помощь в удержании Крыма. Кроме инструкции Каспер получил письма от короля и канцлера. Эта миссия практически закончилась неудачей, хотя контакты были установлены и велась переписка. Позже мы встречаем калмыков в Украине, но это уже не было связано с упомянутой миссией.

В 1654 году Шиманский снова в Замостье. У него рассматривалось дело в суде — продолжались процессы с матерью и родственниками. В 1655 году по просьбе Шиманского армянское ведомство произвело осмотр части дома, который в его отсутствие разорили и замусорили братья. Там было обнаружено много бочек и продовольствия, разбросанного по комнатам. Сараи заняты были под коляски и телеги, так что после возвращения из дальнего путешествия Шиманский вынужден был поставить коней под аркадами.

На следующий год он снова отправляется с дипломатической миссией. Дом по улице Армянской и усадьбу во Львовском Предместье, по улице Гусиной, он снова записал на жену Хелену Деранжинскую. Одновременно он подает заявление в суд о том, что с ведома владельца города отъезжает по поручению Речи

Аркады в Замостье ►

Посполитой и Его Королевской Милости с посольством к хану. Перед путешествием он поставил условие, чтобы его отсутствие не повлияло отрицательно на ход судебного дела с матерью, обещая после возвращения исполнить декрет, и чтобы его жена не имела по этому поводу «никакого беспокойства». К сожалению, этот отъезд, видимо, прошел для Каспера неблагополучно, поскольку в документах он уже не упоминается. Не обнаружено также никаких сведений о том, погиб ли он в этой посольской миссии или умер. Можно, однако, полагать, что смерть настигла его вдали от родного города, ибо завещание не было составлено. В 1658 году после смерти матери Шиманского дело о наследстве было продолжено. Вдова Каспера скоро вышла за шляхтича Трояновского, поскольку в том же году выступает под его фамилией. Суд позволил наследникам распоряжаться наследством Каспера. Последняя запись о Шиманском касается внесения в акт одним из братьев, Гжегожем, перечня одежды: «Контуш *(длинная верхняя одежда, которая надевалась поверх кафтана. — Прим. перев.)* коралловый, подбитый лисьим мехом. Контуш второй такой же, ничем не подбитый. Контуш пурпурный. Жупан бархатный малиновый. Жупан терцимелевый. Жупан витиеватый атласный. Одеяний кармазиновых *(багряного, темно-красного цвета. — Прим. перев.)* двое. Одеяния пурпурные. Шапка бархатная кармазиновая. Шапка зеленая бархатная. Шапка вишневая бархатная. Шапка кармазиновая крестообразная. Пояс шелковый большой секесский кармазиновый. Пояс персидский. Поясов разных ангорских три. Пояс позолоченный, сыпанный на тесьме, кармазиновый. Пояс сыпанный белый, серебряный на голубой тесьме. Пояс гончий на белом ремне. Пистолетов гданьских три пары. Перевязей *(плечевая портупея для ношения оружия. — Прим. перев.)* разных три. Большой мушкет покойника. Корд *(нож с прямым сравнительно узким клинком, с рисунком на гарде. — Прим. перев.)* покойника. Колчаны вышитые черные. Лук турецкий один. Лук хатайский второй. Стрел десятков шесть».

Из раздела «Духовная культура»

В не самой большой по сравнению с другими армянской общине в Замостье, кроме профессоров Замойской Академии и дипломатов, были также и хронисты. Одним из них, хотя не столь знаменитым как Симеон Замойский, был Захарий Аракелович. Если Лехаци вызывал интерес польской и зарубежной историографии, то труды Аракеловича до сих пор не были исследованы. Даже Баронч (*Садок Баронч — историк, фольклорист, архивист армянского происхождения. — Прим. перев.*) в своих «Биографиях» *(имеется в виду книга «Биографии знаменитых армян в Польше». — Прим. перев.)* не упоминает о нем, ограничиваясь утверждением, что Аракеловичи в основном жили во Львове и Замостье. Однако он довольно подробно изучает биографию сына Захарии — Якуба, профессора Замойской Академии.

Аракелович прибыл в Замостье, вероятно, в 1685 году и тогда же был избран заседателем. Армянские простолюдины выступили против, потребовав, чтобы он не «занимал места заседательского», пока не представит справок о рождении. Из представленной Захарием справки мы узнаем, что родом он «от брака приличных родителей, имения язловецкого» (...). К документам приложено также и письмо армянского священника Гжегожа Балзановича со свидетельством пребывания семьи Аракеловичей в Станиславове. Там и умер отец Захарии — Аракел Малхас. Третье письмо, которое представил Аракелович, было выдано армянским ведомством в Станиславове. Согласно заявлению тамошних армян, отец Захарии служил солдатом при Анджее Потоцком. Аракелович несколько раз избирался армянским войтом в Замостье. Он интересовался правовыми основами армянского судопроизводства. В 1694 году вместе с двумя заседателями направился во Львов, с тем чтобы сверить текст устава, используемого замойскими армянами, с уставом армян львовских.

Сохранилось описание брачного дара, которое составил Захария в пользу своей жены Анны Ятулович. Имело это место в 1685 году, когда Аракелович принял замойское гражданство. Возможно, поселение в этом городе являлось следствием брака с дочерью замойского ювелира. Приданое жены в 2 000 золотых Аракелович обеспечил домом, купленным у Киркоровичей. Этот дом находился на Рыночной площади. Последнее упоминание о Захарии имеется в замойских судебных документах от 1719 года — это письмо Томашу Замойскому. Как судебный опекун наслед-

Сабля XVII века, так называемая «Армянка» (музей в Замостье)

ства, оставшегося после смерти Стефана Алтуновича, Аракелович обратился к магнату с просьбой признать это наследство за Балеевичем. Видно, что Аракелович пользовался большим уважением у Замойских, так как его желание было исполнено.

Хроника Захарии Аракеловича была переписана его сыном Яном. Называется она – «Захарии Аракеловича коннотация *(ср.-век. лат. connotatio, от лат. «con» – вместе и «noto» – отмечаю, обозначаю. – Прим. ред.)* о том, что происходило от года 1689 в Замостье и во всей Речи Посполитой, составлена мною нижеподписавшимся». Эта хроника начинается 17 июня 1689 года с описания похорон Мартина Замойского, а заканчивается 1725 годом. Большинство описываемых событий касается Замостья, но также и Львова, где автор бывал не только по торговым делам. Интересно описание нашествия саранчи на Замостье: «Года 1690-го дня 30 августа, в половину двенадцатого полудня летело саранчи великое множество и обширно через город Замостье с востока на юг, не переставая аж до половины четвертого того дня. Потом летела несколько дней спустя, на огородах в предместье в овощах великую потерю причинила. Также и мне самому причинила ущерб, ибо выела штуку ячменя, который еще не был скошен, так что пусть Бог сохранит нас от дальнейшего своего гнева. Величиной той саранча была в крупный мизинец, цвета двойного – зеленого и темно-серого, убранство их около шеи как у барышень воротники платьев со шлейфом. Видел я их около Опатова по ту сторону Вислы, ехавши на ярмарку в Вербное воскресенье полями, но не много и не очень густо». Согласно хронике Аракеловича, саранча снова появилась в Замостье в 1711 году, также в августе: «...в окрестностях по деревням овес и гречиху основательно выжрала».

Во время пребывания во Львове Аракелович был свидетелем нашествия татарской орды: «Года 1695-го 10-го февраля был во Львове. Орда подступила после полудня под Львов от въезда из Жовквы, куда на следующий день в пятницу утром выехал Ясновельможный Его Милость господин Яблоновский, гетман великий коронный. На тех дорогах была нужда с утра и до вечера, не без потерь с обеих сторон, но больше в орде, которая уже вошла в предместье между Св. Крестом, где отцы театины имеют свою коллегию и монастырь армянский, со стен которого перестреливался Его Милость господин Менчиньский, подскарбий надворный. Его же Милость господин гетман стоял перед Краковскими воротами, пока под вечер того же дня орда не отступила».

Хронист приводит интересные подробности о пребывании короля Августа II и царя Петра I в Замостье в 1689 году: «Петр Алексеевич, Его Милость Царь московский, прибыл в Замостье, его приняла с великой охотой Ее Милость Матушка [Анна Замойская], и были они вместе на приеме с Яснопреподобным Нунцием. Яснопреподобный Нунций дал Царю золотую цепь, сняв ее с себя, Царь же Его Милость дал некий камень большой стоимости, назавтра он снова был принят и уехал после хорошего угощения».

Более известным и значительно более опытным хронистом был копиист Симеон Лехаци, называемый также Замойским или же Симеоном Поляком (так переводится с армянского прозвище «Лехаци»). Его деятельность была связана с двумя центрами – Замостьем как местом рождения и Львовом, где он продолжительное время проживал и, скорее всего, умер *(много лет Симеон Лехаци провел в путешествиях по Европе и Востоку. – Прим. ред.)*. Симеон вызывал интерес у многих исследователей. Первым среди польских ориенталистов, кто обратил внимание на замойского хрониста, был Эугениюш Слушкевич. Записки из путешествий Симеона как особо ценный источник публиковались несколько раз: впервые Миколаем Акиняном *(Нерсес Акинян – член Венской конгрегации мхитаристов. – Прим. ред.)* в 1932-1935 годах, затем в 1936 году вышли отдельным изданием вместе с текстом двух колофонов. Последнее издание появилось в 1964-м. С сожалением писал Лехаци о родном Замостье, где ему пришлось пережить большие неприятности от «злых и коварных» людей.

Многие литературные произведения в армянских поселениях на территории Польши писались на кипчакском языке, на протяжении некоторого времени даже делопроизводство общин велось на кипчакском. К этому вынуждала жизнь, так как многие армяне не знали уже родного языка. Но не в каждой общине применялись такие принципы. Например, в Замостье языками войтовского делопроизводства с самого начала были польский и латынь, а в Каменце-Подольском в XV веке записи велись исключительно на кипчакском языке армянскими буквами, вступительная формула – на армянском, общее содержание акта – на польском.

У польских армян имелось много книг сакрального характера. Ради заботы о сохранении этих памятников, написанных преимущественно на староармянском языке – грабаре, создавались скриптории. В скрипториях занимались копированием, иллюстрированием и реставрацией, а также изготовлением переплетов для рукописей. Источники называют имена переплетчиков того времени, одновременно практикующих профессию копиистов и украшающих книги миниатюрами. Во Львове в XVI и XVII веках были известны Ованес и Лазарь Бабердци, в Каменце и Замостье – Акоп дпир.

В творчестве польских армян большое место занимают панегирики. Главным образом в них про-

славляют качества учителей. Один из панегириков, составленный Акопом из Тохата, сопровожден пояснением: «Этот простой стих написан монахом Акопом в честь его духовного учителя Акопа Айваненца, имя же ему Тохатеци, Батук тер Акоп, сейчас живущий в польском доме в Замостье».

Из раздела «Материальная культура»

Несколько армянских церквей были построены в XVII веке. К ним относится и церковь в Замостье – право на ее строительство входило в привилей на поселение армян 1585 года. Первый настоятель, Калуст, построил деревянную церквушку, а с 1623 года начали собирать средства на каменную церковь Успения Богоматери. Очень активным в этом деле был один из самых богатых купцов Замостья — Вартерес Киркорович, уроженец Токата. Щедрость армян в пожертвованиях на строительство церкви проявлялась повсеместно. Особенно много жертвовали на убранство епархиального собора во Львове, где были собраны драгоценные ризы и церковная утварь, служебники и Евангелия, которые позднее расточил архиепископ Торосович *(главный организатор унии с Римско-католической церковью в 1630 году. – Прим. ред.)*. Практически все завещания включали дарственные в пользу церквей, о богатстве и убранстве которых свидетельствуют также списки утвари. Постройка церкви в Замостье была завершена в 1654 году, освящение совершил молдавский епископ Андрей. Этот храм перестал существовать в конце XVIII века.

В Замостье удивительно хорошо сохранились армянские жилые дома, построенные еще в XVI веке. Жилые дома на Рыночной площади в Замостье, особенно на северной стороне и большей части восточной, принадлежали армянской знати. На углу западной стороны также находился великолепный жилой дом, он принадлежал дочери армянского ювелира Станислава Абрагамовича (это семейство владело им до конца XVII века).

Армянские жилые дома в Замостье, как и везде, были каменными, двух- и трехэтажными, с аркадами и фасадом, увенчанным высоким аттиком. Фасады домов выходили на Рыночную площадь, в глубине находился узкий мощеный двор с въездными воротами с улицы. На первом этаже размещались магазины, дальше – темные кухни, в средней части – лестничные площадки, а в задней – большие комнаты. На втором этаже обычно находилась просторная спальня.

Чем отличались армянские дома от остальных? Прежде всего богатой штукатурной декорацией фасадов, как, например, в Солтановском доме, где фриз над аркадами украшен рельефным плетением, выходящим из вазы. Картуши с гербовым орнаментом и инициалами S.S. (Солтан Сахвелович) над окнами второго этажа обрамлены справа и слева раковинами и связками фруктов. Этот дом в своем первоначальном виде был одноэтажным, с аттиком, повторявшим мотив ниши, закрытой ракушкой.

В другом доме, построенном во второй и третьей четверти XVII века, на нижнем фризе размещено растительное плетение, чередующееся с головками крылатых ангелов. Междуоконные панели третьего этажа включают лиственную розетку, а также часто применяемую в Армении в архитектурном декоре фантастическую растительную ветвь, в которой скрываются дракон и стоящие на задних лапах львы. Образец украшения армянских домов был применен также и в некоторых польских домах, как, например, в каменном доме Вильчковских, где дверной проем декорирован с использованием мотива растительной ветви.

Архитектурная скульптура на армянских домах во Львове применялась шире, чем в Замостье. Описывая дома на Рыночной площади и вдоль Армянской улицы, Владислав Лозинский говорит, что они отличаются «богатой архитектоникой, покрыты щедрой до излишества скульптурой, с порталами иногда первоклассной красоты. (...) Вся Рыночная площадь и все старинные улицы города, прежде всего Русинская и Армянская, состояли из таких богатых домов, построенных почти исключительно в ренессансном стиле». В 1527 году огромный пожар уничтожил во Львове все гражданские объекты в готическом стиле. На пепелище были построены красивые дома, в которых каменные дверные проемы и обрамления были декорированы рельефами – в растительную композицию вплетались виноградные кисти и птицы. Сравнивая между собой приоконные колонны в армянском доме в Замостье и в доме Анчевского во Львове, мы видим, что в верхней части колонн применена идентичная декоративная резьба, изображающая виноградный куст и виноградную кисть, которая оплетает три четверти колонн сверху. В нижней части находятся ангельские головы с крыльями и розетки, по сей день используемые в армянском зодчестве. Потолки верхних комнат деревянные, а профильные стропильные балки украшены резьбой, геометрическими рисунками, инициалами или надписями. В доме, принадлежавшем армянам, профильная балка была украшена геометрическим рисунком и розетками. На ней помещены инициалы владельцев дома и надпись на грабаре, в переводе означающая: «Пусть Бог благословит этот дом и его жителей. Аминь». На другом доме была открыта надпись на польском языке, датируемая 1708 годом: «Дом этот и его жителей благослови, Господи». Здесь также находятся розетка и инициалы.

Мало где, кроме Замостья, сохранились образцы армянского строительства того времени. А если стены и уцелели, то вследствие многих переделок

Росписи в доме Габриэля Бартошевича
Фрагмент фриза ▲
Св. Екатерина и Св. Варвара ▼

и ремонтов бесполезно искать следы первоначальных художественных украшений. Такое состояние дел увидел во Львове Владислав Лозинский, когда описывал остатки уцелевшего великолепия.

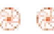

Богатое внешнее убранство армянских жилых домов и архитектурное украшение дверных проемов, приоконных колонн и потолков гармонично дополняла внутренняя обстановка. В комнатах и палатах среди мебели были столы, гданьские шкафы и стулья *(производившаяся в Гданьске резная мебель в стиле барокко. — Прим. ред.)*, крашеные кожаные стулья, сундуки. На столах обычно лежали килимы или ковры, которые присутствовали везде, покрывая стены, полы и даже потолки. Использовалось также много всякого рода занавесей. Среди различных привозных ковров часто встречаются очень ценные мелихбаские, хорасанские, турецкие и туркменские ковры, иногда упоминаются пестрые турецкие килимы. Из описей видно, что многие ковры использовались повседневно, например, у купца Абрагамовича, одного из самых богатых в Замостье, на столе лежал турецкий ковер, хотя после его смерти семья уже успела забрать самое драгоценное. В описи перечисляются также «бывшие в пользовании турецкие килимы в количестве десяти штук». Еще в том же доме находились диварские, туркменские и турецкие ковры.

Среди домашней утвари у армян Замостья были всякого рода сундуки. В них хранили одежду, товары и деньги, а также различные бумаги и документы. Речь идет о железных гданьских сундуках или сундуках крашеных, «железом кованных», а также железных денежных шкатулках. Когда купец отправлялся в путь, он забирал с собой кованые шкатулки и «коробки с флягами», а также турецкий сепет *(«корзина», турецк. — Прим. перев.)*. Сепеты чаще всего обтягивались узорчатой кожей.

Армянское право, кстати, как и магдебургское, похоже, предусматривало, что до заключения брака следует составить контракт, т.е. кронгн. Иногда тесть ставил жениху оригинальные условия. Когда в 1676 году в Замостье обсуждалось заключение брачного союза между Марианной Ованишович и Яном Бартошевичем, Ованишович требовал не только «брачного дара» для дочери в виде дома будущего зятя, но также обязал его получить докторскую степень в течение года с момента заключения брака. В случае невозможности исполнения обязательства зять должен был предъявить обосновывающие эту невозможность документы, но в таком случае терял залог в 200 злотых. Кронгн обычно начинался с родительского благословения, иногда словами: «Господи Боже, соблаговоли помочь в этих благих делах». Но не всегда дела оказывались благими, иногда доходило даже до преступлений, как в браке Элияша Кистестеровича, который зарубил собственную жену саблей.

Бывшие армянские дома на восточной стороне центральной Рыночной площади ▼►

Продолжительные путешествия купцов и отсутствие их дома становились причиной супружеских измен, разного рода непониманий и разводов. В 1685 году армянским судом в Замостье разбиралось дело супругов Анны и Каспера Аревовичей. Ряд свидетелей высказывались по поводу их супружеской жизни. Некоторые показания являлись достаточно компрометирующими для господина Каспера. Этот брак был заключен больше десяти лет назад, но господин Каспер не был удовлетворен. (...) Один из купцов рассказал, что несколько лет тому назад встретил Аревовича в Торуне, уговаривал его вернуться к жене и даже сам его привез. Но это не помогло, ибо тот снова уехал и жаловался: «Не могу иметь никакой безопасности дома и не могу себя свободно вести по желанию своему». Вследствие этого жена господина Каспера обратилась в армянское ведомство для засвидетельствования «о добродетельном и честном ходе ее жизни». Ведомство, склоняясь к ее просьбе, признало, что «названная госпожа Анна Аревович честно и добродетельно, как матроне подобает, проводит всю жизнь свою между людьми в городе Замостье и повсюду достойно себя ведет». Также свидетели признали, что когда муж приезжал домой, она всегда принимала его хорошо. Источники не указывают, что случилось с нерадивым супругом Анны, ибо сама она прожила долгую жизнь, составив перед смертью обширное завещание на более чем десяти страницах, главным содержанием которого являются набожные заявления. Своим имуществом она одарила почти все окрестные церкви и монастыри, назначила дарственные многим священникам, монастырским настоятелям и аббатам. Эта честная матрона назвала также и своих святых покровителей, которых у нее было много, не забыв, конечно, о главном покровителе всех армян — Григории Просветителе. В своем завещании она не грешила глубоким смирением: хотя и просила прощения за грехи, в то же время заявляла: «(...) так как при жизни была я все время по сей день в великом уважении у достойных и великих господ и прелатов». Исполнителем завещания она избрала в первую очередь владельца Замостья.

Дальние путешествия на Восток и значительные расстояния, отделяющие купцов от места проживания, не являлись препятствием для обычных сплетен, которые достигали Люблина и Замостья даже из Константинополя. Когда зажиточный купец из Константинополя, Богдан Унанович, должен был жениться на богатой девушке в Замостье, был пущен слух о том, что у него в Константинополе есть жена и дети. Дело дошло до суда. Один из свидетелей сказал, что во время ярмарки в Люблине к нему подошел некто Бохос из Анкары и рассказал ему и другим армянам о планируемом браке Унановича. Тогда же другой земляк сказал, что Унанович имеет жену и детей в Турции. Тем временем оказалось, что свою семью оставил не кто иной, как сам информатор. Все выяснилось, и в Замостье сыграли свадьбу.

Несоблюдение брачных контрактов часто приводило к судебным процессам. По этому поводу стороны не стеснялись во взаимных обвинениях. Особо трагические последствия имел конфликт Элияша Кистестеровича с тестем. Жертвой оказалась жена Элияша. Как следует из показаний убий-

цы, главной причиной конфликта являлся тесть, который не выполнил условий брачного договора и не дал за дочерью приданого. Впоследствии совместная жизнь супругов оказалась хуже некуда. На пути к трагедии «обвиняемый, не признавая за всю совместную жизнь брака своего, покойную супругу свою бил, колотил, калечил, кусал, щипал, проявляя столь непристойное отношение». Тем временем в кроронге, составленном обеими сторонами, родители желали долгих лет совместной жизни и «вечных радостей» в супружестве. «Что касается свадьбы, как мы согласились, жених Элияш, зять наш, должен будет поставить музыку, сладости, свечи, вино и иные напитки, господин же Бровар должен все остальное своим иждивением сделать». Дело также не ладилось и в другом армянском браке. Брат жены купца Алтуновича обвинял его в том, что на протяжении двадцати пяти лет, будучи мужем его сестры, «когда полагаются прежде всего любовь, доброжелательность, чувство долга, присяга и, в конце концов, стыд, (...) он ее бросил, из дома ушел, никакой заботы не проявляя — ни аптеки, ни цирюльника, ни доктора, и заботами о душе тоже пренебрег». Так как жена Алтуновича умерла бездетной, брат требовал возвращения приданого и брачного дара.

Если, несмотря на помолвку, брак расстраивался, ущемленный в своих амбициях и материально потерпевший жених направлял в суд иск о возмещении затрат, понесенных во время подготовки к свадьбе. Такого рода случай произошел с замойским купцом Габриэлем Скиндеровичем. Армяне Замостья охотно искали будущих жен во Львове. Господин Габриэль метил очень высоко и хотел жениться на Катерине, дочери Гжегожа Ивашковича Болкота, одним из опекунов которой был Ивашко Бернатович. Сватами выступали Вартерес Киркорович и ксендз Кшиштоф Глушкевич из Замостья, сам отец обещал отдать дочь замуж. После его смерти Скиндерович ухаживал за барышней при посредничестве замойского войта. Ивашко позволял ему это, но говорил, что имеются и другие опекуны. Поэтому Скиндерович «сам будучи во Львове, с барышней общался, цветы посылал, жертвуя при этом благосостоянием своим юношеским охотно и искренне в преизбытке, даря определенные подарки и от той же барышни Катерины благодарность видя». Наконец, он получил согласие на брак. Но пока он ехал во Львов, Ивашко Бернатович обещал невесту другому. Поэтому Скиндерович заявил львовскому войту свой протест, что тот воспринял со смехом. Но Скиндерович клялся судиться «до последней рубашки».

Наряды жительниц Замостья были, может, не столь великолепны, как наряды львовских армянок, но также богаты. Например, в кроронге относительно приданого Анны Киркорович, вышедшей замуж за представителя одного из самых богатых армянских родов в Замостье (один из семьи Киркорович — Абрагам оставил состояние в 900 тыс. злотых, а его брат — Вартерес дал дочерям в приданое по 54 тыс. злотых каждой), читаем: «Состоялось такое соглашение между господином Скендером Янусовичем и господином Лукашем Киркоровичем (...), что господин Лукаш у господина Скендера в жену просил дочь его Анну». Скендер, давая божественное и отеческое благословение дочери своей из благ, «которые Господь Бог дал ему по благодати своей святой», передал: «во-первых, цепь золотую, которая весит золотых червонных сорок, пару браслетов, которые весят золотых червонных двадцать, пару серег с жемчугами (...), пять шнуров жемчугов и денег восемьсот золотых хорошей монетой». Невеста получала также «пояс серебряный позолоченный, зажим с жемчугами и понталами, атласную шапку, шапку золотоглавую *(разновидность парчовой ткани. — Прим. перев.)* альтабасовую, парадное платье из табенка *(вид шелковой ткани. — Прим. перев.)* с удлиненными рукавами и золотыми украшениями, к которому кабат *(камзол. — Прим. перев.)* с рукавами, парадное платье красное камлотовое ангорское с декором золотым шелковым, также с кабатом. Парадное платье шелковое, шитое шелком с золотом. Парадное платье фиалковое с таким же декором. Парадное платье борщовое камлотовое с такими же украшениями. Парадное платье махровое ангорское с шелковым декором. Катанаш из ангорского камлота фиалкового цвета с украшениями золотыми шелковыми. Катанаш из табенка с золотыми потребами. Катанаш из красного ярмуха, с золотом, украшенный шелком. Занавес шелковый. Четыре золотых перстня. Рукав златоглавый (...), свадебный перстень».

Когда барышня Софья Аслановна выходила замуж за Захария Асвадуровича, который «просил себе в супружество эту барышню, брат ее дал приданое, записав в кроронге драгоценности и платья различные, как-то: жемчугов шесть шнуров, огородку жемчужную с кружевом, шесть перстней рубиновых, седьмой перстень — печать к свидетельствам, разные юбки и кабаты, дальше — аламоды *(женские платья, описание см. ниже. — Прим. перев.)* из табенка цвета кирпича и воды, камлотовую катанку *(женская безрукавка без талии. — Прим. перев.)* из табенка кирпичного цвета, плащик бархатный, шнуровку ямурлуковую (...) две шапки бархатные с хвостиками, чепец один, вышитый золотом, второй — отделанный золотом, третий чепец, отделанный серебром».

Значительно богаче было приданое жены Кшиштофа Аслановича. Находились в нем драгоценности, такие как: «цепь в гороховые зерна, канак, в котором половина штук с рубинами, половина же с жемчугами большими (...), тесьма рубиновая, серьги рубиновые,

перстень бриллиантовый большой, перстень бриллиантовый в виде звезды, четыре перстня рубиновых, три шнура жемчугов калькуттских больших», кроме того, много мелких драгоценностей, таких как запонки, коралловые четки и т.д. Дальше перечисляются летние платья, весты *(короткие мужские куртки с рукавами до локтя. — Прим. перев.)*, андараки *(юбки из шерстяной ткани, обычно в клетку либо в поперечную или продольную полоску, иногда с пришитым лифом. — Прим. перев.)*, плащики, буйнеты, бархаты, кружева золотые и, наконец, постельное белье, «вышитое шелком и золотом, украшенное кружевами большими и малыми».

Названия одеяний и нарядов в кронгах почти не отличаются от тех, которыми в то время пользовались шляхтянки и жены магнатов. В описях чаще всего перечислялись праздничные одеяния, реже — повседневные. Почти в каждом кронге упоминались летние платья — более легкая женская одежда, бывшая в использовании в XVII и XVIII веках. Барышня Ружа Мегердицович получила от родителей четыре летних платья: одно из китайки — шелковой ткани, два из турецкой махры — ткани, сделанной из козьей шерсти, отличающейся легкостью, и один из татарской махры. Также она получила шелковые и шерстяные катанки, бархатный плащик и такие же рукава. У Анны Скиндерович было шесть летних платьев, все с золотыми и шелковыми украшениями. В регистрах часто упоминаются «катанаши», но нам неизвестно, что это за одеяние. Изготовлялось оно из табенка или ярмуха, украшено было золотыми или шелковыми нитями. В каждом регистре одеяний найдем отдельно перечисленные нарукавники, из бархата или табенка, украшенные золотом. Многие армянки носили юбки с кабатами: «юбка бархатная с кабатом, вторая юбка китайковая борщового цвета с кабатом, третья юбка кармазиновая камлотовая с кабатом, четвертая юбка махровая турецкая фиалковая». У более богатых армянок видим «аламоды». Это одеяние из двух частей: лифа с разрезным баскином *(баскин — жесткий каркас лифа, стягивающий грудь и талию. — Прим. перев.)* и юбки, обычно обшитой тесьмой. Среди одежды появляются также буйнеты, андараки, весты, шнуровки. Многие армянки ходили в чепце. Это были чепцы, вышитые золотыми и серебряными нитями, но также и чепцы из златоглава, альтабаса *(персидской парчи. — Прим. перев.)*. Нам не встретился кронг, в котором называлось бы количество сорочек, в большинстве случаев об этом говорится сдержанно: «потом белые одеяния, иначе говоря, сорочки», то же самое касается и постельного белья: «постельное белье и белые простыни, как полагается, ко всему». Армянские женщины носили серебряные и золотые пояса, например, «пояс серебряный, который весит полтрети гривен, пояс серебряный позолоченный, который весит гривну». Самой главной частью приданого и брачного дара были, однако, драгоценности и всякого рода ювелирные изделия. Первые места в кронгах занимают обычно перстни, цепи, жемчужные ожерелья, шнуры жемчуга, серьги, браслеты, канаки.

Армянская знать часто вела судебные споры по поводу семейных или наследственных прав, увековечивая описи и завещания согласно сборникам привилегированного армянского права. Но иногда требовалось вмешательство суда, чтобы принудить наследников составить опись имущества. Родственники обычно обладали достаточным количеством времени для того, чтобы забрать более ценные вещи, поэтому данные списки обычно включают только часть «вещей покойника». Ярким примером является инвентарь предметов, оставшихся после смерти Абрагама Киркоровича. В нем оказались только такие поношенные одеяния, как «жупан зеленый наполовину гранатовый, старый, багазией *(разновидность хлопковой ткани. — Прим. перев.)* подбит, ферезия *(верхняя мужская одежда, вариант делии, но меньшего объема, с узкими длинными рукавами, на тонкой подкладке. — Прим. перев.)* коричневая, наполовину гранатовая, с петлицами черными, рукава длинные без подкладки, шуба шлямовая *(«шлямы» — части меховой шкурки. — Прим. перев.)*. «Одеяния покойного», оставшиеся после купца Сахвеловича, представлялись уже достаточно презентабельно: четыре жупана, «первый — бархатный голубого цвета, второй — темно-фиалковый табиновый, шитый шелком с золотом, третий — волосяной *(вид шерстяной ткани. — Прим. перев.)*, украшенный шелковыми с золотом нитями, четвертый — волосяной камлотовый старый. Контуш из французского сукна бархатом фиалкового цвета подложен, делия *(верхняя мужская одежда, одевалась поверх жупана. — Прим. перев.)* из французского сукна фиалковая, контуш фиалковый из французского сукна, «шлямами» подложен, делия фиалковая старая, лисами подложена, контуш бархатный персиковый без подкладки, делия фиалковая с золотыми петлицами галантерейной работы, без подкладки, контуш фиалковый с петлицами, «пупками» *(части меховой шкурки. — Прим. перев.)* подложен, делия темнозеленая с украшениями шелковыми, пояс красный секесский, шапка бархатная соболья старая». Таким образом, инвентари перечисляют контуши, жупаны, делии, драгоценные пояса, как дополнение наряда — оружие. Регистр оружия, оставшегося после смерти завещателей, включал не только холодное оружие — сабли и кинжалы, с которыми армяне не расставались, но и оружие огнестрельное — мушкеты, портупею, пистолеты. Пользоваться оружием обучали с раннего детства.

перевод с польского
Юлии ГАЛИНОВСКОЙ

Татевик САРГСЯН

Замосцъ в армянских памятных записях 1600-1657 годов

Город Замосць, основанный в конце XVI века коронным гетманом Яном Замойским, выдающимся государственным деятелем Речи Посполитой времен Стефана Батория и Сигизмунда III, был задуман как фортифицированный ремесленно-купеческий центр, расположенный на тракте, на равнинной местности. С учетом намеченной для него важной роли в международной торговле Восток-Запад тот же Ян Замойский на привилегированных условиях пригласил армян обосноваться в нем. Те к тому времени уже успели блестяще проявить себя по всей территории Польского государства как умелые ремесленники, превосходные строители, предприимчивые торговцы. Поселившись в Замосце вскоре после основания, армяне внесли весомый вклад в его становление и процветание.

В документальной хронике, освещающей различные вопросы истории и деятельности армянского переселенческого очага, некогда существовавшего в городе Замосць, особое место занимают памятные записи армянских рукописных книг, созданных там. Их оригинальные тексты на древнеармянском языке неоднократно издавались, но крайне редко переводились, оставаясь недоступными для широкого круга читателей и исследователей. Чтобы отчасти заполнить образовавшийся пробел, приведу некоторые из этих уникальных письменных источников в собственном переводе с древнеармянского языка. Но сначала объясню их характер.

Памятные записи (колофоны, памятописи), как правило, помещенные в конце рукописной книги, в совокупности своей рассказывают ее историю. Они занимают важное место в многовековом источниковом наследии армянского народа и пользуются особым доверием у источниковедов и историков, поскольку в абсолютном большинстве своем составлены непосредственными очевидцами того, о чем рассказывается. Первичная, или же исконная, памятная запись повествует о различного рода обстоятельствах, связанных с созданием книги. В этом небольшом сообщении приводятся имена заказчиков книги, равно как и исполнивших ее мастеров –– переписчика, миниатюриста, переплетчика. Место создания книги сообщается поочередным упоминанием страны, города, покровительствовавшей церкви. Указывается также название духовного центра, которому готовая книга преподносилась в дар. Время написания книги часто приводится в нескольких летосчислениях и еще уточняется перечислением имен различного уровня светских и духовных глав, правивших в тот период.

Вторичных памятных записей в одной и той же книге может быть несколько. Составленные по тому же принципу, что и первичные, они повествуют уже о последующей истории книги: о тех, кто ее «неволил» и выкупил, кто продал и так или иначе приобрел, кто, став новым владельцем, обновил ее и спас. Наряду с общепринятыми сведениями, в памятные записи нередко просачивалась информация, касающаяся политической и экономической ситуации в данной местности, строительной деятельности, передвижения духовенства (прибытие нунциев, легатов, церковных глав), природных и небесных явлений (землетрясения, засуха, появление кометы) и т.д.

Для нас сегодня в этих сведениях и заключается объективная значимость памятных записей как источников. Для создателей же книги на первый план выступал их субъективный смысл: лица, так или иначе участвовавшие в создании книги или же ее выкупе и обновлении, стремились внедрять свои навыки и средства в нечто непреходящее и получить за это памятопись перед Богом. Это своего рода ходатайство призвано было помочь им удостоиться после смерти вечной жизни в Царствии Небесном. С этой целью памятные записи, обращенные к будущим читателям, переполнены просьбами об упоминании того или иного лица в молитвах, добрым словом.

Солидный по объему и важнейший по информативности пласт армянских памятных записей относится к средневековым переселенческим очагам армян, разбросанным по странам Ближнего Востока, Средиземноморья, Восточной Европы, Северного Прикаспия и т.д. Эта группа источников освещает не только различные стороны деятельности той или иной армянской колонии, но и содержит весьма важные исторические сведения о данной стране, городе или местности.

Армянских книг, написанных в городе Замосцъ, существует мало, несмотря на многолюдность здешней армянской колонии и, в общем, некороткую ее историю. Причиной тому послужили окатоличивание и повсеместная полонизация местных армян, завершившиеся к середине XVIII века, равно как и постоянная политическая нестабильность в регионе уже с середины XVII века. Дошедшие до нас несколько армянских манускриптов, написанных в Замосце, хранятся в разных музеях и библиотеках Иерусалима, Вены, Антилиаса, Еревана, Львова и других мест. Как и во всех остальных случаях, так и в сводном собрании этих книг численное превосходство за экземплярами, предназначенными для организации богослужения в церквах. Это –– Евангелия (Аветаран), Требники (Маштоц), Гомилярии (Чашоц), Гимнарии (Шаракноц), наряду с которыми встречаются и различные толкования, переводы с латыни и т.д. Первый манускрипт, к памятной записи которой обратимся здесь, является одним из наиболее ранних книжных памятников армян Замосця. Созданный в 1600 году и представляющий собой сборник сочинений по организации церковной службы, он ныне хранится в Иерусалиме, в книгохранилище армянского монастыря Святого Иакоба. Вот его памятная запись[1]:

«Итак, исполнилась книга сия, что суть (упорядочение) Таинства Святой Литургии и толкование ее, милостью Духа Святого изложенная католикосом армянским Нэрсэсом Клаеци[2] – кратко, на разных изречениях и примерах. А (список ее, писавшийся) по желанию моему, недостойного переписчика и грехами обросшего иерея Иакоба, закончен ныне: в Большое летосчисление Армянское 1049 [=1600 год[3]], месяца декабря 26, что суть Кауоц[4] 18, и 7 иудейского месяца Тбет[5], в новопостроенном городе Замосць, у врат святой церкви Успения Пресвятой Богородицы, в стране Илахов[6], в царствование Сигизмунда Третьего Илахского, и в патриаршество в Святом Эчмиадзине католикоса тэр Давида, и в верховное командование в королевстве Илахов отважного военачальника и боголюбивого князя, и сего города основателя господина Иоанэса, зовущегося на илахском (языке) пан Еанэс, которого да спасет Господь Бог от видимых и невидимых врагов.

Дабы в этом году объединить (земли?), князь страны Минтанов[7] и напал на князя страны Олахов[8] – Иеремию, а князь Иеремия, недолго повоевав, сбежал от князя Минтанов, имя которому Микаэл. И пришедши к границе страны Илахов, князь Иеремия заперся в одной из крепостей и послал поспешно гонца к королю Зигмунду [= Сигизмунд] и к военачальнику Ионэсу, попросив помощи (у них), ибо именно последними был поставлен князем над страной. По приказу короля отважный полководец Иоанэс с многочисленным

конным и пешим войском, свыше 4 000 (человек), выступил против (Микаэла) и, напавши, обратил в бегство врага, а Иеремию утвердил князем на его (прежнем) месте; затем, преследуя неприятеля, (военачальник Иоаннэс) отправился в страну Минтанов, которую и, завоевав, присоединил к владениям королевства Илахов; и назначил в ней управителя, родственника князя Иеремии, и оставил там часть войска для защиты страны, а сам вернулся с превеликой победой и бодрым лицом в дом свой и город свой Замосць, который был построен в его честь, поскольку сам он по отцовскому имени зовется «Замойский».

Потому и просим со слезными мольбами у всея Создателя, чтобы ежечасно наделил мощью сего (Иоанэса) пред врагами, и продлил время жизни его, ибо немало любви проявляет (он) и к нашему народу армянскому, в знак чего и поставил судью из народа армянского; и первым судьей над армянами стал господин Александрос, сын господина Хачереса: муж мудрый и гениальный, справедливый и милосердный к подсудимым, по сему и этого [= Александроса] да удостоит Бог долгих лет (жизни), аминь...»[9].

В приведенной записи есть несколько важнейших сообщений. Во-первых, из нее явствует, что в 1600 году в Замосце уже действовала армянская церковь традиционного Апостольского (в русскоязычной литературе Армянская Апостольская Церковь нередко именуется Григорианской или Просветительской) толка, построенная в честь Успения Пресвятой Богородицы. О конфессиональной принадлежности церкви и ее служителей говорят упоминание всеармянского католикоса Давида в качестве признаваемого церковного главы, а также использование армянского летосчисления. Во-вторых, приводятся интересные подробности о польско-молдавском вооруженном конфликте летом 1600 года, завершившемся походом Яна Замойского в Молдавию. В результате Михай Храбрый был побежден, а власть Иеремии Могилы, укрывавшегося в Хотынской крепости польского ставленника, восстановлена[10]. Понятно, что симпатия автора записи иерея Иакоба, жителя города Замосць, на стороне не свободолюбивого «господаря Валахии, Трансильвании и Молдавии» Михая Храброго, разгромившего турецкие войска в 1595 году, а поляков и Яна Замойского. Наконец, в-третьих, в записи говорится о присвоении армянам Замосця внутреннего самоуправления, осуществляемого судом. Первым судьей, который, надо полагать, и правил в 1600 году, был некий господин Александрос, сын господина Хачереса.

На предыдущей странице той же книги есть и другая запись, оставленная неким Симоном из Замосця: *«О, молю помянуть и оставить без порицания (меня), греховного и жалкого писца, малость потрудившегося (над этой книгой) Симона Замойского»*[11].

Следующая памятная запись, к которой обратимся, составлена в 1603 году. Приписана она к книге «Толкование Пятикнижия от Ефрема», созданной в Замосце:

«...Итак, списан богодухновенный труд в лето Армянское 1052 году [=1603], в стране Илахов, в городе Замосць, под сенью (церкви) Святой Богородицы, во времена патриаршества у армян тэр Мелкисэдэка[12]*, и царствования у Илахов Зигмунта [= Сигизмунда], и военачальника его Иованэса, зовущегося на илахском (языке) Еан, а по отчеству — Замойский, который и в соответствии с именем своим построил город сей и назвал Замосць; и в этом году замкнулись вереи [= боковые устои] городских ворот.*

Таким образом, достигнув завершения Толкования, молю вас, изучающих (его), помянуть меня, недостойного писца иерея Иакоба, кто с превеликим желанием списал эту (книгу) в память о душе своей и своих родителей; и вы, кои помянете (нас), да будьте помянуты Христом, Богом нашим, который благословен Отцом и Святым Духом ныне и присно, и вовеки веков, аминь»[13].

Важнейшим сообщением этой записи является сведение, касающееся фортификации города. Скорее всего, выражение «замкнулись вереи городских ворот» означает не вертикальное замыкание верей аркой

или каким-либо другим сводом, а территориально-пространственное. А это, в свою очередь, возможно, означает, что в 1603 году завершилось строительство городских крепостных стен по всему периметру.

Перейдем к следующей памятописи. Та была приписана к книге «История о семи мудрецах», переведенной с латыни в 1614 году в Замосце неким иереем Иакобом Тохатеци, или же Иакобом из города Тохат[14]:

«Я, иерей Иакоб Тохатеци, потомок рода Бадук, переложил эти поучительные истории с латинского писания на армянский язык по просьбе моего учителя [такого же по имени] тэр Иакоба Тохатеци, которого зовут Айватенц[15]; лета 1063 [= 1614 год], февраля 13, в стране Леһов, в городе Замосць (составлена запись)»[16].

Основываясь на сведениях памятных записей, следует констатировать, что в начале XVII века среди армян Замосця определенное место занимали выходцы из Малой Армении, в частности городов Тохат и Амасия, к тому времени уже входящих в состав Себастийского вилайета Османской Турции. Они, очевидно, были из числа тех переселенцев, которые, массовым образом покинув родные места из-за свирепствовавших там грабителей-джалали[17], обосновались в Восточной Европе, в частности, Северном Причерноморье. Об этих событиях достоверные сведения приводит один из очевидцев-армян, писец и поэт Степанос Тохатеци, бежавший вместе с семей в Крым в самом начале XVII века[18]. Столь ощутимым был исход населения, и в первую очередь армян, из Анатолии и Западной Армении в период движения «джалали», что в 1610 году султан Ахмед был вынужден издать указ о возвращении переселившихся на свои прежние места[19]. Однако, как показывают источники, массового возвращения так и не последовало.

Следующая запись, приписанная к Гомилярию из собрания Императорской библиотеки Вены, неоднократно издавалась. Датированная 1626 годом, она повествует о передвижениях высшего армянского духовенства, в том числе и самого католикоса Мелкисэдэка, по армянским переселенческим очагам Польши. Целью поездки был сбор добровольных пожертвований. В Замосце, помимо сбора средств, они собирались также основать церковь. Скорее всего, речь идет о том, чтобы построенную в конце XVI века на скорую руку церковь заменить новой, более основательной. Но не стоит исключать и возможность постройки для многолюдного армянского населения города новой церкви, не имеющей отношения к первой. Забегая вперед, отмечу, что приведенная здесь последняя запись, датированная 1657 годом, намекает о действовавших в городе нескольких армянских духовных центрах.

Итак: *«Лета 1075 [= 1626 год], мая 19, в день субботу, в Замосць прибыли (мы), владыка Мартирос из Эчмиадзина, и владыка Егия из Ерзынки, и иеромонах тэр Хачатур из Лова [= Львова] для сбора пожертвований и основания святой церкви; а (было это) в патриаршество владыки тэр Мелкисэта католикоса, который сам оставшись в Лове, и послал нас в город Замосць, а также в священничество тэр Иакоба священника, в доме которого и, придя, остановились; да прославит Бог его во душе и во плоти, аминь»[20].*

Следующие три записи относятся к одной и той же книге и неоднократно публиковались в оригинале. Они составлены в 1627-1628 годах тем же Иакобом Тохатеци (Евдокаци), учеником Иакоба из рода Айват, которым написана приведенная выше запись 1614 года. Книга называется «Псалмы, переложенные на стихи Иакобом Тохатеци»:

«Священником Иакобом из Евдокии переложены псалмы Давида (на стихи), все сто пятьдесят..., чтобы с наслаждением исполнялись (они) певчими и внимались слушателями... Но при списывании этой (книги) необходимо осторожно отнестись к письму и словам, ибо если (даже) одна буква прибавится или убавится, захромает метр слога...»[21].

В той же книге есть и стихотворная запись 1627 года:

«А упоминания удостойте меня, недостойного,
Иерея Иакоба Тохатеци исстрадавшегося,
Кто есмь скиталец в этом краю чужбинном,
В стране Леһов, в новом городе Замосць.
А также родителей моих помяните в час прошения:
Превелико верующего отца моего Алтуна, мать мою Анну,
Которые не дожили до старческого возраста,
А в пору средних лет скончались.
И (помяните) бдящего наставника моего многомилостивого,
Святого священника по имени Иакоб Айватенц,
Исполненного мудрости, совершенного в науках,
Душою чистого, плотью постившегося (даже) в старости.
И всех моих кровных близких (помяните),
И весь народ города сего:
Старцев и отроков, юнцов и дев,
И тех, кои с верой положены в могилу.
В лето Большого календаря иафетского[22],
(Когда) был тысяча и семидесятый, а также шестой [= 1627] год,
Я, грешный, изложил это сочинение,
Подарив любословам в наслаждение»[23].

В следующей памятописи из этой же книги, составленной годом позже, в 1628-м, говорится:

«Слава (Богу)..., что дал силы (мне) дойти до завершения книги мелодий, что называется «Псалтырь Иакоба»...

Итак, написана эта (памятка) рукой Иакоба, сочинителя сего (Псалтыря в стихах), многогрешного и неоднократно ошибавшегося существа преходящего, в память о душе (своей) слабой, в летосчисление Армянского календаря 1077 [=1628] году, месяца апреля 28, (когда) милостью Святого Духа завершилось (написание книги) в городе Замосць, под сенью (церкви) Святой Богородицы. А кто ныне является католикосом в святом Эчмиадзине, неизвестно, поскольку в

прошлом году, что был год 1076 [=1627][24]*, католикос наш тэр Мелкисэдэк в Каменце принял кончину. Но викарием Лова [=Львова] суть тэр Никогаес, новоназначенный архиепископ на своем престоле, которому Бог да продлит годы (жизни), аминь»*[25].

Следующее сообщение составлено известным хронистом Симеоном Лехаци, родители которого прибыли в Замосць из Крыма. Точная дата его записи неизвестна, а указанное в ней время прибытия католикоса Мелкисэдэка во Львов нуждается в уточнении. Несомненно одно —— запись составлена после 1626 года:

«Я, греховный и недостойный... Симеон, сын Мартироса (списал Евангелие). Родители мои, родом из страны Гуннов [= Крым], из Господом удерживаемого и Богом хранимого приморского города Кафа [= Феодосия], бывши скитальцами, прибыли (и) обосновались в христианской стране, в области Рузов [= Русской], где властвуют Леһи, в новопостроенном поселении Замосць, и оставив нас (своих детей?), приблудившимися, сами сменили жизнь преходящую на всеобщую надежду – Христа. А меня отдали изучению книг, чем я (и) занимался с детства до совершеннолетия, обучаясь и упражняясь в училище в Польше, у ног вардапетов[26] *и знатоков. <...>*

А в год 1077 [= 1628], в сентябре месяце, в Польшу прибыл католикос Эчмиадзина Мелкисэт[27]*, пожилой и состарившийся,ополоумевший и лишенный сил; был (он) изрядный выпивоха и сребролюбец, имевший при себе епископов, подобных самому же пьяниц, а от учебы напрочь далеких; и остались (они) в Илове [= Львове] полгода»*[28].

Рассмотрим запись, приписанную к другому Гомилярию из Императорской библиотеки в Вене. Она составлена неким иеромонахом Хачатуром в 1630 году и дает некоторое представление о порядке раздачи священного миро в церквах и монастырях армянских переселенческих очагов:

«Лета 1079 [= 1630 год], сентября 20, (в) день понедельник, в патриаршество владыки тэр Мовсэса, для сбора пожертвований в Лов прибыл тэр Хачатур вардапет со святым миром (при себе); и меня, греховного иеромонаха Хачатура, отправил собирателем пожертвований (взамен) на святое миро в сей богохранимый город Замосць, во времена священников (там) тэр Иакоба и тэр Андреаса; и придя сюда, остановился в доме священника Андреаса, да прославит его Бог в этой жизни и в вечности, аминь»[29].

Из собрания той же венской Императорской библиотеки Требник, написанный в 1638 году Иакобом Тохатеци, по просьбе сына – священника тэр Петроса:

«Слава (Богу)... что дал силы (мне), состарившемуся до немощности и прогнившему во плоти (переписчику) завершить святую книгу, что называется «Требник». Итак, написана сия (запись) рукой многогрешного иерея Иакоба, в стране Илахов, в городе Замосць, у врат (церкви) Святой Богородицы, в летосчисление Армянское 1087 [= 1638] году, во времена царствования у Илахов Влатислава [= Владислава] Четвертого и патриаршества в Святом Эчмиадзине владыки тэр Филипоса католикоса. В месяце феврале 25 завершил (я эту книгу, писавшуюся) в усладу моему старшему сыну, священнику тэр Петросу, потому и со слезными мольбами прошу у Бога-вседержителя, чтобы позволил (ему) в благости пользоваться им на долгое время, до глубокой старости...

Итак, пав на лице, молю вас, братья, кои повстречаете сию книгу, читая или списывая (ее): скажите «Боже помилуй грешного иерея Иакоба и его сына священника тэр Петроса...»

В этом году [1638] умер великий князь, владыка города, пан Тумас [= Томаш] Замойский —— муж гениальный и мудрый; да осветит Бог душу его, аминь»[30].

Памятная запись Евангелия из библиотеки Львовского университета, составленная в 1639 году переписчиком Мкртычем, свидетельствует, что сама книга написана во Львове, но в качестве подношения для армянской церкви в Замосце:

«Итак, списано святое Евангелие рукой многогрешного писца Мкртыча, в летосчисление Армянского календаря 1088 [= 1639] году, в стране Илахов, в городе, называемом Илэв [= Львов], у врат (церкви) Успения Пресвятой Богородицы и других святых церквей, во времена патриаршества в Святом Эчмиадзине владыки тэр Филипоса католикоса и царствования у Илахов Влатишлава [= Владислава] Четвертого. А викария сей области, взбунтовавшегося против (верховного) архипастыря, не посчитал достойным упомянуть здесь не только во благо, но даже в порицание, ибо множество неслыханных тягот причинил (он армянскому) народу Лэва, на чем не желаю останавливаться[31]*. Таким образом, брат мой Григор с превеликим хотением дал написать это Евангелие (мне) и, получив его на праведное имение и честные затраты свои, отдал церкви Пресвятой Богородицы в новопостроенном городе Замосць в память о душе своей, и своих родителей, и всех кровных близких своих...*

Итак, пав на лице, молю вас... помяните... во-первых, получателя сего (Евангелия), старшего брата моего Григора, и (меня), бестолкового писца Мкртыча, и родителей наших, отошедших ко Христу: отца нашего господина Хазара и мать нашу Катаринэ, и братьев наших – пана Тороса и пана Николаеса, и Андреаса, который в юношеском возрасте перешел из мира сего, и сестру нашу Шушун, и всех кровных близких наших, и скажите (им) лишь только «Боже помилуй», и всемилостивый Христос, всея Бог, вас, поминающих, и нас, поминаемых, да помилует в следующее пришествие Свое, аминь»[32].

В книгохранилище монастыря Святого Иакоба в Иерусалиме встречаем образец уже знакомого «Псалтыря Иакоба Тохатеци», скопированный в 1640

году в городе Замосць. Заказчиком книги был некий Хытыр из Сиса, что свидетельствует о временном или же постоянном присутствии киликийских армян в Замосце в тот период:

«Слава (Богу)… Который, щедро одарив милостью своей, дал силы моей ослабевшей особе достичь завершения книги мелодий, называемой «Псалтырь Иакоба», поскольку ты найдешь в ней все псалмы Давида, переложенные (Иакобом Тохатеци) на благозвучные стихи с разнообразными мелодиями.

Итак, списан сей (Псалтырь) рукой писца Аствацатура, по просьбе благочестивого и боголюбивого, богобоязненного и наистыдливого из людей господина Хытыра из Сиса; да позволит (ему) Бог пользоваться (книгой) в благости в течение долгих лет, амины!

В летосчисление Армянского календаря 1080 и 9 [= 1640] году и 29 августа месяца милостью Святого Духа завершил (я эту книгу) в городе Замосць, под сенью (церкви) Святой Богородицы, в патриаршество владыки тэр Филипоса католикоса и царствование у Леһов Влатислава [= Владислава] Четвертого. Во имя любви Божьей скажите «помилуй» (мне), переписчику, и Бог вас да помилует, аминь»[33].

Требник, написанный в 1645 году в Замосце, также из собрания венской Императорской библиотеки. В его записи встречаем имя еще одного выходца из Малой Армении, писца Марута из Амасии. Пребывая в городе Замосць, он, как и уже знакомый нам Иакоб Тохатеци, занимался созданием рукописных книг:

«Итак, списан служебник в стране Леһов, в городе Замосць, под сенью (церкви) Святой Богородицы, в усладу новопосвященному священнику тэр Иованэсу; да позволит ему Бог пользоваться (им) на долгие годы, аминь! А написан сей (Требник) в год 1094 [= 1645], рукой (моей), недостойного и неумелого писца, многогрешного писаря Марута из Амасии, кто оставляет (его) в добрую память о себе и родителях своих: (об) отце своем махтеси[34] *Алексаносе и матери своей Мариам. Молю повстречавших сей (Требник): в пречистых молитвах своих помяните недостойного писца (Марута), аминь! Не корите за ошибки (в книге), ибо столь была мочь наша»*[35].

В одном Требнике 1626 года, хранящемся в Матенадаране имени Месропа Маштоца в Ереване, имеется поздняя запись, сделанная в 1652 году в Замосце. В ней речь идет еще об одном посещении города свитой церковников, скорее всего, с целью сбора пожертвований в пользу церкви:

«Лета 1101 [= 1652], в среду Пасхи я, дьякон Давид, сын милостивой души Гаспара, написал (памятку) своей рукой, аминь! Эту запись сделал (я) в городе Замосць, когда прибыл (сюда) вместе с епископом тэр Андреасом, аминь»[36].

Следующая запись была составлена в Каменце в 1653 году. Приписана она к Часослову, который изготавливался как подношение для армянской церкви города Замосць. Запись исполнена боли и негодования, отчаяния и скорби. Главной причиной

тому были бедствия, причиненные бесконечными нападениями войск Богдана Хмельницкого: разорение и опустошение польских городов и сел, церквей и подворий, пленение людей и сдача их в руки татар в качестве невольников. Для армянского населения этих мест ситуация усугублялась еще и внутренним конфликтом с львовским викарием Армянской церкви, архиепископом Никогаесом Торосовичем, назначенным на эту должность, как уже было сказано, католикосом Мелкисэдэком при его посещении Львова и Каменца. Подталкиваемый католическим клиром и королевской администрацией, предприимчивый и неугомонный архиепископ Никогаес всячески навязывал польским армянам католическую религию. В 1653 году, лишенный моральной и материальной поддержки своего прихода, он отправился в Константинополь, где на тот момент находился католикос, чтобы заручиться его словом и найти управу над своим народом. А католикос, вместо того чтобы вообще не допустить его возвращения во Львов, обязал подписаться под требованиями из четырех пунктов, надеясь, что, вернувшись на свою должность, тот выполнит их[37]. Вот эти моменты и затрагивает приведенная ниже запись:

«Итак, списан Служебник в стране Илахов, в городе Каменец, в горестное и грустное время, в скорбную и злополучную пору, и с огорченным сердцем и объятым пламенем душой, (ибо объявился) нечестивец и беззаконник из народа һОром[38], называемый именем Поктан Хмэлэницкэ [=Богдан Хмельницкий], который пять раз осаждал и полонял страну Илахов: города, села, области, поселения, церкви, часовни, священников и чтецов, живых и мертвых, все, что приходило на ум и (к чему) доходила рука. Он беспощадно и безжалостно (всех) замучив и забрав в плен, отдавал в руки иноземцев, что из народа, зовущегося «татар». Не внимал ни к плачу, ни к стенаниям, ни мольбам, и ни просьбам, а своей надменностью и сатанинскими уловками брал все, что хотел. Посему просим у Христа, Бога нашего, Кто ради нас был распят, умер, был погребен и воскрес..., чтобы Он своей щедрой милостью и человеколюбием заточил разинувшего пасть нечестивого и проклятого льва, отсек и голову (ему), изничтожил в бездне ущелья, и поставил пред неверующими частицу его (в урок), а всех нас, верующих, избавил бы от рук его –– неверующего, аминь!

Итак, (списана книга) по просьбе брата моего пана Миско, сына господина Крыштофа Мустафы, для святой церкви в городе Замосць, ради здравия его [пана Миско] и сотоварища, и внука по дочери, и (ради) души покоящихся родителей; да позволит Господь Бог в благости пользоваться (книгой) их [= замойским] священникам и пану Миско, аминь! Таким образом, сделал (запись) в Большое летосчисление иафетское 1102 [= 1653] году и в мае 22-го, в патриаршество в Святом Эчмиадзине владыки тэр Филипоса католикоса, в предводительство (у нас) в сию смутную пору ни того и ни другого (викария), а в ожидании возвращения господина Торосовича тэр Никогаеса (из Константинополя), и в царствование Еана Казимира. Написана сия (запись) жалким и беспомощным, грешным и недостойным слугой (Божьим), землей из-под ног ваших Вардересом, сыном господина Крыштофа Мустафы. Прошу вас, (святые) отцы мои и братья, кои прочтете и скопируете (эту книгу): меня, грешного, неустанно помяните, и поминавших Христос-Бог да помянет»[39].

И, наконец, обратимся к последней записи в этой статье, датированной 1657 годом. Приписана она к Гимнарию, написанному в Замосце. Как уже было сказано, автор ее намекает на существова-

ние в городе нескольких армянских церквей. Другим интересным сведением в ней является упоминание 94-летнего священника Иакоба Тохатеци, который продолжал служить в церкви Успения Пресвятой Богородицы в Замосце:

«Милостью Господа начал и с соизволения Его исполнил Гимнарий в стране Илахов, Замосце, в год 1106 [= 1657], ноября 9, в день понедельник. А списан (он) рукой (моей), неумело кропающего скорописца, грешной земли Никола, по сану, а не делами числящегося иереем в христианской иерархии, кто и, занятый делами, взялся за написание (его) в патриаршество в святом Эчмиадзине владыки тэр Иакоба, и предводительство архиепископа тэр Никогаеса Торосовича, и в царствование Казимира, и княжение в городе Замосць Еана Замойского. Написана (книга) у врат (церквей) Святого Успения Пресвятой Богородицы и других святых, при служителе святой церкви грехоискупающем священнике нашего времени, (неутомимом) труженике и седовласом старце, 94-летнем тэр Иакобе священнике и другом почтенном священнике тэр Иованэсе, кто суть сын Кристосатура из города Кафа [= Феодосия в Крыму]. Также, если сочтете достойным, (меня), немощного, незаслуженного и пустословного писца иерея Никола, сочувствуя помяните к священному и славному суду; пав на лице, прошу (вас), списывающих (с сей книги), чтобы не винили меня, неряшливого, ибо седовласым старцем написал (книгу), будучи 60-летним, (когда) убавились свет очей моих и возможности (остальных) чувств; молю, чтобы, оставив без порицания, в восходящих к небесам молитвах ваших поминали нас: (меня) и родителя моего Мурата, и мать мою Еаут, и усопшую супругу-матушку мою — Мариам»[40].

Завершая краткое обозрение армянских памятных записей 1600-1657 годов, имеющих отношение к польскому городу Замосць, можно подытожить, что их авторы, стремившиеся удостоиться Божьей благосклонности через свои творения, приводят весьма важные и нужные сведения. Те касаются как политической обстановки в Речи Посполитой, так и различных подробностей церковной и светской жизни армянской колонии Замосця, указывают на особенности внутриэтнического состава этой колонии, выявляют библиографические предпочтения армянских книжных мастеров, работавших на территории Польского государства, и т.д. Приведенные армянские источники в очередной раз свидетельствуют об активных передвижениях армян, а значит, и их главенствующей роли в культурном взаимообмене с Европой. Они констатируют важный вклад армян-колонистов в местную экономику, подтверждая их стремление к мирной, созидательной жизни.

На фото —армянские рукописные книги из музейных собраний Польши и Украины, представленные на выставке «Ars Armeniaca» в Замостье.

---

1 Присутствующие в русском переводе памятописей слова, даты и выражения в квадратных скобках [] отсутствуют в оригинальном тексте и введены для уточнения сказанного. Содержимое круглых скобок () тоже отсутствует в оригинальном тексте, но подразумевается автором записи. В переводах использованы и два транскрипционных символа: [γ] — заднеязычный звонкий вариант глухого [x]; [h] — гортанный придыхательный.

2 Речь идет об авторе — Нэрсэсе IV Клаеци, католикосе армянском в 1166-1173 годах. Известный своими лирическими поэмами, духовными песнопениями, сочинениями на историческую, богословскую, догматическую и богослужебную тематику, он получил прозвище «Шнорали» (Благодатный).

3 Армянское летосчисление отстает от Нашей эры на 551 год.

4 Каγоц, Кагоц – пятый месяц Армянского календаря, соответствующий периоду с 9 декабря по 7 января Григорианского календаря.

5 Месяц Тевет (Тебету) – десятый месяц Священного еврейского года, соответствующий декабрю-январю Григорианского календаря.

6 Страна Илахов, Ляхов, Лехов (Илах, Лях, Лех, Леh) – Польша.

7 Молдавия.

8 Страна Олахов (Олах, Влах) – Валахия.

9 Главный каталог рукописей (монастыря) Святого Акоба (на арм. яз.). – Т. 3. – Иерусалим, 1968. – С. 341-343.

10 Мохов Н.А. Молдавия эпохи феодализма. – Кишинев, 1964. – С. 307-310.

11 Главный каталог рукописей (монастыря) Святого Акоба. – Т. 3. – С. 343.

12 Католикос тэр Мелкисэт или Мелкисэдэк был коадъютором упомянутого выше католикоса Давида, затем — владык Срапиона и Саака. Не отличаясь сдержанностью, образованностью и патриотизмом, он сыграл негативную роль в истории Армянской Церкви и армянских переселенческих очагов Польши. Рукоположив злосчастного Никогаеса (Николаес, Никол) Торосовича епископом над львовскими армянами и уполномочив его безграничной церковной властью на месте, тэр Мелкисэдэк умер в Каменце в 1626 году (см.: Аракел Даврижеци. Книга Историй. – М., 1973. – С. 174-180, 288-290).

13 Каталог армянских рукописей книгохранилища монастыря Зммара (на арм. яз.). – Ч. 2. – Вена, 1971. – С. 35.

14 Евдокия, Евдоксия, ныне Токат в Турции.

15 Для того чтобы отличить себя от тезки-учителя, писец указал род, из которого происходил – Бадук. Надо полагать, учитель происходил из рода «Айват», почему и звался «Айватенц».

16 Сохранились два списка этой записи, скопированные в книги 1648 и 1662 годов (см. соответственно: Главный каталог армянских рукописей Католикосата Великого Дома Киликии (на арм. яз.). – Антилиас-Ливан, 1984. – С. 417; Medieval Armenian Manuscripts at the University of California. Los Angeles, 1999, p. 233).

17 Разбойничье движение «джалали» возникло на рубеже XVI-XVII веков, охватив ужасом и скорбью не только жителей Анатолии и Западной Армении, но и приграничных с последней земель Восточной Армении, находящейся в составе Персии. Аракел Даврижеци писал о них: «...джалали, поднявшиеся в то время в разных концах страны османской, были большими, чем они [турки], разорителями» (см.: Книга Историй, с. 60-74).

18 См.: Памятные записи армянских рукописей XVII века (на арм. яз.). – Т. 1. – Ереван, 1974. – С. 151-152, 235, 244, 374.

19 Там же, с. 375.

20 Последнюю по времени публикацию оригинала см.: Памятные записи армянских рукописей XVII века (на арм. яз.). – Т. 2. – Ереван, 1978. – С. 203.

21 Главный каталог рукописей (монастыря) Святого Акоба. – Т. 3. – С. 399.

22 Имеется в виду Армянское летосчисление. Армяне считают себя потомками Иафета — третьего сына Ноя.

23 Главный каталог рукописей (монастыря) Святого Акоба. – Т. 3. – С. 400.

24 Как стало известно из приведенной выше записи 1626 года, католикос Мелкисэдэк уже в мае того года был во Львове и отправил своих представителей в Замосць. Он умер в Каменце через 6 месяцев после прибытия, стало быть — в самом конце 1626 года.

25 Главный каталог рукописей (монастыря) Святого Акоба. – Т. 3. – С. 404.

26 Ученый монах, наставник; архимандрит.

27 См. сноску 23.

28 Памятные записи армянских рукописей XVII века. – Т. 2. – С. 284-285.

29 Там же, с. 369.

30 Там же, с. 718.

31 Речь идет об архиепископе Никогаесе Торосовиче, львовском викарии Армянской Апостольской Церкви, насильственно навязавшем католичество армянам Львова и окрестных мест (см.: Аракел Даврижеци. Книга Историй. Гл. 28).

32 Памятные записи армянских рукописей XVII века. – Т. 2. – С. 784-785.

33 Главный каталог рукописей (монастыря) Святого Акоба (на арм. яз.). – Т. 5. – Иерусалим, 1971. – С. 426.

34 От арабского «мукдуси» – «пилигрим». В христианской традиции этот эпитет означает, что данный человек совершил паломничество в Иерусалим, к гробу Господню.

35 Памятные записи армянских рукописей XVII века. – Т. 3. – Ереван, 1984. – С. 196.

36 Там же, с. 477. Пасхальная среда в 1652 году приходилась на 21 апреля.

37 Аракел Даврижеци. Книга Историй, с. 288-306.

38 Словом «hором» обозначали греков, вернее христиан греко-православного вероисповедания. В данном случае оно указывает на принадлежность Богдана Хмельницкого к лону Православной церкви.

39 Памятные записи армянских рукописей XVII века. – Т. 3. – С. 533-534.

40 Памятные записи армянских рукописей XVII века. – Т. 3. – С. 751.

Рационально понять происходящее

Наш собеседник – известный социолог Георгий Дерлугьян. Уроженец Краснодара, выпускник МГУ, получивший научную степень **Ph.D.** *в* **State University of New York at Binghamton**, *ныне* **Associate Professor of International Studies and Sociology, Northwestern University, Evanston, Illinois.** *На наш взгляд, Армянству необходимо слышать голос людей с широким горизонтом видения, поскольку мы как целое, несмотря на нашу глобальность, часто страдаем от узости этого горизонта. Сегодня, когда все активнее ставится на повестку дня вопрос об организации Армянства в целом и Спюрка в частности, важно правильно понимать общее положение вещей.*

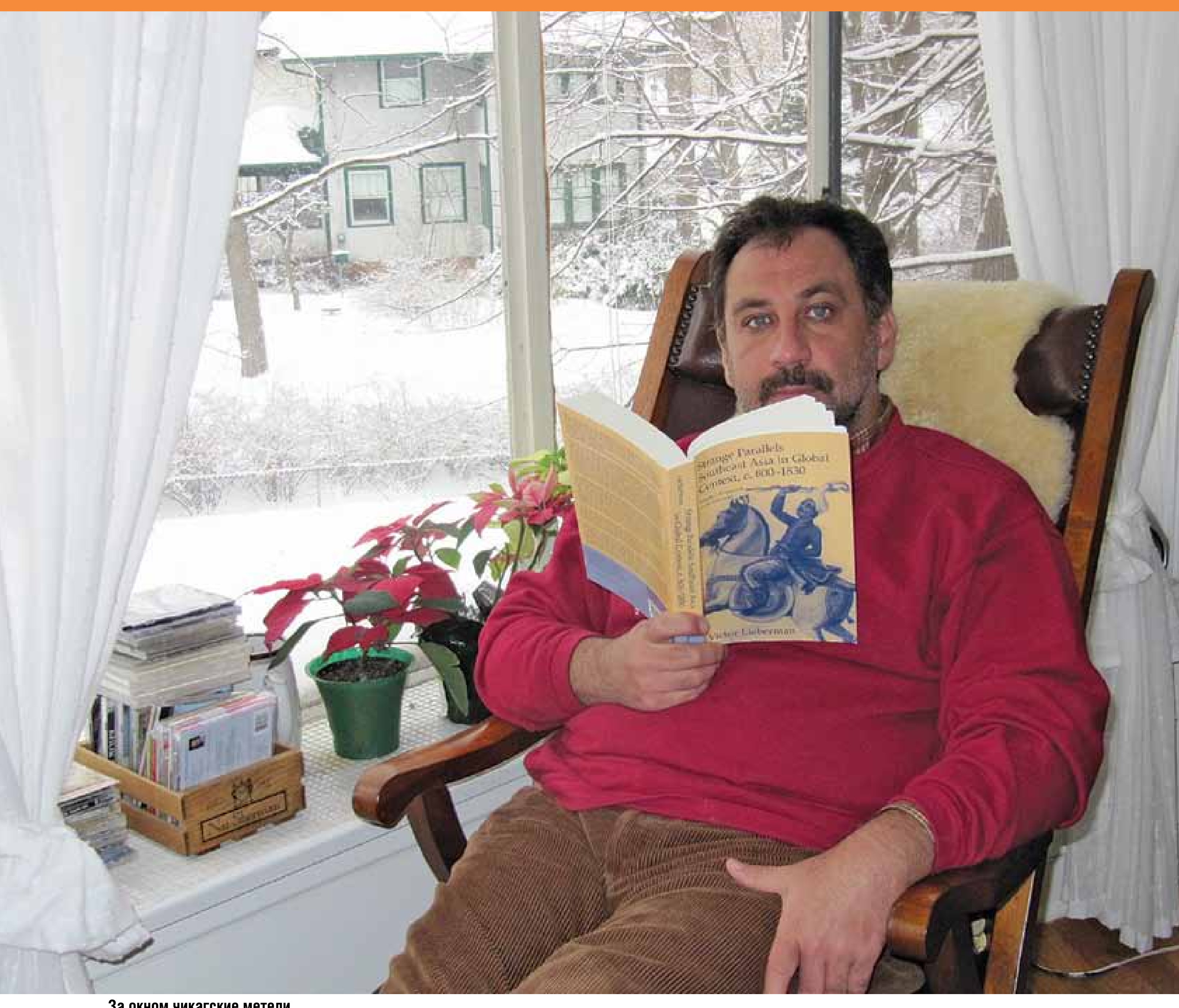
О либерализме и национализме

Идеи принимают по своим позиционным соображениям те или иные группы. Задача социолога — показать, какие группы, в какие моменты истории, как и почему оказываются восприимчивы к данным идеям. Если говорят, что народ потребовал, следует спросить: разом весь народ? Кто конкретно стал проводником идей, почему их восприняли, где и как возникает отклик? Тогда возникает более четкая картинка, с которой можно работать аналитически вместо риторических заявлений.

Либерализм и национализм, – конечно, абстракции. Они не работают, не говорят и не ходят сами по себе. Либерализм – это требование ослабления вмешательства государства ради высвобождения чьей-то инициативы. В разные периоды истории это программное требование используется совершенно разными силами. До недавнего времени, до недавнего кризиса, оно использовалось капиталистическими силами, которые хотели бы, чтобы их не сдерживали в поиске возможностей для обогащения и чтобы прибыли оставались у них, а не изымались через налоги. Но, заметим, государство при этом должно обеспечивать то необходимое, что либо слишком дорого, либо не имеет смысла производить частным путем: исполнение законов и безопасность, образованное население, массовое здравоохранение, дороги и прочую инфраструктуру. Как только наступают проблемы на капиталистическом рынке, раздаются требования о государственной помощи. Они нередко оформляются националистически – почему, скажем, китайцы с дешевыми товарами или Россия с дешевым металлом вторгаются на наш американский рынок? Надо защитить отечественного производителя.

Национализм – это идеология защиты своих, по признаку принадлежности к той или иной группе, и недопущения чужих. Недопущения по разным критериям – они молятся по-другому, пахнут по-другому, отбирают у вас рабочие места, вы боитесь за своих детей, выпуская их на улицу. Признаками принадлежности могут быть длительное проживание в стране и язык, но далеко не всегда. В США национализм вынужденно стал гражданским, потому что собственного языка у страны нет. Мы же эту специфику начинаем воспринимать как некоторую фазу развития, до которой мы еще не дошли. В Соединенных Штатах национальность определялась просто – те, кто смог сюда добраться, стали американцами. Конечно, это не касалось, тех, кого привезли в цепях, как рабов, не касалось индейцев, которые и так уже занимали континент, т.е. оформился поселенческий национализм европейских иммигрантов, которые считали своим отличием от Европы не язык и культуру, а некий дух самостоятельности, смекалку и расчетливость крепкого фермера. Так что совершенно разными были силы и векторы в разные периоды истории, и путаница возникает оттого, что мы одним словом называем разные, по сути, явления.

У национализма четкая и краткая политическая программа – создание государства, совпадающего с расселением того или иного этноса. В реальности это не всегда удается, точнее – даже редко когда удается. Слишком много исторически наслоившейся

За окном чикагские метели

чресполосицы, и это практически везде приводило к конфликтам. Демократия, вопреки распространенному виду оптимизма, не сглаживает, а, как правило, воспламеняет национальные конфликты, по крайней мере на первых стадиях и особенно в моменты, когда ослабевает государственный порядок, например, в революциях или проигранных войнах. Демократия предполагает участие населения в избрании политического руководства, распределении налогов, выборе школьных программ, наконец, в мобилизации солдат. Что, всего населения? И вон тех тоже? Да они же не наши. Кого они там изберут, что потребуют преподавать в школе? Увы, на сегодня установленный наукой факт, что геноцид в XX веке нередко связан именно с демократизацией. Это не значит, что самодержавие какого-то царя, султана или генсека лучше. Дело не в желании, в истории зачастую не было такого выбора. Свергали владык, потому что возникали новые исторические силы и связанные с ними конфликты. Вообще, мы только сейчас начинаем четко видеть причины возникновения демократии на Западе, что уж говорить о нашем недавнем прошлом.

Начиная революцию, элиты в Америке и во Франции предполагали провести некие переговоры с королевской властью по поводу более справедливого, более рационального, как им казалось, распределения обязанностей и прав. Мы ведь тоже люди состоятельные, умные и хотим получить доступ к управлению (примерно так же рассуждала интеллигенция в СССР). И вдруг выясняется, что власть-то собирается вас всех посадить и даже перевешать. Приходится идти на военные действия, и у вас нет денег, чтобы набрать обычную армию — до сих пор все армии

Осенью в Чикагском ботаническом саду

были наемническими. Значит, надо мобилизовать население. Это очень хорошо понял Бенджамин Франклин – он вернулся с переговоров и произнес знаменитую фразу: «Джентльмены, если мы не будем держаться друг за друга, нам всем предстоит висеть порознь». Пришлось создавать под обещание национального гражданства армию добровольцев, состоящую из фермеров. Вот вам первый успешный сплав либерализма и национализма. У французов та же ситуация – в 1793 году в ответ на иностранную интервенцию создается патриотическая армия, сочиняется «Марсельеза». Они наносят ответный удар, и эта армия вскоре становится наполеоновской.

К 1848 году казалось, что национализм, как и либерализм, подавлен практически везде, и вдруг все это взрывается. Лучше всего это описывает Хобсбаум в своей книге «Век революций». Дальше все европейские монархии очень быстро адаптируются и меняют свою официальную идеологию. До этого они были «богом данными», теперь становится ясно, что старая абсолютистская схема больше не срабатывает, и тогда очень быстро изобретаются национальные традиции. Есть хорошая книга, в которой показано, как в Англии создавался культ королевы Виктории. Раньше монархам не приходило в голову утверждать, что они такого же происхождения, как и подданные, это было даже оскорбительным. Вообще, национализм утверждается еще в Средние века, но это был национализм правящей элиты. Английские рыцари в столетней войне уже чувствуют себя именно английскими рыцарями, но люди из простонародья чувствуют себя местными, «тутэйшымі» (как это говорят по-белорусски). А во второй половине XIX века им начинают объяснять, что они часть нации.

Нация формируется через призыв в армию, всеобщее начальное образование, где детям объясняют: это наш национальный язык, наша история, наша литература, это светоч нашей литературы. Во всех столицах Восточной Европы на главной площади ставятся памятники поэтам – Адаму Мицкевичу, Тарасу Шевченко, Шандору Петефи, а в Ереване, соответственно, – Хачатуру Абовяну. И третье – национальный культ. Культ флага, жертвенности, войны – люди должны испытывать очень сильные эмоции. Сегодня в некоторых странах это футбольный культ.

Посмотрите, как в XIX веке абсолютные монархии, которым теперь повсюду грозит революция, постепенно делаются национальными и либеральными. Австро-Венгрии, России и Османской империи это явно не удалось –

они были слишком разношерстны и в целом бедны. Но поглядите, когда и в ответ на что возникает девиз «За Англию и королеву Викторию». В Англии это сработало — когда у вас много денег, много колоний, нетрудно предложить много хороших карьер на военной и колониальной службе, которые ведут к повышениям, высоким зарплатам, почетной отставке. Советский Союз сделал, в общем-то, то же самое после Второй мировой войны. Ты просто знал, куда надо поступить, сколько надо потерпеть и потрудиться, но через двадцать пять лет ты выходишь в отставку, у тебя есть почет, уважение, есть скромные средства к существованию. И это тебе обеспечивают организации с четко обозначенной национальной символикой — армия, национальная система образования.

Вот так везде возникает национализм. Потом появляется вопрос: а у вьетнамцев есть национализм? Они — часть французского Индокитая. А у словаков, у белорусов? Тут появляются вторичные национализмы. Армянский национализм формируется в то же самое время — во второй половине XIX века...

Мы постоянно занимаемся бесконечными дебатами по поводу ложного выбора, эдакой интеллектуальной игрой. Либеральный или нелиберальный выбор... Нужно же смотреть, что и каким образом возможно, чем я и занимаюсь как социолог. Социология — наука довольно техническая, она отслеживает возможности, которые предоставляет история, предлагает рассмотреть варианты. Либерализм и национализм — это прежде всего две идеологии буржуазии Запада XVIII века, которые потом распространяются на народные низы — тогдашних ремесленников, рабочих-поденщиков. Это идеология допуска к власти состоятельных людей, которые не имели на это наследственного права. К нам сегодня это имеет, честно говоря, очень отдаленное отношение, эта коллизия была разрешена еще в XIX веке.

Эффективность государства

Советский Союз был именно диктатурой развития. Такая форма власти и ее сверхзадачи возникли напрямую из поражения Российской империи в Первой мировой войне. В СССР все силы были подчинены единственной цели — созданию военно-промышленного комплекса. Это было средством устоять в новой мировой войне. Ужас в том, что Сталин доказал себя, добившись выживания в мировой танковой войне. Возможно, проживи Ленин еще лет двадцать, та же самая задача решалась бы без сталинской сверхподозрительности бывшего подпольщика и революционного террориста. Но не думаю, что намного гуманнее по отношению к крестьянству, да и остальному населению. Гигантские исторические стройки до недавних пор всегда стоили множества жизней. Сколько крестьян погибло на петровской постройке Петербурга? Французы и англичане в 1860-е годы положили на строительстве Суэцкога канала 200 тыс. египетских феллахов, американцы при рытье Панамского канала потеряли в десять раз меньше, но все равно 20 тыс. человек. В том и ужас, потому что если думать всерьез, то существенно более гуманной альтернативы советскому принудительному труду и героизму 1930-1940-х годов не находится. Допускаю, учитывая рациональный характер Ленина, можно было бы спасти миллионы, но при любом правителе и режиме такая индустриализация и такая война все равно бы сделали наши потери миллионными.

Весь оставшийся послевоенный период Советский Союз пытался как-то выйти из победоносной индустриальной диктатуры, перейти на мирные рельсы и при этом не утратить темп. Это, как известно, так и не удалось. Восстание, которое мы называем перестройкой, изначально было результатом фракционной борьбы в верхних слоях, в Политбюро, когда группировке, которая пыталась, по сути, перевести страну на капиталистические рельсы и встроить ее в устойчивое «международное сотрудничество» с Европой, не удавалось преодолеть сопротивление военно-промышленного комплекса и идеологически консервативной части Политбюро. Тогда они косвенно, но очень эффективно начали поощрять так называемую гласность — выражение всевозможного несогласия «низов» с политикой «коммунистического боярства». Армянское карабахское движение — непредвиденная локальная часть этой кампании по уничтожению среднего и верхнего звена коммунистического и военного аппарата. Взрыв не удалось сделать направленным, что в истории случается нередко. Общество — слишком сложная система, чтобы вполне исполнять чьи-либо интриги и тайные планы. История полна непредвиденных результатов.

Проблема в том, что аппарат номенклатурной власти не был преодолен — он просто развалился. Мы находимся на полуразвалинах, и в этих условиях вести, например, какой-либо бизнес достаточно бессмысленно, поскольку нет институциональных возможностей обеспечения собственности и выживания нормального бизнеса. Зачем вкладывать в технологии, когда в разы выгоднее иметь коррупционный доступ в государственный аппарат. Ничего нового в этом тоже нет. По всему миру — там, где невыгодные рынки, выгодно присвоение государственных должностей и связанных с ними привилегий. Поглядите на Мубарака с его семейством в Египте. Сегодня постоянно говорят о либерализме как стратегии противостояния группировкам, захватившим остатки государственной власти. Я говорю «остатки», потому что государственная власть сейчас слаба практически во всех республиках. В разных республиках по-разному. Самые простые показатели власти — собираемость налогов и способность справиться с преступностью, в том числе в собственных рядах.

На сегодняшний день либерализм — утопическая идеоло-

В Эчмиадзине с женой

гия прежде всего бывшей интеллигенции, которая не имеет доступа к политической власти. Утопическая, потому что без эффективного и подконтрольного бюрократического аппарата, увы, политические рекомендации либерализма неосуществимы. Для начала надо думать, как воссоздать аппарат власти, эту сложную и, прямо скажем, опасную, но совершенно необходимую машину координации человеческих усилий.

Противопоставление национализма и либерализма довольно искусственно. Во всей Центральной Европе успешные демократизации были националистическими – Польша, Чехия, Прибалтика. Это две взаимосвязанные идеологии, потому что успех связан с эффективностью государства. Не может быть успешной рыночной экономики и успешной демократизации при слишком слабой власти. Под слабой властью я вовсе не имею в виду демократическую в сравнении с авторитарной. В социологии мы выделяем два измерения государственности. Есть древняя деспотическая власть, когда хозяин может приказать кого-то убить на месте – голову с плеч долой. У любого царя древности очень много этой деспотической власти. Но есть еще и более недавняя инфраструктурная власть. Это повседневный рациональный контроль – знаете ли вы, чем на самом деле у вас занимается каждый постовой, сколько у вас собирается налогов, сколько их укрывается и где. Такая власть очень связывает начальников – все вынуждены играть по правилам. Взять премьер-министра Швеции и Чингизхана или Ивана Грозного. Чингизхан мог безнаказанно приказать убить тысячи людей, но он мог это сделать только там, где находился в данный момент со своим войском. Если он отъезжал на сто пятьдесят километров, он уже не знал, что происходит у него за спиной. Поэтому и действовали правители древности супержестоко, чтобы люди надолго запомнили. А премьеру Швеции очень трудно самому уклониться от налогов, и кому угодно в стране очень трудно уклониться, поскольку система построена так, что из нее не выскочишь. Работает спокойно, автоматически и размеренно, как часы. Это эффективная система, где возможна демократия, где выгодно вести предпринимательскую деятельность, где можно достойно существовать, имея и не самый высокий доход. Собственно говоря, все реформы в СССР после прекращения сталинских репрессий, регулярно грозивших уничтожением в первую очередь самой номенклатуре, были направлены на достижение европейского инфраструктурно-прочного государства. Именно в Европу двигался Горбачев, и, надо признать, почти нас туда привел, хотя, боюсь, еще лет тридцать никто ему этой заслуги не признает. Но ведь он убедил в какой-то момент даже Маргарет Тэтчер и Рейгана. С той стороны опасались подвоха, но ворота на-

чинали приоткрываться — слишком велик был для Запада соблазн вместо коммунистической ядерной угрозы получить мирного соседа с громадным внутренним рынком, образованной и пока недооплачиваемой рабочей силой и гигантскими природными ресурсами. Собственно, в том и была сделка — мы из военно–идеологической угрозы превращаемся в партнера. А в результате мы почти все на постсоветском пространстве скатываемся в «третий мир». У нас возникают типичные черты, которые вы видите в Пакистане или Сирии: семейная власть, доступ к государственным должностям как самый основной источник влияния и дохода — других источников в обществе практически нет. Это попытка раздела какой-то ренты, которую представляет собой государственная власть — потому что там есть возможность что-то делить.

Посмотрите, как соотносится эффективность государства и эффективность рыночных отношений. Это U-образная кривая. С одной стороны кривой — высокий уровень демократизации: Прибалтика, Польша. Чехия, Венгрия. Там же высокий уровень успеха рыночных реформ. С другой стороны — очень высокий авторитарный уровень: Китай, Вьетнам. И там тоже очень успешные рыночные реформы. Для рыночных реформ, очевидно, не важно, какого типа у вас государство — демократическое или диктаторское. Главное, чтобы оно было эффективным. Самый худший результат — в самом низу кривой, где положение промежуточное: ни демократия, ни авторитаризм, государство очень подкупаемое, неэффективное, семейное. Вокруг этого все сегодня и крутится в Восточной Европе. В какую сторону двигаться — к эффективному авторитарному государству? Это был проект Путина, и уже можно сказать, что неудачный, его можно критиковать не за недостаток демократии, а за недостаток авторитаризма. Или двинуться в другую, демократическую, сторону?

И очень интересно, что оба типа государства связаны с национализмом. Современные национальные государства, конечно, более прочны — государства, где люди чувствуют, что это их государство, что они не зря платят налоги. Где люди горды своим государством, а с другой стороны — государство чувствует некие обязательства: это наше население, мы с ним прошли через какие-то важные исторические испытания, это наши люди и мы их должны защищать.

Советское наследие

Главная коллизия XX века состояла в демократизации. Это начинается еще с Французской революции, но в XIX веке монархиям и сословным порядкам все-таки удалось устоять. Старый режим продолжался в большинстве стран мира до 1914 года — каждому сверчку полагалось знать свой шесток. И вдруг этот режим рушится. Фашизм, большевизм, социал-демократия, национализм — это колоссальный прорыв масс к власти и ее благам. То, о чем писал Ортега-и-Гассет. Ему, конечно, было страшно, и совершенно правильно — тот мир, который для него выглядел цивилизованным, неизбежно рушился.

Задумываясь об альтернативах в истории, видишь, что их нет или они довольно чудовищны. Что могло быть в России после 1917 года? Если не большевики, то правая диктатура. Пришел бы какой-нибудь генерал, как это было тогда во многих странах мира — Хорти, Маннергейм, Франко, Пилсудский. Поскольку в России противоречия были намного более острыми, скорее всего, военная диктатура далее трансформировалась бы в фашизм. Почти вся Европа в первой половине XX века прошла через диктатуры с массовой мобилизационной поддержкой. Даже Вишистская Франция становится искренне фашистской. Сами французы стараются об этом забыть, но энтузиазм по поводу маршала Петэна был массовым. Казалось, что это решает проблему.

Российская империя, которая была на 80% неграмотной, в 1957 году запускает спутник. Цена за ускоренную модернизацию была чрезмерной, ее обусловило сочетание нескольких факторов. Большевикам в гражданской войне удалось создать гораздо более эффективное государство. Вообще, коммунисты оказались очень большими государственниками. Именно потому, что у них была партия, была идеология. Царская администрация, по большому счету, в деревнях отсутствовала. Наезжали какой-нибудь становой, помещик, и был батюшка при церкви. Большевики сумели повсюду насадить сельсоветы, колхозы, школы, медпункты, военкоматы, прописку. Земские учреждения в царской России, конечно, шли в этом направлении. Как очень часто бывает, революции не столько ломают, сколько ускоряют прежнее движение, уничтожая ограничители. Великий французский политолог XIX века Алексис де Токвиль в 1850-е годы рассуждает о Французской революции, от которой пострадала и его дворянская семья: если взять точки за двадцать лет до и после революции и провести между ними прямую линию, вы, возможно, и не поймете, что произошла революция. Просто продолжалась линия, начатая еще при Людовике XIV его великим министром Кольбером. Линия на централизацию власти, назначение префектов во все провинции, которыми раньше управляли местные потомственные нотабли — они собирали налоги, вершили правосудие по своему усмотрению, Париж в это очень мало мог вмешиваться. Центр при Кольбере натолкнулся на сопротивление дворянства, которое продолжалось почти сто лет. Революция сломала это сопротивление, на руинах очень быстро был построен новый аппарат наполеоновской власти. И когда Наполеон уходит, власть остается: Кодекс Наполеона, военный призыв, единообразие мер и весов, французская бюрократия. Это именно то, о чем мечтал Кольбер в 1660-х годах.

То же самое со сталинизмом. Сталин — это не освобождение рабочих и крестьян, а прямое продолжение реформ Сергея Юльевича Витте, но крайними

методами революционного терроризма. Витте начал индустриализацию, платить за которую приходилось крестьянству и, отчасти, помещикам. Но оба класса оказали политическое сопротивление, что испугало царя, который предпочел пассивность. Возникла патовая ситуация, и царская власть не смогла ее разрешить. Ситуация закончилась колоссальным развалом под ударами германской военной машины, и на этих руинах появляется новая, большевистская, власть, которая полна решимости, но на самом деле не знает, что делать — Маркс ведь плана не оставил. Большевики в ситуации цейтнота начинают перенимать военную и экономическую организацию у самого передового противника — кайзеровской Германии. Продразверстку, между прочим, первыми применили немцы и австрияки, и подобные планы на случай войны существовали в столыпинском Министерстве сельского хозяйства, но их не решились или не смогли применить ни царское, ни Временное правительство. И вот в 1930 году проницательные Бердяев и Георгий Федотов пишут из эмиграции в Париже о первой пятилетке: мы-то думали, что это дьявол, а оказывается, что Сталин — это просто-напросто Витте сегодня. Сталин проводил за счет экспроприации крестьянства по сути ту же самую политику заимствования иностранных технологий и создания индустриальной базы. Как и Витте, он остро чувствовал геополитическую опасность. Но у Сталина были власть и аппарат, которых не было у Витте. И не было моральных ограничений в применении террора, поскольку большевики вышли из Гражданской войны и действовали ради сверхидеи...

Если бы, как предполагалось в 1989 году, Советский Союз смог войти в качестве равного партнера в Европу, выглядела бы эта траектория совсем не напрасной. Слаборазвитая царская империя чудовищным скачком была превращена в военно-индустриальную державу, которая выдержала борьбу с Третьим рейхом и затем достигла паритета с самой Америкой. В конечном итоге советская диктатура развития разменяла бы этот паритет и устаревшую революционную идеологию на этакую вечную разрядку напряженности в отношениях с ФРГ и Францией, сумела бы войти в круг европейских стран. Сегодня мы бы имели расширенный Евросоюз, в который входил бы все еще управляемый Горбачевым полуавторитарный Советский Союз. Тогда бы мы говорили совсем о другом — о том, что этот разгон ценой огромных потерь привел к огромным историческим завоеваниям.

Был совершен разбег, но мы не взяли препятствие — упали, разбились вдребезги. И почти вернулись к состоянию до 1917 года и даже хуже, потому что в 1917 году была динамически развивавшаяся Российская империя, хотя и с относительно слабым госаппаратом. Если говорить о том, осталось ли от СССР в Закавказье и Средней Азии позитивное наследие — сохраняются эти республики, есть еще какое-то образованное население. Государства Закавказья и даже Средней Азии принадлежат к ОБСЕ и формально считаются частью какой-то Европы. Но это наследие подвержено очень быстрой эрозии. Думаю, в течение жизни следующего поколения при сохранении тех же темпов эрозии, скорее всего, все это будет окончательно утрачено, и можно будет говорить, что XX век прошел совершенно впустую.

Модели развития

Почему успешные модели других малых стран Азии не могут заработать в постсоветских государствах Закавказья и Средней Азии? Обычно винят «разруху в головах», как писал в свое время Булгаков. Но возьмем Тайвань. Там, во-первых, население было необразованным и бедным, люди могли за копейки работать, изготовляя зонтики или пришивая пуговицы. Это преимущество — у нас такого населения вы уже не найдете. Образование нашего населения на самом деле — проблема, с точки зрения рыночной экономики — даже недостаток. Кроме того, население у нас слишком стареющее. Когда в 2005 году произошла «оранжевая революция» на Украине, здесь, в США, был один из довольно крупных деятелей Евросоюза, который знает ситуацию изнутри. Я спросил его приватно: «Ну, как быстро теперь примете Украину в Евросоюз?» Он ответил с потрясающей откровенностью: «Никогда. У Украины проблемы еще хуже, чем у нас — стареющее, слишком образованное население и огромная экологически вредная промышленная база, от которой невозможно легко избавиться. Нам скорее нужна Турция с молодым, малообразованным и готовым к черной работе населением, которое будет оплачивать из своих налогов пенсии нашим пенсионерам. Но, увы, Турцию мы не можем принять из-за сопротивления собственных избирателей».

Второе главное преимущество Тайваня — американский протекторат. Проигрывая войну во Вьетнаме, американцам отчаянно важно было не потерять Тайвань и Южную Корею. Эти страны надо было поставить на ноги. Их и поставили, причем самым эффективным путем. Им не только дали деньги, главное — им открыли доступ на американский рынок. Тайванем в то время правили те же самые гоминдановские генералы, которым американцы дали огромные деньги во время гражданской войны в материковом Китае. Между 1945 и 1949 годами Гоминдан получил только прямых вливаний на сумму около четырех миллиардов долларов того времени. И они ушли как в песок. Понимая, что проигрывают войну коммунистам, генералы просто разворовали американскую помощь.

И вдруг в 1960-е годы оказывается, что эти разворованные деньги выгодно вложить в производство, потому что вы получите гораздо больше. Вы берете свою рабочую силу на острове, производите зонтики, потом, благодаря связям с Японией, которые у

вас сохранились, вы их вывозите на американский рынок и там получаете неплохую прибыль, которую привозите обратно, создаете новое производство и т.д. Расчет тайваньских коррумпированных генералов был совершенно рационален: где вы получаете больше денег при меньшем риске — воруя их из бюджета или вкладывая в производство? В 1930-е годы было выгоднее воровать, и чанкайшистский режим славился своей коррумпированностью. А когда коммунисты выбили их на остров, американцы просто заставили вести себя прилично. Иначе этот режим развалился бы, и американцы потеряли бы ценный плацдарм в Азии.

Та же самая ситуация со странами Восточной Европы, которые получили приглашение в Евросоюз. Неужели полякам не обидно видеть, что Львов и Вильно Сталин у них отобрал и присоединил к другим странам? Или посмотрите на дискриминацию венгерского меньшинства в Румынии. И тем не менее Венгрия не стала начинать конфликт за Трансильванию. Элитам этих стран четко объяснили: если вы сохраняете мир и спокойствие, есть довольно хорошая перспектива попасть в Европу, где вы будете периферийной, зависимой, но частью Европы. Я спросил одного словацкого экономиста, что сегодня представляет собой их страна. Он с готовностью ответил: «Мы хоздвор Германии. Однако хоздвор все-таки Германии». Армения, Грузия, в значительной степени Азербайджан никому не нужны. Великая Роза Люксембург когда-то говорила: хуже капиталистической эксплуатации, когда вас не хотят эксплуатировать.

Иммануил Валлерстайн, Георгий Дерлугьян и ректор Олег Хархордин отвечают на вопросы студентов Европейского университета в Петербурге ◄▲

Любая элита в той или иной пропорции честолюбива и корыстна. Но люди идут ко власти и привилегиям теми путями, которые представляются более легкими, безопасными и которые им просто доступны. Если вам недоступны внешние рынки, гораздо проще присвоить какую-нибудь помощь либо что-то импортировать или перепродавать. Что собственно и происходит. Мы, к сожалению, видим то, что вполне предсказуемо. Изменить это можно, хотя и очень трудно. Первый шаг к тому, чтобы что-то менять — это рационально понять, что же происходит на самом деле. Это не «разруха в головах». «Разруха в головах» — это проповедь в духе «осознай себя». Никогда в истории это не работало. Надо менять систему стимулов, а они меняются только политически.

Эффективные авторитарные модели тоже ведь не так легко построить. Это требует функционирующей бюрократии. Старая мифологема в Восточной Европе — ей уже двадцать лет — если не получается демократии, пусть будет хотя бы нормальная диктатура. Вспоминали в связи с этим о Пиночете или Сталине. Вот бы быстро нам навел порядок! Но большая часть диктатур — посмотрите на Нигерию, Пакистан — просто разворовывают страну и уничтожают всех, кто им мешает это делать. Но есть другая, более редкая, разновидность диктатуры — которая по-настоящему боится за себя и потому вынуж-

дена становиться эффективнее. Что важно на Тайване и в Южной Корее — реальная коммунистическая угроза. Власти знали, что в случае прихода коммунистов их могут перевешать. Так же как и в СССР — эти люди в свое время реально рисковали жизнью, последним из таких вождей был Хрущев. Остальные вступали в партию уже по чисто карьерным соображениям — это поколение 1938 года.

Действующая бюрократия налаживается властью, которой нужны рациональные и инициативные исполнители. Такое обычно случается во время войн. Армения в начале 1990-х годов двигалась в этом направлении. Война вынудила самоорганизовываться и создавать реальную армию. Сейчас я, честно сказать, не знаю, что происходит с армянской армией и госаппаратом. Но мне кажется, все равно есть понимание, что этой армии предстоит всерьез воевать. И она будет нуждаться в мощном тыловом обеспечении: это экономика, хозяйство, это государство, которое может собирать налоги и не допустить их разворовывания. Все это начало формироваться, но совершенно очевидно, что многим это не понравилось. Не понравилось людям, за которыми стоят мелкие, в сравнении с национальными, коррупционные интересы. Это не «разруха в головах», это тоже такая вот организация власти, из которой очень трудно и редко кому удается выйти. СССР, Япония, Корея — исключение. Правило в нашем мире — Пакистан, Нигерия, Колумбия. И в этом, кстати, пессимизм социологии.

Ко мне, как к врачу, все время обращаются за рецептами, которые я уклоняюсь выдавать. Но есть много людей, готовых давать такие рецепты. Это, как правило, заклинания типа «Начни изменения с себя», «Проникнись духом». Я как-то не верю в примат идеологии. Люди выбирают идеологию так, чтобы она соответствовала их образу жизни. А вот менять образ жизни исключительно тяжело. Это либо форс-мажор, в котором можно и не выжить, либо удачное сочетание внешних условий. Тайваню, например, повезло, потому что он имел особое значение для США. Мексика или Гватемала тоже имели для США значение, но гораздо меньшее. Там экономический успех не требовался. Зато требовался в Германии и Японии. И американцы сумели его добиться. Когда я своим студентам рассказываю об этом, я спрашиваю: вы когда-нибудь видели автомобиль «Пежо» в Америке? А вы не задавались вопросом, почему французский автопром абсолютно не представлен на американском рынке. Теперь давайте задумаемся о том, какой была самая знаменитая модель «Порше» до 1945 года. Это был не автомобиль, это был танк, который назывался «Тигр». Кто производил немецкие подводные лодки? Компания «БМВ». Как назывался японский торпедоносец, который напал на Перл-Харбор? Он назывался «Мицубиси». Давайте подумаем, почему военно-промышленный комплекс Японии и Германии в такой степени представлен на американском рынке? Почему при этом нет британского автопрома? Британский автопром практически умер. Французский как-то держится государственными вливаниями. А вот германский и японский пошли вверх, потому что американцы понимали: нельзя допустить, чтобы побежденный враг тебя ненавидел, иначе ты постоянно должен будешь его держать и душить. Врага надо превратить в друга, союзника, который не может помыслить себя без твоей опеки и помощи». Смотрите, даже 60 лет спустя и Япония, и Германия частично остаются под американской оккупацией. В обмен на военные базы они имеют допуск к самому большому потребительскому рынку мира — рынку Соединенных Штатов. Эти реалии нужно понимать — интеллигенция вообще очень склонна к морализаторству, но в наших внутренних дебатах важно не упускать такие грубые реалии власти и собственности, существующие в капиталистическом мире. Капитализм существует ради прибыли, которая обеспечивается разными способами. Иногда грабежом, иногда удачными инвестициями на рынке. Выбирают то, что безопасней и легче. Вот институты государственной власти как раз призваны сделать выбор неграбительский более рациональным.

О субъекте истории

Важно понимать, что в истории есть хоть и ограниченное, но все же пространство для маневра. История больше похожа не на шахматы, а на нарды. Многое зависит от того, как зар выпадет. И тем не менее можно сыграть лучше или хуже. Задача исследователя — подсказывать, в какую сторону сыграть лучше. Страшновато, конечно. Настоящий ученый, наверное, всегда испытывает сомнения. И все-таки надо говорить публично, в этом наша польза.

Надо проговаривать, но ответственно, отвечая за свои слова — какие есть возможные опасности, какие варианты возможного будущего. Надо рассказывать людям, как устроен остальной мир. В Армении, как и во многих малых странах, представления об остальном мире очень мифологичны, и самая мифологизированная для нас страна, — конечно, Турция. Немного людей представляют, какие там разные слои общества, какие внутренние конфликты. Очень мало людей представляют, как работает Америка и как вырабатывается ее политический курс. Об этом надо писать. Я вообще очень ценю конкретные книги, о том, как работает та или иная система общества. Это полезное общественное знание. Бесполезное знание — это морализаторские призывы, своего рода проповеди, предназначенные в основном для повышения статуса проповедующего.

Субъектом истории являются организованные группы людей. Иногда это могут быть национальные группы, но, как правило, это какая-то элита, говоря-

Первая премия в категории «Общественная мысль» на Московской книжной ярмарке non-fiction (декабрь 2010 года)

щая от имени нации, какая-то группа или авангард, говорящий от имени класса. Но надо, чтобы они организовались. Чтобы организоваться, надо иметь партию или государство. Еще один вариант – какие-нибудь союзы бизнеса. Как организован американский капиталистический класс – через «think-tank», различные политические комитеты, неформальные клубы и т.п. Это могут быть также религиозные или криминальные объединения. Есть и слабоорганизованные группы – в частности, антиглобалисты. Чтобы стать эффективной, стать, как выражался Маркс, «классом для себя», группе требуются не только организация, но и идеология, которая давала бы эмоциональный порыв. Ведь очень важно, чтобы люди имели эмоциональную мотивацию.

Что касается интеллигенции – это заявка на власть в обществе той группы, которая не является властью, но принимает в ней активное участие. Это, конечно, подразумевает определенную степень демократизации, наличие публичной сферы. Иначе все сводится к чистой технократии – вам дали задачу разработать такой или другой проект.

О духе времени на примере 1960-х

Людям запоминаются эмоционально значимые события. Под эпохами подразумевается именно это – время, когда возникает состязательная конфронтация. Последний раз это имело место в 1960-е годы, когда конфронтация происходила на стадии экономического и культурного подъема. Посмотрите: капитализм расширялся, был невиданный рост экономики, но это же время было лучшим для коммунизма. Была какая-то удивительная уверенность в будущем – у самого Хрущева, у Кеннеди, у многих людей того периода. Это время расширения системы образования. Студенты даже не беспокоились, получат они работу или нет. Они беспокоились о том, как они будут себя чувствовать на этой работе, осмысленная ли это будет работа. А то, что работы может не быть вообще, тогда еще никому не приходило в голову. Что происходило с религией? Предыдущие двести лет наступал секуляризм. Но в 1960-е годы вроде бы и в Церкви как-то нашли новые способы выживания – состо-

ялся Второй Ватиканский собор. Удивительное было время: всем казалось, что они побеждают, поэтому хорошо спорилось.

Есть, в том числе в переводе на русский, статья Валлерстайна, Арриги и Хопкинса «1989-й как продолжение 1968-го». Поскольку пражские события были подавлены, все это оказалось отложено, и наша перестройка — прямое продолжение 1960-х. Скомканное продолжение, которое очень быстро сорвалось, хотя имело огромные последствия.

Протест 1960-х был, во-первых, направлен против авторитетов. Против бюрократического начальства и начальника вообще — застегнутого на все пуговицы, в пиджаке и при галстуке. Протест против университетского профессора, против номенклатурного босса, против генерала. И второе — против бездушной машины. Это был очень интересный протест. Протест не голодных людей. Людей с определенным уровнем жизни, которые требовали качества этой жизни и автономии своих культурных и политических решений, возможности творческой самореализации. Это был, конечно, протест против авторитарных систем, навязывающих вам все жизненные решения, в том числе против авторитарной массовой рыночной системы. Авторитаризм ее в том, что вам предлагается выбор из очень небольшого количества массовых товаров. То же самое, что происходит с телевидением — предлагается выбор из множества однотипных программ.

Будни социологии

В социологии последних лет новых достижений на удивление мало. С начала 1980-х годов крупных новых имен не появилось. Есть остроумные подсчеты молодых российских социологов — каков средний возраст людей, которые упоминаются в учебниках по современной социологии. Оказывается, все родились в 1920-40-х годах, все они — шестидесятники. В поколениях моложе народу много, в том числе меньшинств и женщин, но крупных теоретических работ удивительно мало.

В 1990-е в общественных науках наблюдались две тенденции. С одной стороны — откатная волна движений 1968 года, прежде всего связанных с идентичностью, которым удалось свои политические требования вписать в университетские расписания. Феминистки сумели добиться создания отделений гендерных исследований, афроамериканцам удалось добиться создания афроамериканских кафедр, были созданы всевозможные этнические кафедры, где тоже занимались культурологией самих себя. Во Франции движение постмодернистской философии поставило очень много вопросов и не дало до сих пор ни единого ответа. Замах был очень большой, все было раскритиковано. Очень долго ждали — если так замахнулись, каким же будет удар, но удара так и не последовало. Как сказал Валлерстайн, они очень полезно взмутили воду, но так и оставили ее очень мутной.

С другой стороны — колоссальную победу одержали экономисты. В качестве главных «инженеров общества» они вытеснили всех остальных, в том числе самих инженеров. Еще до 1960-х годов руководящие кадры почти во всем мире, особенно в коммунистических странах, имели инженерное образование. Их вытеснили люди с образованием экономистов и менеджеров. Поскольку у них есть идеологическое представление о том, как работают рынки, оно трансформируется в теорию рыночного поведения или рационального выбора, которая начинает применяться ко всему — от политологии и до теории брачных отношений все основывается на формальных моделях теории игр. Там возникло очень много ребусов и логических головоломок. Но исторически эта теория практически ничего не объясняет, потому что ей это и не нужно. Это очень идеологичная теория, исходящая из того, что капитализм и рынки универсальны, все люди преследуют свою эгоистическую выгоду. Остаются небольшие технические математизированные головоломки — выбирать тот или иной курс поведения. Экономисты-неорыночники очень озабочены негативным влиянием политики на экономику. Они считают, что политика существует для того, чтобы мешать рынкам, чтобы воровать. Развиваются различные теории коррупции, которые в нашем регионе мира пользуются очень большой популярностью среди ученых.

Движение в науке начинается в 1960-е годы, а написанные книги издаются уже в 1970-е. Тогда в науке были совершены прорывы — как будто волна накатила и потом откатилась обратно. Эти прорывы в значительной степени остались изолированными и неиспользованными. К ним мы будем еще возвращаться.

С XVII века были представления о том, что весь мир движется по ступеням прогресса, спор был только о том, сколько ступеней и куда они ведут. В представлении о прогрессе все были согласны. В конце 1950-х годов начинается сдвиг парадигмы. Раньше парадигма предполагала восходящие ступени, отсюда модернизация, разговоры о том, что кто-то отстал, кто куда должен двинуться.

Есть известный «эффект бабочки» *(речь о масштабном и непредсказуемом эффекте, который незначительное событие может оказать на систему. — Прим. ред.)*. Я всегда рассказываю студентам о том, как пытались создать прогноз погоды. Казалось, его можно просчитать на годы вперед — что нам стоит смоделировать состояние атмосферы, ведь уравнения довольно несложные. Главное — просто замерить, а это можно сделать в огромном количестве мест — взлетно-посадочные полосы во время войны создали по всему миру, все они были связаны с радиостанциями, везде находились метеорологи и компьютеры. Остается загрузить огромную массу данных в компьютер, дальше он все сделает сам. Но каждый раз получался другой вариант прогноза. Сейчас уже доказано, что прогноз погоды не-

возможен в принципе. Слишком много развилок, которые исключают множество вариантов. В истории, видимо, действует то же самое. Такие же теории хаоса начали возникать в физике, в эволюционной биологии. Теория хаоса прославила друга Валлерстайна Илью Пригожина.

В 1960-е годы исчез пиетет перед авторитетами. Это исчезновение пиетета позволило заново прочесть и Маркса, и Макса Вебера, посмотреть, что же они действительно говорили, вместо того чтобы читать авторитетно заверенные пересказы. Для советской системы образования весь марксизм свели к «Анти-Дюрингу», в американской системе образования всего Вебера свели к «Протестантской этике». В своей недавней статье для журнала «Эксперт» я употребляю название «организационный материализм». Производство новых идей — это командная игра, для которой необходимы поле, форварды, рефери, комментаторы и болельщики.

Вебер не противоположен Марксу. Скорее просматривается линия от Адама Смита к Марксу, потом к Веберу, дальше она идет к Шумпетеру, Грамши, Фернану Броделю, выходит к Валлерстайну, Чарльзу Тилли. На примере Тилли можно показать, что значит исчезновение пиетета перед авторитетами. В 1960-е годы Тилли, молодой социолог, выбирает себе очень странную для социолога тему диссертации — «Поддержка вандейской реакции крестьянами». Странную уже потому, что это Франция двухсотлетней давности, этим должны вроде бы заниматься историки. Социологи занимаются опросами общественного мнения сегодня. Как вы можете опросить крестьян XVIII века? Вы, конечно, можете пойти в архив, вылущить информацию, жалобы этих крестьян, письма, сохранившиеся документы, которые показывают, как все это происходило. И в 1964 году Чарльз Тилли делает работу с очень коротким называнием — «Вандея». Все должны вроде бы заниматься революционными парижанами, а тут реакционные крестьяне, которые выступают против революции — почему? Одновременно Валлерстайн подмечает огромное количество нестыковок в теориях капитализма — и марксистской, и теориях мэйнстрима, — которые принимают за данность, что при капитализме должны быть свободное рыночное хозяйство, свободная рабочая сила. Его критика в значительной степени идет по линии обращения к реальному историческому материалу: где эта свободная рабочая сила? Кое-где она есть, но гораздо чаще ее нет. В каких-то странах это крепостные крестьяне, в других — арендаторы-издольщики, батраки, а где-то, вообще, рабы на плантациях. Вот здесь и начинается переформулировка теории.

Мне только что прислал свою громадную работу Джон Паджетт, который применяет методы химического катализа к возникновению рыночных экономик, в том числе к провалу перестройки. Очень интересно. Кстати, через институт Санта-Фе *(создан в 1983 году группой американских ученых для развития междис-*

циплинарного подхода к изучению принципов эволюции сложных систем — биологических, социальных, экономических. — Прим. ред.) эта линия восходит к Илье Пригожину. Причем это не метафоры. Я как-то спросил Рэндалла Коллинза, насколько метафорично его понятие эмоциональной энергии. Он ответил, что оно вообще-то не метафорично. Это почти физиологическое состояние, когда люди охвачены дрожью, их несет, у них сами собой возникают какие-то идеи в голове, им чего-то хочется. Речь не о метафорах, но об аналогиях в динамике различных сложных систем. XIX век был заворожен линейными системами, на них была построена инженерия. Идея состояла в том, что законы линейных систем и законы термодинамики можно перенести на общество. Они были не то чтобы неверны, но слишком ограничены. Сегодня, если хотите, к исследованию общества применяются законы квантовой механики, теории хаоса. Сформировалось представление о мире как о чем-то гораздо менее предсказуемом, сложно организованном, необратимо развивающемся. Это представление становится если не господствующим, то по крайней мере оказывается на переднем крае науки.

Универсальная теория в общественных науках

Эти дебаты идут очень давно. С поисков общей теории начинал Огюст Конт. Периодически попытки построения такой теории возникают, периодически они дискредитируются. Такова внутренняя логика дебатов в науке. Здесь наиболее трезвую позицию занимает Валлерстайн, который говорит: мы должны понимать, что все научные теории эвристичны, т.е. работают, пока работают. Всеобщая теория подразумевает, что она раз и навсегда. В этом смысле есть две очень похожие теории — Талкотта Парсонса и марксизм-ленинизм. Вот мы сейчас создадим книгу, она будет состоять из табличек, которые все охватят, и проблема будет закрыта. Наверное, такой оптимизм сегодня кажется наивным.

Встает вопрос о том, как сшивать вместе теории, появившиеся в 1960-е годы. А тогда действительно появились мощнейшие прорывы: Пьер Бурдье — в понимании культуры, Иммануил Валлерстайн — в понимании мировых рынков, Чарльз Тилли — в понимании восстания, революции и вообще политических процессов. Это пока что несвязанные между собой направления, хотя я в своей монографии с необычным и немного ироничным названием «Адепт Бурдье на Кавказе» пытался их связать воедино и применить к объяснению нашего района мира. Вообще, советский опыт и его крах — важнейшая аналитическая задача на будущее.

Что остается от марксизма? Его идеологические предсказания, конечно, не переживут себя. Но марксизм как теория конфликта, марксизм как теория классов в современном обществе — эти блоки остаются. Тут встает масса других вопросов: например, могут ли нации вести себя как классы? Валлерстайн считает, что могут.

Многое надо было доделывать. Но Маркс действительно совершил важнейший прорыв. Точно так же как Макс Вебер с его «Протестантской этикой». Он, конечно, абсолютно неправ. Но у него масса того, что, в общем, не объедешь, это сегодня фундамент наших представлений. И самое, наверное, плодотворное направление — синтез того, что мы можем взять из марксизма и из незавершенных теорий Макса Вебера. Но никакого почтения — надо понимать, что эти люди жили сто пятьдесят или сто лет назад, они великие в основном потому, что первопроходцы, но точно так же они очень многого не знали.

О псевдонауке

Наукой не является, к примеру, геополитика. Есть небольшая геополитическая теория, сформулированная в основном Максом Вебером и его продолжателем Рэндаллом Коллинзом. Все, что можно вылущить из этой теории: да, географическое положение государства относительно других государств имеет определенное значение. Разница состоит в том, сколько у вас по периметру враждебных государств. Если вы, как Россия, упираетесь спиной в Арктику, откуда на вас не нападут, вам немного легче сосредоточиться на одном или двух фронтах.

Придумали ведь не только геополитику, но и конфликтологию, культурологию. Откуда это берется? В Советском Союзе существовало 250 тыс. преподавателей общественно-научных дисциплин. Не знаю, что случилось с этими кафедрами в Прибалтике, но даже там, я думаю, они сохранились. Потому что университетская среда, как ее очень удачно описывает мой коллега Эндрю Аббот, похожа на плетеную корзину — вытащить отдельную соломинку очень трудно. Факультеты и кафедры можно переименовать. Как вы понимаете, кафедры научного коммунизма были переделаны в кафедры политологии, конфликтологии и даже геополитики.

Огромное количество разных построений, которые я видел, совершенно не научны. Люди сочиняют кто во что горазд, потому что распалась научная среда, никто тебе не скажет, что это ерунда. Множество людей сами этим занимаются и это поддерживают. В относительной изоляции нашей науки за последние 20 лет возникли вот такие своеобразные мутные водовороты. Я представляю, что защищаются диссертации, что есть, наверное, какие-то научные советы по геополитике и национальной стратегии — не только в Москве, но и в Киеве. Это бывшие преподаватели общественных дисциплин. Видно, что у них почти начисто отсутствует научная эрудиция, они просто не знают, что писал Макс Вебер по геополитике. Как ни странно, но все эти люди, которые клянутся геополитикой, никогда не ссылаются на Рэндалла Коллинза или на Майкла Манна. Они ссылают-

Утро рабочего дня, перед лекцией в полной профессорской форме

ся сами на себя либо на завиральные идеи каких-то дореволюционных маргинальных авторов. Они создают собственные схемы, которые большей частью сводятся к очень элементарному национализму. Я думаю, это то же самое, что разлив экстрасенсов в медицине, появление огромного количества паранаучных школ, интереса к мистической восточной философии, множества колдунов. Это следствие распада научной среды.

Наука — это составление картинки реальности путем проверяемых и логически последовательных методов. У наших российских геополитиков постоянно нарушается логика, их построения не опираются на эмпирику. Это, если хотите, плохая поэзия. Риторический текст, который призван вызвать эмоциональные ассоциации. Если они пишут в расчете на массовую аудиторию, прежде всего в националистических газетах, они пишут с целью вызвать переживание. Это не объяснение, а проповедь, дурная поэзия или муляж науки. Люди занимаются изготовлением муляжей для защиты диссертаций в различных академических советах. Не скажу, что на Западе совсем не занимаются изготовлением муляжей, но у нас часть общественных наук настолько оторвалась от проверяемости, от профессиональной среды, что стало возможным заниматься и такой завиральщиной. Были усвоены самые элементарные азбучные истины западных учебников, в основном 1950-60-х годов, которые структурно соответствуют уровню научного коммунизма. Шарлатанов огромное количество, и есть большая вероятность того, что тебя будут оценивать шарлатаны. Есть еще и политический фактор, это национализм. Национализм, присущий военным, которым надо как-то заменять развалившуюся систему политработников, и вот они начали это делать — не только в России.

Правые и левые

Есть хорошее определение итальянского политического философа Норберто Боббио. Правые — это политические движения, которые верят в неизбежность или необходимость, полезность для общества той или иной иерархии, неравенства. Должны быть богатые и бедные, мужчины и женщины. У них разная роль в обществе, как и у разных наций, разных рас. Есть порядок, он нормален, и его не следует менять. Левые пытаются изменить порядок и сделать его более равноправным.

В XX веке левые связывали все свои надежды с более сильным государством. К 1970-м годам государство оказалось перегруженным, уже сами левые разочаровались в нем, и оно стало

Утро рабочего дня в Чикагском университете

сокращаться. Очень далеко ушли вперед в обобществлении и начали возвращаться назад. И вот тут традиционные левые терпят поражение. Они не смогли изменить системы. Они, наверное, и не могли ее изменить. Если Валлерстайн прав, то нельзя изменить систему, пока она нормально функционирует.

Не только Валлерстайн, но и Майкл Манн, и многие другие крупные теоретики говорят, что не совсем понятно, как капитализм будет развиваться дальше в среднесрочной перспективе – 30-40 лет. Даже сейчас не очень понятно, как мы будем выходить из нынешнего кризиса традиционными капиталистическими путями. Встает масса проблем с демографией... Но что самое главное – сейчас будут вовлечены в капиталистическую, предпринимательскую сферу последние крестьяне где-то в Индии и Китае. Конечно, их будут переваривать лет 20-30, но потом ведь произойдет то, что уже произошло и в Америке, и в Европе, и у нас – все образованны, все живут в городе и все рассчитывают быть каким-то средним классом. Но так ведь не бывает при капитализме – кто-то должен стоять у станка, кто-то должен за небольшую зарплату паять какие-то контакты, сшивать какие-то плюшевые игрушки, какую-то обувь

тачать. Значит, встает очень серьезный вопрос: либо надо резко ограничить доступ к образованию, либо поднять плату за обучение до такой степени, чтобы это стало непосильным для большинства, либо девальвировать средние университеты до такой степени, чтобы их дипломы стали совершенно никчемными. Есть другой вариант, перераспределительный, более социал-демократический. Мы еще не знаем, как все сложится, но объективно все идет именно в эту сторону.

Марксизма XXI века, теории, которая одновременно могла бы быть убедительной идеологией левых, пока не появилось даже близко. Я не вижу такой идеологии. Мы пока пребываем в очень смутных временах. Кстати, то же самое произошло с национализмом. Еще 20 лет назад люди верили в то, что стоит только нации добиться суверенитета — и наступит просто счастье. Сегодня суверенитет, практически, уже ничего не стоит. Идет массовое разочарование в национализме, хотя он сильнее классового сознания, поскольку остаются культурный остаток, культурные привязанности, но уже и они не связываются настолько с государством и суверенитетом, как раньше.

С другой стороны, национальные чувства вне борьбы за территорию и политическую систему связаны с борьбой за гуманизацию социальной среды — в основном, городской. Культура и некоторые традиции предков играют в этом большую эмоциональную роль — традиции общения, что подают на стол, как строятся отношения внутри семьи. Это борьба за эмоционально насыщенный фон. Проблема современного массового капитализма в том, что он крайне безэмоционален. Раньше ведь как было: покупаешь товар — «маешь вещь». Это настоящая деревяшка, железяка, что-то сработанное руками. Массовый ширпотреб — его не передашь внукам. Уже в 1950-е годы появились эти пластмассовые, блестящие дешевые вещи. Те же самые проблемы с массовой культурой. Здесь есть серьезная проблема и один из культурных фронтов, где левые движения в скором времени будут выстраивать довольно мощную позицию для конфронтации. Потому что все экологическое движение на самом деле идет в этом направлении, и, в принципе, оно все левое — это же романтика.

Протест против общества потребления — это ведь не протест против потребления. Только в каких-то суперрадикальных движениях готовы идти жить в вигваме. Но и то — не в землянке, не в бараках, а в вигваме на свежем воздухе. Прямой связи между потребительством и аполитичностью нет. Что показали работы Чарльза Тилли — люди не дураки, они восстают тогда, когда есть реальная возможность успеха и какой-то альтернативы. Думаю, следующая волна возникнет, когда появится более позитивная и интеллигентная левая программа — программа качества жизни.

Потребление

В своей работе «Различение» Пьер Бурдье исследовал потребление разных слоев французского общества. Разное образование, разные претензии по жизни. Кто-то пьет простонародное вино, высшие слои общества пьют виски, чтобы не выглядеть как остальные французы. Запад, конечно, впереди нас — здесь четко сформировался особый рынок, есть особые супермаркеты, куда люди приходят за экологичными продуктами и они действительно хорошего качества. Моя жена разговаривает с подругой в Ереване. И та говорит ей: «Как хорошо, у нас везде открываются супермаркеты». Пожив уже полтора года в Америке, моя жена отвечает: «Чему ты радуешься, у нас базары еще остались?» — «Кому надо на базар, когда есть супермаркет?»

Там уже не понимают, какая это радость человеческого общения, когда вы просто говорите с крестьянами на рынке, торгуетесь с кем-то, есть какие-то эмоции. В супермаркетах никаких эмоций нет. Там нет и вкуса, поскольку не может быть ничего свежего. Все индустриально упаковано, перевезено. Даже если выглядит свежим, на самом деле эту черешню собрали недозревшей две недели назад в Чили. Но стадия массовых супермаркетов в Америке уже пройдена. Уже возникают немассовые супермаркеты, где все дорого. Где хороший кофе, хлеб, который черствеет, молоко с гордой надписью на упаковке: «Это молоко негомогенизировано, оно прокисает за два дня» — и оно стоит в три раза дороже. Где яйца от «дворовых кур». Через Интернет можно записаться на индюка, не стандартного белого из птицефабрики, а на такого, у которого мясо жесткое, который ходил по двору, рос не менее одного года — такой «бабушкин» индюк.

Во время кризиса, когда людям трудно обеспечить базовое потребление, до такого потребления труднее дотянуться. Будут еще и марксистские всплески борьбы, и то, что я называю «революцией по Максу Веберу» — революция против бюрократизации рынков, власти, образования. Когда люди увидят, что выгодно и возможно уйти в какие-нибудь экологические фермеры. Это ведь уже постиндустриальный труд. Ведь в фермеры уходят не бывшие неграмотные крестьяне, которые не понимают, почему не надо опрыскивать картошку громадным количеством химикатов — хочется, чтобы выросло побольше, чтобы скорей можно было продать. Крестьянин мыслит как мелкий капиталист. В фермеры уходят из города, создают кооперативы, поскольку сто яиц в неделю невыгодно продавать на рынке. Создают объединение фермеров, у которых такие экологически чистые продукты, чтобы сформировать необходимую массу товара. Все это довольно сложно формируется. И здесь очень нужна помощь государства. Об этом пока рано говорить — в нашем районе мира государство является просто способом делания денег.

Продолжение следует.

НАМ НЕЛЬЗЯ ТЕРЯТЬ СПОСОБНОСТЬ К САМОСТОЯТЕЛЬНОМУ ТВОРЧЕСТВУ

Нам далеко не все нравится в армянском телевидении. Именно поэтому стоит чаще говорить о хорошем. Готовя к печати интервью с Артуром Бахтамяном, мы заглянули на его сайт – www.arturbakhtamyan.com с обширным архивом авторских телефильмов и передач, в том числе и тех, о которых он упомянул в нашем разговоре. Удивительно, как много он уже успел сделать. Редкое сочетание количества и качества работ не может не вызывать уважения. Пожалуй, Артур Бахтамян стал персонификацией лучшего, что мы видели и видим по армянскому телевидению. Стал лицом такого редкого сегодня феномена, как мыслящее телевидение.

Телевидение и Интернет

В целом тенденции развития современного телевидения уже близки в определенном смысле к исчерпанию. Сидя дома, люди следят за боевыми действиями, террористическими акциями, за работой форумов, которые обсуждают глобальные вопросы и принимают решения. Что еще выдумать, чем еще удивить, чтобы люди немного задержались перед телевизором – в этом отношении уже возникают сложности. Интернет уже в этом смысле перетянул значительную часть аудитории, и было бы хорошо, если бы телевидение поняло ситуацию и нашло себя в иной среде.

В свое время люди из поколения наших родителей покупали газету с программой телепередач и кружками отмечали, какие надо посмотреть. Все это давно в прошлом. Нам надо очень быстро войти в поле Интернета, дополнять визуальную информацию многочисленными параллельными ей слоями, которые сегодня человек может воспринять в Сети. Создать нечто, что выходит за рамки одного просмотра — сегодня можно посмотреть мою передачу, а завтра уже ничего не останется. Если на следующий день ничего не остается — значит, таков формат твоей работы, она одноразовая. Или фильм, который ты отвез на фестиваль, его посмотрели пятьдесят зрителей, и вот есть документ о твоем участии в фестивале. Надо сделать так, чтобы появилась возможность продолжать работу над материалом, постоянно дополнять его новым содержанием, обнаруженной информацией. Недавно Кустурица сказал, что он больше не будет работать для киноэкрана— в Интернете пять миллионов просмотров, а в кинотеатре каких-то пятьсот человек поаплодируют, и этим все закончится.

Информационные технологии

Армении нужно иметь потенциал в области современных технологий. Потенциал в человеческом смысле есть, но как он может развиваться, если внедрение информационных технологий идет так медленно, современная техника, доступ к Интернету настолько дороги. Среди студентов, которым я преподаю, один или два из сорока имеют компьютер, у четырех-пяти есть свой адрес электронной почты. Всего десять процентов имеют понятие о том, как пользоваться социальными сетями в Интернете. Уровень очень низкий. Для нас Иран — закрытое в информационном смысле общество. Конечно, в некоторых вопросах они находятся под влиянием стереотипов. Но когда нормальный ноутбук стоит триста долларов, очень дешево для среднего человека, когда есть очень быстрый Интернет, мы понимаем, что в стране думают о развитии. Все это важно, поскольку сегодня страну завоевывают не оружием.

Мы не видим ничего, что позволило бы сказать, что современные технологии — господствующее направление развития Армении. Строится современное здание, но там нет ни Hi-Fi, ни кабельного телевидения, каждый сам ставит себе антенну.

Я преподаю на факультете культуры, а также знаком с опытом других вузов, которые пытаются готовить специалистов для телевидения — положение дел очень печальное в отношении технической оснащенности, образа мышления и тех задач, которые ставятся перед студентами и которые ставят перед собой сами студенты. Предел мечтаний красивых девочек — главные роли в мелодраматических сериалах, для ребят — образы мачо, чтобы их узнавали на улице и т.д. Очень локальные интересы. У нас в целом не ставится цель достичь конкурентоспособности на этом поле — ни в рамках той или иной ереванской телекомпании, ни в самих границах региона или на ближайших к нам российском и турецком полях. Не говоря уже о европейском и американском — это задачи совершенно другого уровня.

Современное и национальное

Армянское телевидение — очень плохое отражение некоторых тенденций. Оно хочет не отстать от современных телешоу, не ставит перед собой никаких задач, кроме расширения аудитории, и эта задача решается за счет наполнения экрана, мягко говоря, низкокачественной продукцией. Я считаю, наши телекомпании — и те, что вещают только на местную аудиторию, и те, что транслируются на весь мир по каналам спутникового телевидения — должны обязательно иметь свой облик, четкий национальный характер. И этим национальным характером, национальным качеством быть интересными не только гражданам Армении, но и гражданам других стран.

Современность не означает потерю национального облика. В деле сохранения этого облика наш народ имеет очень серьезный опыт, он понес ради этого много потерь — политических, человеческих, территориальных и др. Теперь сохраненную сокровищницу нужно открыть и пользоваться ею. Но мы не можем этого сделать. Во-первых, потому, что нам самим неинтересно ее содержимое, и мы считаем, что оно никому неинтересно. Во-вторых, мы не владеем этим языком, этим мышлением, поэтому не знаем, как ввести наше наследство в оборот, получить от него пользу.

Мы гордимся пятисотлетней историей армянского книгопечатания, гордимся тем, что были в числе первых наций мира, освоивших книгопечатание, но сегодня мы не можем этим пользоваться в коммерческой плоскости, не можем организовать масштабные международные форумы. Мы полностью изолированы, мы в гораздо большей степени стали «жителями гор», чем раньше. Если раньше армянин ехал в Амстердам, чтобы напечатать книгу, то сейчас едет, чтобы украсть костюм в магазине или купить машину и перепродать. Если раньше армянский купец из Сингапура отправлялся на корабле по Индийскому океану искать новые рынки сбыта, выполнял важную функцию в международной торговле, сегодня этого нет.

Мне кажется, причина в незнании, невежестве. Сегодня в деле распространения знания телевидение — все еще широко используемое средство. Если оно продолжит играть такую же пассивную роль, как сейчас — передавать концерты местного значения, выпускать дешевую продукцию, — роль распространителя знания окончательно перейдет к Интернету, поскольку

там есть люди, которые хорошо сознают эту задачу и выполняют ее.

Спюрк и община

Мне кажется, в последние годы армянское телевидение полностью разрушило существовавшие в Спюрке до недавнего времени традиционные отношения, принеся с собой жаргонную речь, те нормы взаимоотношений, которые мы видим в наших сериалах. В последнее время я начал следить за армянскими радио- и телепрограммами в Спюрке — если мы в Армении решаем очень локальные задачи, их задачи еще более локальные. Целый час показывают концерт в детском саду — это предназначено только для родителей, которых наберется человек пятьдесят. Только они будут сидеть и смотреть. Им прежде всего важно, чтобы их ребенка показали крупным планом — в этом случае они останутся довольны. Все это естественно, поскольку внушается, что нужно интегрироваться в существующий в стране тип общества, а все армянское ограничивать своей замкнутой средой.

Хочу привести пример: пару лет назад в Тегеране наша съемочная группа получила предложение сделать очень интересный проект — снять фильм по театрализованному представлению, посвященному истории армянского женского наряда. Мы отнеслись к этому очень серьезно, насколько позволяли выделенные финансовые и прочие средства. Целый год мы готовили эту презентацию, Ваан Арцруни специально написал для представления музыку. Оно действительно было очень интересно, поскольку стало возможным увидеть, как менялись костюмы на протяжении двух тысяч лет, еще с урартийских времен — увидеть в исторической среде, в воссозданном контексте.

Иран — многонациональная страна, там проявляют большой интерес к культуре населяющих ее народов, особенно если речь идет о чем-то визуальном. Наши организаторы провели фантастический объем работы, чтобы представить материал должным образом. Когда я предложил пригласить иранских журналистов, искусствоведов, которые, как мне хорошо известно, действительно интересуются подобными вещами, мне ответили, что этого не нужно. Мы сделаем в своем кругу, придут примерно человек семьсот, посмотрят и разойдутся. Но нельзя вечно идти по этой дороге — ты сам себя от всего отдаляешь. Если бы делом занялись профессиональные организаторы, продюсеры, а не просто преданные делу патриоты, они организовали бы показ во многих странах мира. И это было бы всем интересно.

Наше место в мире

Если вспомнить фразу «нас мало, но мы армяне», которая подразумевает наличие качества, то сегодня мы имеем большие потери качества. День ото дня они заметнее, потому что люди получают другие мессиджи, находятся в другом поле и то, что для них высокое качество, в действительности очень низкокачественно. Сегодня им трудно осознать, как армяне тысячу или пятьсот лет назад совершили то, что до сих пор не дает покоя могущественным империям.

Например, всем не дает покоя, что в Иерусалиме есть Армянский Патриарший престол и квартал. Почему? На каком основании? Наши предки осознавали необходимость крепко держать наше место на большом рынке мира. Если нет такого же понимания у тех, кто сегодня строит в Ереване элитные дома, нет понимания, насколько важно присутствовать там, в Иерусалиме, значит, мы следуем по дороге дальнейших потерь. Понадобятся многие десятилетия и новые Месропы Маштоцы, чтобы их восполнить.

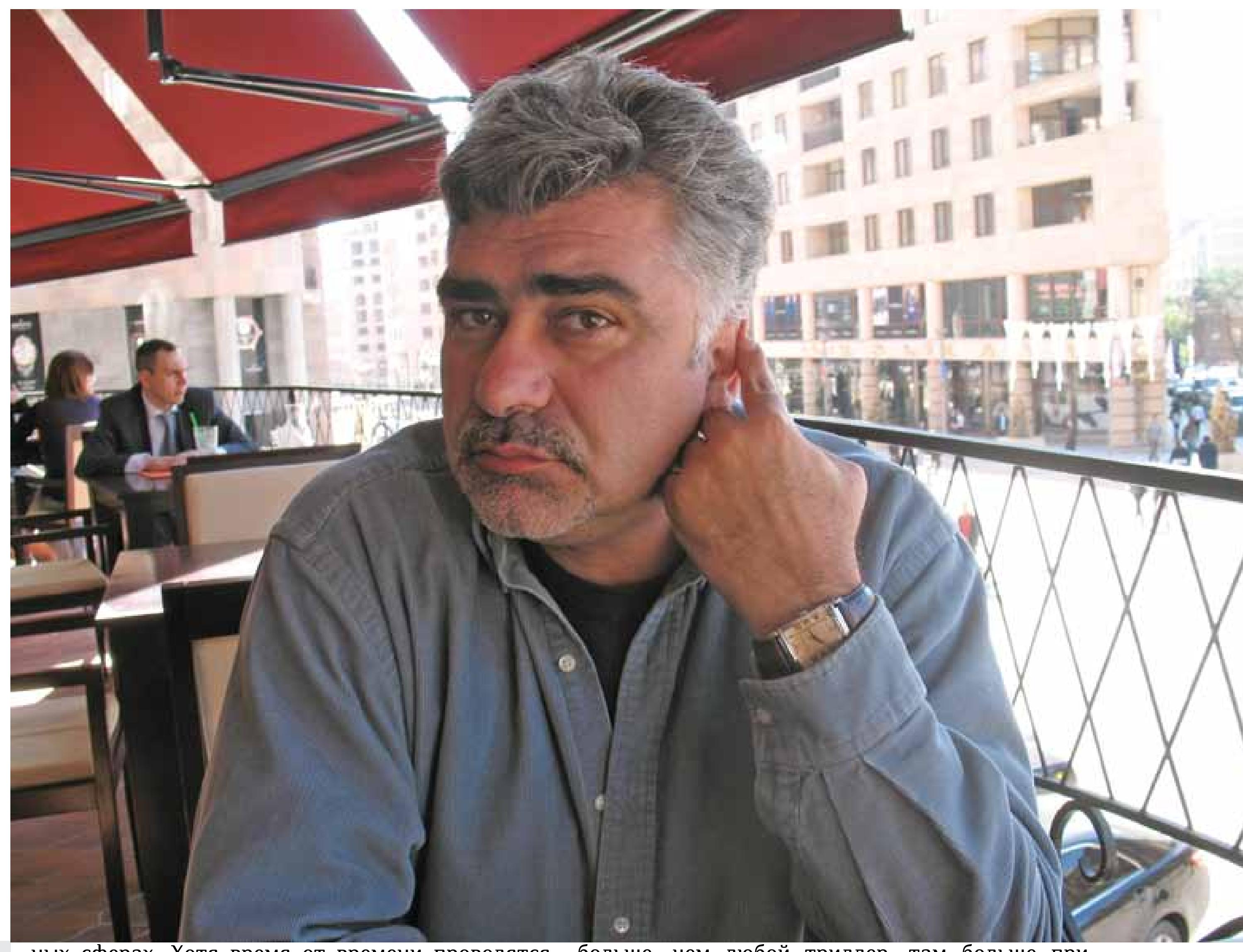
Прошлое и настоящее

Иногда, зная об истории, некоторые приезжают сюда в поисках сакральной Армении. Но где ее искать? В реальной жизни ее нет, в стране нет. Искать в Матенадаране или в Национальной Академии наук, где можно найти последних состарившихся собирателей фольклора? Эти исследования вообще прекратились, поскольку нет ни рассказчиков, ни специалистов по сбору. Прежние традиции полностью ушли из самых разных сфер жизни, и наша история стала для нас чем-то экзотическим. Мы ничего толком о ней не знаем, только время от времени произносим здравицы в ее честь.

В Греции, в Италии тоже часто задумываешься о том, какая связь сохранилась с античными греками или латинянами — теперешние греки и итальянцы совершенно другие народы. Если ты стоишь перед средневековым памятником и понятия не имеешь, что за надпись на нем выбита, значит, ты ничем не отличаешься от туриста и живешь в своей стране как турист. Более того, даже приезжий турист обычно знает больше, поскольку старается узнать, а местный житель высокомерно считает, что это ему не нужно, пусть другие интересуются. Твое незнание свидетельствует о твоей пустоте. Много путешествуя, я могу сказать, что положение, в котором мы сейчас находимся, имеет своей причиной наше личное отношение ко всему. О каком материальном вкладе речь, если мы не совершаем духовного вклада?

Собственный продукт

Сейчас большая часть нашей экономики связана с импортом. Мы все ввозим, даже сельскохозяйственную продукцию перестаем производить, поскольку выясняется, что ввозить ее из-за рубежа проще. А производить ее стало невыгодно потому, что в этом не заинтересованы импортеры. То же самое во всех медий-

ных сферах. Хотя время от времени проводятся помпезные мероприятия вроде Года Армении во Франции, мы постепенно приходим к тому, что нам нечего производить. Мир уже увидел все, что хотел, — хачкары и прочие древности. Пора уже появиться чему-то новому, но ничего нового не видно. Все, что производится в Армении, предназначено для нашей собственной ограниченной среды.

Я считаю участие государства очень важным — не в том смысле, как это имело место в Советском Союзе. Там стояли пропагандистские задачи, и компартия проводила крупнейшую «рекламную кампанию», на которую тратились огромные деньги. Но мы сами видели, как все развалилось, поскольку не имело отношения к истине. Сколько хочешь убеждай, что это хорошо — если это на самом деле плохо, у тебя ничего не выйдет.

Конечно, телевидение — вещь коммерческая. Но некоторые проекты, например, фильмы об армянском книгопечатании, перспективны и с коммерческой точки зрения, они захватывают больше, чем любой триллер, там больше приключений и драматизма. Государство могло бы вложить средства и поручить телеканалу или конкретным людям сделать серию таких фильмов или передач. Проект недешевый и не принесет быстрый доход, но впоследствии дивиденды могут быть очень большими. В конце концов, вместо того чтобы постоянно покупать на различных рынках телепродукции дешевые фильмы, надо попробовать самим произвести продукт, способный найти покупателя. Мировые телекомпании ищут, что показать интересного про то или иное место на земле, тот или иной народ. Пусть наша ниша будет малой, но она должна быть — на этом рынке нужно присутствовать. Армянский торговец и печатник вступали в контакт с могущественными королями, римскими папами, чтобы получить право на открытие типографии, издательство книг. Это будет интересно и европейцам, это часть их собственной истории.

Для больших стран с многомиллионным населением разного этнического происхождения,

разной веры телевидение — легкий способ править людьми, руководить ими. Такая страна, как наша, такой народ, как наш, не имеют права следовать этим путем, не должны терять способности к самостоятельному творчеству. Именно эта способность представляет собой нашу важнейшую особенность — единственную, находящуюся в обращении до сегодняшнего дня. Если ты сегодня задаешься вопросом «кто я?» — это происходит только потому, что в прошлом твои предки имели дар, воображение и смелость творить. Все и вся упрощая, ты теряешь это. Лет через 50 ты вообще ничего из себя не будешь представлять, потому что сам по своей воле снизил критерии.

Импорт форматов может иметь место. Но есть опасность убить свою творческую способность. При отсутствии такой способности остается только брать чужое и использовать. Если не ставить перед собой задачи — иметь своих драматургов, сценаристов, телесценаристов, не появится ничего. Мы будем только копировать и адаптировать чужие образцы.

Аудитория и реклама

Я до сих пор убежден, что вне множества людей, которые составляют рейтинговое поле, остается не менее многочисленная аудитория, которую не принимают в расчет, на которую не обращают внимания. Ее как будто не существует. Если мы будем и дальше от нее отворачиваться, это вызовет серьезные проблемы, которыми придется заниматься уже представителям других нетелевизионных профессий — мы окажемся в поле патологии и «хирургических» методов.

Сегодняшнее телевидение должно быть полем диалога, где ты чувствуешь ответ на сказанное слово, слышишь иное мнение. Вместо этого телевидение выражает, диктует только одно мнение: хочешь — слушай, хочешь — нет.

Армянское телевидение должно, кроме всего прочего, понять, что оно сегодня не только для армян. Сегодня через спутник, через Интернет его смотрят и другие, и надо отдавать себе отчет, на каком уровне ты находишься и какого уровня отношений заслуживаешь — политических, экономических, культурных. Сегодня смотришь и видишь, что наше телевидение просто неинтересно.

Уже три-четыре канала транслируются через спутник. Идет работа в том числе по привлечению рекламодателей. Есть крупные неармянские рынки — например, нужно представлять иранский рынок в России. По разным причинам это гораздо труднее сделать через российские каналы, не говоря уже о цене. Через армянские телеканалы это намного легче и результативнее. Таким образом, можно связывать между собой крупные рынки, информировать обе стороны друг о друге, разрушать мифы, которые сформировались еще в советское время. Год назад в Гонконге руководитель одной из крупных компаний-производителей узнал, что я представитель армянского телевидения, и проявил большой интерес к нашему рынку. Понятно, для Гонконга рынок Армении слишком мал, но они понимают, что через Армению можно влиять на другие страны и другие рынки. Не надо считать, что мы никого не интересуем. Это означает самим закрывать все двери. Сегодня есть производители, которые серьезно думают о том, чтобы на этом рекламном поле занять свое место с учетом долгосрочных перспектив.

Если говорить об изучении аудитории... Мне самому время от времени звонят, интересуются, что я сейчас смотрю. Один-два молодых человека, которые обучаются на факультете социологии, в рамках своих дипломных работ выполняют пункт, который предусматривает опрос, допустим, пятисот человек. Но есть ли исследования аудитории, которые влияют на принятие решений руководством телеканалов или теми, кто размещает свою рекламу? Таких

исследований и такого влияния нет. Прежде всего потому, что мы с большим недоверием относимся к результатам любых рейтинговых исследований, которые часто выполняют конкретные задания. Поэтому при размещении рекламы компании руководствуются иными соображениями.

К сожалению, наше телевизионное поле имеет тенденцию к монополизации. Оно начинает диктовать мнения и вкусы очень ограниченной системы. Малые компании, естественно, никак не могут конкурировать с крупными. Они вынуждены покупать фильмы и показывать по пять фильмов в день. Технические и прочие требования выталкивают их из поля деятельности. Повторяется история, обычная для села: делается все, чтобы хозяин маленького участка ничего не производил, чтобы он просто нанимался на работу к владельцу большого участка. В результате монополизация не ослабевает, а только усиливается.

Цензура

Сейчас вошли в моду Общественные советы. Даже в полиции есть свой Общественный совет. Как правило, это пустословие, и в любом случае никак не влияет на реальность — ни дефакто, ни де-юре. Что касается цензуры — это вещь, конечно, ужасная. Но нам никакой цензор не нужен — в армянине, начиная от руководителя телекомпании и до простого журналиста, генетически внутренняя цензура очень сильна. Это проявляется в самых невинных ситуациях. «Зачем? Все равно ничего не изменится, только заработаешь себе лишнюю головную боль». Иногда то, что мы делаем, получается настолько невыразительным и безвкусным именно потому, что мы все время стараемся понравиться кому-то или вообще неизвестно кому. Когда ты переступаешь через эту внутреннюю цензуру, тебе говорят: какая нация выставляет свои недостатки напоказ, только мы выносим сор из избы. Но если не говорить о недостатках, ты остаешься в этом порочном кругу.

В европейской телесемье

Став членом европейской телесемьи, мы только участвуем в конкурсе «Евровидение» и платим взносы за свое участие. Я уверен, что есть множество других мероприятий, в которых необходимо участвовать, организовывать совместные проекты. Пока я не видел ничего, что родилось бы в результате нашего членства в европейской семье, кроме этих песенных конкурсов для детей и взрослых. Мы не отчуждены, не отдалены, мы сами так себя поставили на этом поле — не вносим своего вклада и чувствуем свою бесталанность. Я хотел бы ошибиться, но, насколько я знаю, в течение Года Армении во Франции ни один армянский телепродукт не оказался достаточно конкурентоспособным для показа по французскому каналу ARTE. А ведь это время было наиболее благоприятным для того, чтобы себя представить, поскольку действовала государственная программа поддержки.

Здесь у нас несколько раз пыталось реализовать свои проекты BBC. Они приезжали, изучали, встречались с людьми. И увидели, что наш потенциал, мягко говоря, не выходит за пределы неких половинчатых идей. Только рассказывать историю. В области сценарной, в области выстраивания материала потенциал очень ограниченный. За то немногое, что есть, у нас не платят. Поэтому такие люди уезжают работать за пределами Армении — никто не хочет ждать, когда к нему придут и постучат в дверь.

Проекты

Я всегда был в состоянии максимальной творческой свободы в том смысле, что начинал проект по собственной воле и заканчивал тогда, когда чувствовал, что ресурсы данной темы и ее содержание уже исчерпаны. Но снова и снова мне кажется, что мы мало знаем свою страну. И мы начали съемки нового проекта путешествий по Армении. Сейчас снимается проект для канала H1, где о стране, об истории будут говорить четверо молодых людей, горожан, которые познакомились в социальных сетях. Раньше они не встречались друг с другом, потому что не было повода, а теперь встретились на площади и думают о том, куда поехать на выходные. Почему бы не поехать, к примеру, в Егехнадзор? И вот так каждые выходные они куда-то отправляются. В том же Егехнадзоре встречаются с известными археологами, которые провели раскопки в пещере и нашли ту самую, теперь уже всем известную, древнейшую обувь. Ребята общаются с ними, задавая на первый взгляд не совсем грамотные вопросы... Встречаясь с ученым на месте раскопок, с земледельцем на поле, со священником в церкви, они передают своим сверстникам мысль о том, что в самом деле неплохо провести выходные дни в таких путешествиях.

И еще одна история многие годы интересует меня и буквально преследует. Это тема армян в Африке, в частности, в Эфиопии. Есть армянская мысль, постоянно блуждающая в поисках приключений, и есть ее результат. Если она, мысль, в конце концов, не имеет траектории, если результат сам по себе не настолько важен — тогда выходит, что это просто привычный образ мышления.

Перед тем как сдать номер в печать, мы связались с Артуром Бахтамяном — когда выйдет эта статья, его съемочная группа будет уже в Эфиопии.

ДВИЖУЩАЯ СИЛА ПЕРЕМЕН

Карен АГЕКЯН

Продолжение. Начало в «АНИВ» № 32.

Фрагментированная среда

В первой части статьи мы уделили много внимания теме движущих сил развития нации. Среди прочего мы пришли к достаточно очевидному выводу о том, что для действия сил развития необходима среда действия, а именно национальное общество в том или ином виде. Фрагментированная среда с неизбежностью создает проблемы для формирования таких сил, тем более, если речь идет не просто о территориальном рассеянии, но о рассеянии по разным государственно-политическим единицам.

Нация – это не этнос, не этничность, она не может означать кровное родство, окончание фамилии, характерную внешность, схожие поведенческие стереотипы, ментальность и даже общую культуру. Статистическая сумма представителей армянского меньшинства в разных городах и странах ничего о нации не говорит. Нация отличается от этноса в первую очередь тем, что представляет собой политический феномен.

Где, как и с каким результатом могут действовать в постгеноцидной диаспоре движущие силы борьбы и внутреннего развития? Армянство в рассеянии представляет собой даже не фрагментированное общество, а просто разномастный набор отдельных групп, «тусовок», сообществ с крайне слабыми внутренними связями и организационной структурой. Еще слабее отдельные сообщества связаны на расстоянии и тем более поверх межгосударственных границ.

Община и общество в спюрке

В своей работе под заглавием «Gemeinschaft und Gesellschaft» (1887), оказавшей большое влияние на немецкую и мировую мысль, немецкий философ и социолог Фердинанд Тённис сформулировал принципиальное различие между двумя фундаментальными понятиями: Gemeinschaft (община) и Gesellschaft (общество). Это противопоставление достаточно почтенного для социологии «возраста» в определенной степени сохраняет актуальность и особенно хорошо применимо для оценки ситуации в Армянстве.

По мнению ученого, в случае общины людей удерживают вместе чувство родства, эмоциональная близость, привычность издавна заведенного порядка (традиционные семьи из нескольких поколений, крестьянские и религиозные общины и пр.), в случае общества – интересы и выгоды, договорные отношения, формальные законы и правила (большой город, государство и его граждане). Согласно Тённису в ходе истории отношения первого типа все больше уступают место отношениям второго типа. За 120 с лишним лет, прошедших после выхода его работы, отмеченная тенденция не переставала действовать с полной очевидностью.

Община – это не просто определенное множество людей, рожденных прошлым поколением общины и порождающих новое поколение. Традиционная община подразумевает укорененность, врастание в определенный локальный ландшафт со своими местами поклонения, паломничества, способами хозяйствования, связями с ближайшими общинами и пр. На новом месте община становится новой, даже если переселяется в полном составе (добровольно или насильственно). Должно пройти немало времени, прежде чем она вновь станет вполне традиционной – ведь ей придется серьезно меняться, адаптироваться к новым условиям, новой среде. Даже при переселении в пределах Армении армянские общины могли очень длительное время восприниматься армянским окружением в качестве пришлых и сами себя считать таковыми.

Гораздо более радикальными были перемены при переселении в новую, инородную, среду. Долгое время армяне и в рассеянии формировали более или менее тесные общины. Это диктовалось корпоративным принципом организации «принимающих» обществ, стремлением армян воссоздать привычные модели жизни. С одной стороны, такие общины нередко получали от властей привилегии внутренней автономии, с другой – у них в принципе не могла установиться та связь с землей, с местом, которая играет для традиционных общин важнейшую роль. В основе этой связи лежит отношение к земле как исконно своей, даже если она находится под чужой властью.

Сплоченность догеноцидных диаспорных общин не стоит преувеличивать – особенно там, где они оказывались в более или менее благоприятных условиях. Например, практика судебной системы армянских общин в Речи Посполитой показывает, что проигравшая сторона, как правило, не принимала приговор своего общинного суда, который имел официально признанные полномочия, и подавала апелляцию в суды высшей инстанции, королевские или замковые. Кроме того, богатые купцы прибегали к помощи и покровительству представителей государственной власти или местных магнатов, получая моратории на приговор армянского суда, гарантии неприкосновенности и пр. Таким образом, сами же члены общины часто подрывали в своих личных интересах ее автономию. То же касается конфликтов между элитами, которые провоцировали в общине внутренние расколы. Уже в середине XVI

века конфликт во Львове между светским руководством многочисленной общины и епархиальным руководством обострился до такой степени, что заставил жаловаться напрямую королю Речи Посполитой. Позднее ожесточенная междуусобица, связанная с Унией, начиная с 1630 года заставила армян постоянно обращаться к властям для разрешения своих споров.

Конфликты продолжались и в условиях постгеноцидного рассеяния – по принадлежности к разным партиям, разным католикосатам или просто по личностным амбициям. Постепенное затухание конфликтности не означает консолидации спюрка. При отсутствии среды для позитивного социально-политического развития через такие конфликты проявлялась некоторая общность жизни спюрка. Фрагментация и распыление настолько отделили и отдалили друг от друга отдельные его части и частицы, что свелись к минимуму даже причины конфликтовать.

Компактные диаспорные общины почти повсеместно подверглись окончательной эрозии, их уже невозможно возродить, собрав армян в отдельные кварталы с некоторой степенью самоуправления и, самое главное, повседневной общей жизнью. А ведь по своей сути армянское слово «համայնք», русское – «община», немецкое – «Gemeinschaft» подразумевают именно такую общую повседневную жизнь, привычное чувство родственности. Конечно, значение этих терминов постепенно расширилось, хоть и не в такой степени, как значение английского «community», но исходный смысл по прежнему преобладает. Поэтому, к примеру, название книги, изданной в 2010 году: «Հայ համայնքն ԱՄՆ-ում» («Армянская община в США») вольно или невольно создает обманчивый эффект тесной общности, которой у диаспоры нет не только ни в одной стране, но даже в пределах населенных пунктов. Тем не менее мы не просто продолжаем говорить про общины, мы везде и повсюду приводим дутые цифры их численности, представляя членом общины каждого гражданина армянского происхождения. Диаспорные организации делают это по понятным причинам – в первую очередь из желания завысить свой статус. Но тот факт, что большинство привычно употребляет слово «համայնք» – один из признаков архаичного мышления. Мы верим, что армянская кровь несмотря ни на что гарантирует те самые родство и эмоциональную близость, которые подразумеваются понятием «община». При желании находиться в рядах современных наций мы не имеем в языке отдельного слова для обозначения политического феномена нации – не используем иностранное и не создали своего, продолжаем употреблять слово «ազգ», обозначающее род, кровное родство. Мы остаемся архаичными не просто в своем словоупотреблении, но в своем видении политического поля.

Действительная община и те чувства, которые сохраняют ее и поддерживают, не могут быть обезличенными. Община и дух общины в принципе невозможны там, где речь идет о людях, знакомых заочно или видящихся два-три раза в год, не связанных друг с другом ни близким соседством, ни повседневной жизнедеятельностью. Отдельные диаспорные мини- и микросообщества пытаются во время периодических «тусовок» или ритуалов имитировать на несколько часов общинный дух. Такая имитация, безусловно, лучше, чем ничего, но она не должна порождать иллюзий.

Если армянские общины когда-то были возможны в диаспоре, то армянское общество в принципе невозможно там, где армяне живут в качестве меньшинства по законам и правилам существующих обществ. Даже если ввести некий паспорт «гражданина Спюрка», он неизбежно обратится в сувенир такого же типа, как фото Арарата в рамке. Сегодня армяне вкраплены в совершенно разные страны – Иран и США, Аргентину и Россию – в качестве небольшого процента граждан иранского, аргентинского и других обществ. У каждого из этих обществ своя жизнь, свои проблемы. Нет даже простейшего условия – одинаковых социально-политических проблем, одинаковых запросов, которые могли бы сделать рассеянных по разным странам людей восприимчивыми к возможному импульсу от некоторого активного меньшинства в спюрке. А само меньшинство «людей идеи», о которых шел разговор в первой части статьи (см. «АНИВ» № 32)? Откуда в голове такого человека возьмется «идеальное видение» нового и лучшего устройства армянской жизни? Даже утописты, писавшие о Городе Солнца или Новой Атлантиде, осмысляли таким образом проблемы общества, в котором они «варились», создавали модель лучшего общества, где эти проблемы решены.

Условия национальной политики

Вполне естественно, что армяне спюрка активно участвуют в качестве граждан в жизни своих Бразилии, Украины, Австралии. Можно ли их морально осуждать, если система моральных ценностей тоже есть детище конкретного общества? Просто-напросто такое участие не имеет отношения к армянской нации, даже если способствует прогрессу армянского меньшинства данной страны. Это не имеет отношения даже к «Спюрку». Неправомерно употребляя слово «диаспорная община», мы так же не имеем оснований использовать слово «Спюрк» с большой буквы. Это слово, как и греческое «диаспора», означает «рассеяние» и не подразумевает единства, тесных связей между отдельными фрагментами рассеяния. Когда мы пишем его с большой буквы, мы тем самым приписываем фрагментированному спюрку целостность, субъектность, представляем единым организмом. Но даже если два незнакомых армянина, которые пересеклись где-то на белом свете, действительно могут тепло и дружески поговорить друг с другом, как в рассказе У. Сарояна «Армянин и армянин», такой факт не позволяет делать никаких обобщений – не позволяет даже прогнозировать взаимоотношения конкретно этих двух армян, если они продолжатся. Рассказ Сарояна писался в 1935 году, когда армяне постгеноцидного спюрка все еще оправлялись от Катастрофы. Тогда пафос Сарояна по поводу того, что два случайно встретившихся армянина «смеются и разговаривают на своем языке», «вышучивают большие идеи мира», был в какой-то степени понятен. Но как ни удивительно, до сих пор свеж именно этот пафос живучести, способности вести в промежутках между страшными катаклизмами обыденную жизнь и чувствовать при встрече

ни к чему не обязывающую общность друг с другом. «Гоните армян в пустыню. Оставьте их без хлеба и без воды. Сожгите дома их и церкви. И посмотрите, не окажется ли, что снова они существуют. Посмотрите, не окажется ли, что снова они смеются». По большому счету, спустя десятки лет в диаспоре к такому существованию не прибавилось ничего системного, что дало бы основание писать «Спюрк» с большой буквы.

Сегодня диаспорные организации и «деятели» занимаются преимущественно общественной деятельностью в рамках своей страны, своего общества. Речь в первую очередь о повышении статуса армянского меньшинства (через декларативное признание Геноцида парламентом страны; установку того или иного памятника; выставку, посвященную древнему армянскому христианству, древней культуре, и т.д.), либо о естественном для этнического меньшинства интересе к своим корням и традициям (армянские воскресные школы, любительские танцевальные группы, концерты армянских исполнителей), что обеспечивает диаспорным организациям их будущий контингент. Все это опять-таки хорошо, если не заниматься самообманом и не оценивать эту деятельность этнического меньшинства как национальную. С национальной точки зрения она представляет собой консервирование (с большими, постоянными и неизбежными потерями) потенциальной возможности – возможности когда-нибудь при воздействии некоторого мощного импульса радикально измениться, подключиться к общенациональному развитию, борьбе. Из жизнедеятельности этнического меньшинства такой импульс сам по себе не родится.

Генерал Андраник

В качестве примера той диаспорной деятельности, которую принято называть национальной, можно привести свежую, еще не закончившуюся историю установки памятника Андранику в одном из поселков Лазаревского района г. Сочи. Это, конечно, полюс, противоположный помпезным армянским тусовкам в Кремлевском дворце съездов и прочих престижных столичных залах с номинациями, премиями, пусканием золотой пыли в глаза. Казалось бы, здесь мы имеем редкий случай однозначно нужного и полезного дела – ведь речь идет о памятнике национальному герою, боевому командиру, воевавшему за Армению с оружием в руках.

Но какому Андранику ставится памятник – ведь историческую фигуру можно интерпретировать поразному. Люди старшего поколения хорошо помнят, как в советское время удалось легитимизировать фигуру Андраника, сделав из него чуть ли не большевика-ленинца. Для этого раздули несколько фактов, в частности, телеграмму, отправленную Степану Шаумяну в Баку, и заслонили ими все остальное. Правильно ли это было сделано? Скорее да, чем нет. В условиях тогдашней тотальной цензуры, когда несанкционированное распространение информации было наказуемым, по-иному невозможно было обойти запрет, восстановить доброе имя героя. Что касается деформации образа Андраника – за годы советской власти люди научились читать между строк, большинство понимало, что зерна правды надо фильтровать от плевел лжи. Такие деформации были в советское время широко распространенным способом постепенного и трудного расширения допустимой меры истины. В сегодняшнем ритме жизни на критический подход и «просеивание» информационного потока у людей просто нет времени – они либо полностью «глотают» конкретный продукт, либо полностью его отвергают.

Давно уже нет никаких запретов на правдивый образ Андраника как командира фидаинов, деятеля национально-освободительного движения. В Армении и диаспоре можно печатать статьи, издавать книги, снимать фильмы, проводить вечера памяти, не говоря уже о новых возможностях, которые предоставляют Интернет, социальные сети. Насколько необходимо добавлять к этому перечню памятник в Лазаревском районе г. Сочи? Каков идейный баланс плюсов и минусов такой установки?

Нужно отдавать себе отчет, что балансы бывают разные, что местные армянские плюсы/минусы необязательно в точности совпадают с общеармянскими, национальными. Местные обстоятельства, конечно, лучше известны местным товарищам, но нам в «АНИВ»-е уже не раз приходилось повторять далеко не новую мысль о том, что общее благо, общий интерес – отнюдь не сумма интересов частей целого.

Памятник означает увековечение, всякий памятник претендует на вечность. И для того чтобы памятник Андранику вечно стоял на неармянской земле, нужны весомые основания. В ходе борьбы с азербайджанской «дипломатией» и прочими недоброжелателями за право установить памятник Андранику в Краснодарском крае не могло не возникнуть необходимости заполучить «добро» от представителей большинства населения – самых разных общественных организаций, начиная от Кубанской казачьей Ассоциации и Православного духовного братства и заканчивая краевым Комитетом по защите прав потребителей и вопросам качества жизни граждан. Как привлечь неармянскую общественность на свою сторону? Приблизив фигуру Андраника теперь уже не к большевизму, но к России, югу России в частности. Ради этого опять-таки нет нужды заниматься фальсификациями, достаточно только поставить некоторые исторические детали под увеличительное стекло, выделить их из контекста. Такая адаптация Андраника уже шла в последние годы, понадобилось только активнее ее растиражировать.

В русскоязычных публикациях последнего времени повествуется о разных этапах жизненного пути Андраника, но акценты расставляются так, чтобы представить его в первую очередь как «героя Армении на службе России» (название одной из статей). Представить генералом российской армии (встречается даже выражение «русский генерал»), чуть ли не воином Империи, воевавшим главным образом ради сохранения Кавказа в составе России. Наряду с этим его изображают неким предтечей Че Гевары во главе «интербригад» («Его душа болела за всех обездоленных: и классово-эксплуатируемых, и подвергающихся расовой дискриминации, и уничтожаемых за национальную и религиозную принадлежность» (см. «Солдат нации угнетенных»); «Среди бойцов возглавляемых Озаняном

воинских подразделений были жители юга России, например, русские, донские и кубанские казаки, осетины, черкесы, лезгины, греки» (см. Заявление краевого Комитета по защите прав потребителей).

Для примера попробуем разобраться с генеральской темой. Словосочетание «российская армия», отнесенное к периоду Первой мировой, ассоциируется с царской, имперской армией. Однако генеральское звание было получено Андраником спустя 11 месяцев после падения самодержавия, уже после Октябрьского переворота. Придя к власти, большевики немедленно начали сепаратные переговоры, перемирие с немцами вступило в действие уже с 24 ноября (7 декабря) 1917 года. 5 (18) декабря по предложению турецкой стороны было заключено Эрзинджанское (Ерзнкайское) перемирие на Кавказском фронте. После заключения перемирия Кавказский фронт, где уже имело место массовое дезертирство, полностью развалился.

Признававшие Временное правительство национальные политические силы Закавказья не признали большевистского переворота и 15 (28) ноября 1917 года сформировали в Тифлисе Закавказский комиссариат как самостоятельное коалиционное правительство региона. Очень скоро оно столкнулось с задачей удержания линии фронта в случае возможного турецкого наступления. Для формирования боеспособных частей из остатков Кавказского фронта (под ружьем остались в основном солдаты, призванные из самого региона) у военного и морского комиссара Закавказского комиссариата, члена партии социалистов-революционеров (эсеров) Дм. Донского и нового командующего фронтом генерал-майора Лебединского не было иного выхода кроме как срочно организовать с декабря национальные корпуса — в первую очередь Армянский и Грузинский. Именно в состав Армянского корпуса (командующий — генерал Товмас Назарбекян, начальник штаба — генерал Вышинский) были вскоре, в январе 1918-го, включены соединения бойцов из западной части Армении под командованием Андраника: они получили статус дивизии, а сам Андраник — генеральский чин.

Согласно известному определению «война есть продолжение политики иными средствами». Военное руководство армии подчиняется политическому руководству, выполняет поставленные им задачи. Насколько правильно считать Андраника генералом российской армии, если сформированные корпуса выполняли распоряжения только коалиционной власти национальных партий из Тифлиса, если после большевистского переворота прежняя российская государственность прекратила свое существование? Армянский корпус, который пытался оказывать сопротивление возобновившемуся наступлению турок, и Грузинский, который отступал без боя, историки называют войсками Закавказского Сейма. Они находились в стороне от борьбы за власть в России, не имея отношения к формирующимся с начала 1918 года Красной и Белой (Добровольческой) армиям. Решение о создании Сейма как законодательного органа независимого Закавказья было принято 12 (25) января 1918 года после разгона большевиками Учредительного собрания в Петрограде, первое заседание состоялось 10 (23) февраля 1918 года. Именно приказы правительства Сейма выполняло командование Армянского корпуса — например, сдавая без боя стратегически важную крепость Карса. В конце мая Закавказский Сейм и его армия прекратили существование вместе со всей организационной структурой, системой званий и должностей. В течение примерно года вплоть до своей эмиграции Андраник со своими бойцами уже не относился ни к какой армии и никому не подчинялся. Он отказался разоружить их по условиям Батумского мира Армении с турками, не признал Первой Республики, «созданной руками турок», не признал ее властей — ни гражданских, ни военных.

Вот и вся весьма скромная фактическая основа темы «Андраник — генерал российской армии». По сути дела, она мало отличается по весомости от темы «Андраник — сторонник большевиков». Во время войны Андраник в качестве командира одной из армянских добровольческих дружин действительно героически сражался на Кавказском фронте в составе российской царской армии. Но в изложении большинства авторов, например, историка-публициста В.Е. Шамбарова, фронтовые подвиги Андраника необъяснимым образом обрываются весной 1916 года и возобновляются только в 1918 году. Люди, занимающиеся историей, не могут не знать, что ранней весной 1916 года Андраник подал рапорт об отставке и покинул фронт. Причины этого необычного поступка тоже не секрет для историков. Их помогает прояснить, например, секретный рапорт из особого отдела Канцелярии императорского наместника на Кавказе: «Начало войны с Турцией ознаменовалось формированием армянских добровольческих дружин, участники коих прибыли из разных государств, подогретые мыслью о том, что пролитая ими кровь омоет будущую автономную Армению, а кадры дружин послужат основанием для формирования в пределах автономной Армении будущего армянского войска. Расчеты эти, однако, не оправдались, ибо через полгода после начала войны Главноначальствующим Кавказской армии было признано необходимым взамен дружин создать воинские организации — армянские стрелковые батальоны под командой строевых офицеров *(решение было принято российским командованием в декабре 1915 года и реализовано летом 1916-го. Речь шла о полном отказе от принципов, на основе которых формировались добровольческие соединения, о раздроблении этих соединений и отстранении армянских командиров. — К.А.)*. На предоставленное добровольцам право вступить в эти батальоны откликнулась лишь самая незначительная их часть, и добровольческие дружины фактически покончили свое существование. Этот первый удар для национального дела был встречен и такими популярными вождями армянских дружин, как Андраник, сильным разочарованием... Затем приказ начальника штаба Верховного Главнокомандующего от 5 июня 1916 года за № 739, предрешивший административное управление областей Турции, занятых по праву войны, окончательно похоронил надежды армян на получение автономии Армении...»

Согласимся, что такие существенные обстоятельства вряд ли правильно оставлять за скобками, как это делают в последнее время. Нужно, правда, внести важное

уточнение: активное участие армянских добровольцев в войне против турок все же не прекратилось. Армянские добровольческие дружины были преобразованы в шесть отдельных батальонов, а в 1917 году (опять-таки не от хорошей жизни, а в условиях резкого снижения боеспособности большинства частей на Кавказском фронте) они были развернуты в полки российской армии.

После провозглашения Первой Республики Андраник оказался участником конфликта по самым принципиальным вопросам армянской государственности. Его политические противники стремились представить его просто храбрецом и не более (в частности, С.Врацян в своих известных мемуарах писал, что после присвоения звания Андраник уже перестал быть хмбапетом, но погоны не сделали его генералом). Его сторонникам, наоборот, важно было подчеркнуть его особый статус. На армян, столетиями лишенных собственных государственности и вооруженных сил, воинские звания, погоны и ордена армянских офицеров в составе иных армий производили большое впечатление. Еще в большей степени образ генерала Первой мировой войны был престижнее для внешнего потребления. Именно в этой связи он был активно поддержан в спюрке с момента эмиграции Андраника в 1919 году. «По-армянски мы никогда не называли его «генерал Андраник», только по-английски», – писал У. Сароян в рассказе 1936 года «Андраник Армянский». Характерны подписи надгробного памятника Андранику, который был установлен в 1945 году на парижском кладбище Пер-Лашез. Французская надпись расположена выше – первая строка выбита заглавными буквами крупным шрифтом «AU GENERAL ANTRANIK», вторая строка гораздо мельче – «Heros National Armenien». Армянская надпись стоит ниже – «ԱԶԳ. ՀԵՐՈՍ ԶՈՐԱՎԱՐ ԱՆԴՐԱՆԻԿԻՆ».

Трудно сказать, насколько осознавалась теми, кто тиражировал образ «генерала Андраника», важная закономерность армянской диаспорной жизни и коллективного «лица» армян. Обращенная к стране проживания сторона такого «лица» изначально имеет более высокий статус, чем сторона, обращенная внутрь, к самим себе (французская надпись на памятнике Андранику выше армянской). С течением времени именно первая сторона «лица» играет все большую роль в формировании армянской идентичности и армянской памяти в этой стране.

Можно ли так почитать Андраника за пределами армянской земли, чтобы его образ при этом не деформировался? Новый памятник в поселке Лазаревского района будет иметь достаточно локальное значение, волна сопутствующих публикаций об Андранике охватывают многократно большую аудиторию – их читают не только армяне в России. На каком образе будет воспитываться читающая по-русски армянская молодежь? «Слуга Царю, отец солдатам» в одном ряду с Лорис-Меликовым и Тер-Гукасовым? Командир фидаинов в Сасуне и Муше, Нахичеване и Сюнике? Человек, готовый воевать против турок в составе любой армии: в 1912-м в составе болгарской, в 1915-1916-м – царской российской, в начале 1918-го – армии Закавказского сейма, в июне 1918-го (после мирного договора Первой республики с турками) безуспешно пытавшийся пробиться со своим отрядом через Нахичеван и Хой для соединения с частями британской армии, в июле отправивший телеграмму Шаумяну в Баку о том, что «с сегодняшнего дня находится в распоряжении и подчинении» центрального большевистского правительства и будет защищать Нахичеванский уезд от турок? И это еще не все ипостаси Андраника. Существует даже «рыцарь византизма», основатель «андраникизма как византистской идеи» Андраник Сасунский, который, оказывается, «изначально выступал как адепт византизма, его солдат, его идеолог – в этом его историческая значимость» (Н.М.Северикова) – такое может привидеться разве что в кошмарном сне, однако этим занимаются товарищи с учеными степенями, в том числе на философском факультете МГУ. Это персонаж с очень своевременным «мессиджем» из прошлого («В настоящее время в русской философской и политической мысли получает распространение термин «андраникизм», который уже приобретает значение символа, отражающего идею общности судьбы народов Кавказа и русского народа... России и сегодня нужны духовные потомки Андраника, и не только на Кавказе... Они могли бы без лукавства пояснять своим «гордым» землякам, что у них была единственная историческая альтернатива – быть рабами османских варваров или вовсе безнаказанно уничтоженными, как это случилось с населением Византии и Западной Армении, или быть свободными под защитой русских штыков» – статья А.Б. Пупко). Есть и образ Андраника как выразителя интересов именно «западных армян» – сегодня некоторые силы в Армянстве не прочь использовать такого Андраника для того, чтобы оттеснить возрожденную армянскую государственность от статуса единственно возможного Центра нации.

Андраник действительно бывал разным. Как и подавляющее большинство борцов за армянское национальное освобождение, он не был политиком. В своей борьбе он сталкивался с постоянным дефицитом всевозможных ресурсов, жесткой внутриармянской конкуренцией за те, что имелись в наличии, отсутствием общепринятых национальных политических аксиом. В этих условиях он, как и многие, не раз возлагал надежды на подключение какого-нибудь мощного стороннего ресурса и, конечно, всякий раз обманывался. Тем не менее, «волшебное увеличительное стекло» дает возможность оставлять лишнее за скобками и приспосабливать сегодня образ Андраника к политическим условиям и странам. Опасность в том, что его отличные друг от друга образы в разных частях спюрка дрейфуют в разные стороны.

Российским армянам выгодно тиражировать его слова о том, что Россия не может уйти с Кавказа. Армянам США выгодно говорить о его вере в миссию Америки, подчеркивать тот факт, что герой именно там нашел себе пристанище. Подходящих цитат найдется достаточно – например, в англоязычной «Википедии» можно прочесть цитату из «Нью-Йорк Таймс» от 8 декабря 1919 года, где описывается выступление Андраника на митинге, проведенном днем ранее на нью-йоркском ипподроме в честь военной и гражданской миссий из Армении: «Главным оратором с армянской

стороны был генерал Андраник, национальный герой Армении, ветеран тридцати шести лет вооруженной борьбы против турок, иногда вместе с болгарами и персами, последнее время со своим народом. По словам генерала Андраника, армяне сражаются против турок во имя цивилизации, поэтому долг цивилизованного мира признать независимость, за которую они ведут борьбу. Аплодисменты и приветственные возгласы продолжались несколько минут, и 3 тысячи человек, стоя, отдали ему дань уважения. Как сказал генерал Андраник, Армения прежде была разделена между турками, персами и русскими. Сейчас есть стремление присоединить *(к независимой Армении. — К.А.)* и другую часть, Киликию. Он выступил против французского мандата на Киликию и под общие аплодисменты заявил, что история увековечит на своих страницах, как после мировой войны все державы кроме Соединенных Штатов покинули Армению на произвол судьбы».

Вообще представление о том, что Андраник, эмигрировав из Армении в мае 1919 года, уехал на Запад доживать свои дни в качестве частного лица, было сформировано советскими армянскими историками — мол, у героя были крайне редкие и только конфронтационные взаимоотношения с Антантой и ее «ставленниками», властями Первой Республики. Однако во Франции, Великобритании, США Андраник первое время вел активную деятельность ради армянского дела в Киликии, тесно сотрудничая с Погосом Нубар-пашой, встречаясь с видными политическими и государственными деятелями этих стран. Интересно, что именно эмиграция практически сразу привела его к сотрудничеству с руководством Республики Армении. Достаточно упомянуть, что 6 августа 1919 г. А. Агаронян и Погос Нубар-паша подписали свидетельство о создании единой военной миссии под руководством генерала Акопа Багратуни (представителя Первой республики) при участии Андраника, которая должна была вести переговоры с руководством стран Антанты для получения необходимой армянам помощи. Уже 23 августа Андраник имел встречу с секретарем британского военного министра У.Черчилля Арчибальдом Синклером — докладную записку об этой встрече обнаружила в Архивном центре Черчилля историк Г.Махмурян «Посетитель подчеркивал, что вывод британских войск, окончательная, вторая волна которого официально началась 15 августа, поставил под угрозу будущее Армянской республики, которой нужны время и техника, чтоб обеспечить свою безопасность. Четыре года армяне сражались на стороне Союзников, однако их оставляют перед угрозой совместного нападения со стороны всех ее соседей. И если Великие Державы не могут продолжать оккупацию, они должны хотя бы оставить Еревану технику и вывозимое ими снаряжение. Сам А.Озанян сообщил, что готов вернуться и набрать в Армении две дивизии, если его обеспечат оружием и продовольствием. Народ и солдаты поверят его руководству, а британское министерство может предоставить от 20 до 40 штабных офицеров, чтобы те помогали, или участвовали в его командной работе. И хотя Мирная конференция, кажется, считает, что все заботы о РА должны быть возложены на Соединенные Штаты, сами армяне высоко ценят возможности Великобритании в деле защиты или помощи армянам...» На уже упомянутом митинге в Нью-Йорке Андраник выступал вместе с такими полномочными представителями Первой Республики как А. Багратуни, О. Качазнуни под лозунгом «Одна нация, одна борьба». В составе самой военной миссии он продолжал играть важную роль, например, был отдельно приглашен на личную встречу с главой военного ведомства США Беккером.

Конечно, все эти усилия потерпели крах, тем не менее, с момента окончания Первой мировой войны иллюзорные надежды возлагались Андраником именно на страны Антанты. Формально никому не подчиняясь со своим отрядом, он выполнял требования британских военных представителей с момента их появления в регионе — в частности, злополучным образом отказался от продвижения в Карабах в надежде на справедливое послевоенное урегулирование.

Затем в фокусе иллюзорных надежд оказались США — его маршрут за океан продиктовало именно это, а не стремление устроиться покомфортнее. Можно не сомневаться — при наличии политического заказа в кратчайшие сроки удастся подобрать достаточно фактов и цитат, чтобы сочинить еще один образ Андраника, якобы по идейным соображениям искавшего правды и защиты для армянского народа именно у западных демократий.

Константы и точка опоры

Дл чего потребовалось обратиться к конкретному примеру и вставить в статью этот исторический экскурс? Раздвоение или «растроение» исторических фигур недавнего прошлого, важных идей и символов, пожалуй, одна из главных опасностей наличия спюрка — примеров можно привести множество. Мало того, в ряде случаев такой дрейф из разных концов диаспоры начинает негативно влиять на Армению. Она оказывается тем полем, где разные, зачастую взаимоисключающие интерпретации начинают конкурировать.

На что правильнее делать упор в спюрке: на ситуационную конъюнктуру или армянские константы — ведь такая константа, независимая от систем отсчета, к примеру, в образе Андраника проступает совершенно явственно. Сегодня правильнее всего пропагандировать не генеральское звание Андраника, а простую, здравую мысль о том, что для армян звания армянского фидаина или солдата нынешней армянской армии должны быть гораздо почетнее званий генералиссимусов и фельдмаршалов в армиях самых могущественных держав. Но здесь мы сталкиваемся с реальностями диаспорной жизни, где закон приспособления к окружающей среде действует с тем же постоянством, как и в живой природе. Дело не в ошибках тех или иных диаспорных активистов, а в неизбежной проблеме, которой посвящен наш материал. Патриотически настроенные люди в диаспоре стараются сделать что-то полезное, но в условиях фрагментации спюрка, существования армян в роли этнического меньшинства своих стран даже самые благие намерения и тактические успехи местного значения могут обернуться непредвиденными и важными потерями на более широком, национальном, уровне.

Приспособление действует не только как безличная сила, его привыкли считать правильной тактикой и стратегией. Цели ставятся локальные, но такие, которых нельзя достичь без трансформации и адаптации армянских констант. Местный социально-политический контекст систематически оказывается важнее общеармянского.

Еще раз подчеркнем, что национальное для любой, а не только армянской, диаспоры означает, во-первых, безусловный приоритет трансграничного, выходящего за рамки конкретной страны проживания, за рамки роли этнического меньшинства. Во-вторых, все национальное (жизнь, политика, борьба, развитие) должно иметь точку приложения сил, которая одновременно есть твердая точка опоры. Ею может быть только земля Отечества. Если первое условие выполняется без второго, речь правильнее вести о трансграничной этнокорпорации, своего рода племенной секте, где «свои» повсюду поддерживают и продвигают «своих».

Сформулировать минимальные условия национального несложно, и это уже было сделано не раз. Крайне сложно другое – на деле мобилизовать спюрк и реализовать трансграничную, дистанционно сфокусированную на территории Армянского Нагорья политику, не имея, как мы отметили, связной среды ее осуществления.

Специфику ситуации придает то обстоятельство, что в самой Армении нет на сегодня достаточно сильных структур, действующих на основе общеармянских приоритетов. Даже там, где потенциально мог и должен был бы находиться общеармянский Центр, пока мало желания взять на себя ответственность в общенациональном масштабе, предложить диаспоре внятную политическую альтернативу «философии» приспособления по месту жительства, утвердить авторитетом Центра правильную на любой широте и долготе интерпретацию армянских ценностей и констант.

Органическая метафора

Мы уже отметили, что сложная ситуация складывается в спюрке не вследствие чьих-то ошибок или моральных недостатков, но вполне естественно. Напрашивается метафора человеческого организма. Он состоит не только из функционально полезных клеток, но и содержит вирусы, атрофированные ткани, излишние жировые отложения, иногда в нем появляются опухоли, которые могут перейти в злокачественные. Но в целом организм способен жить, он представляет собой некоторую единицу, способную к самостоятельной активности. Это метафора народа, который собрался и сконцентрировался в общество, где кроме различных социальных интересов есть еще и общий интерес – именно его можно назвать национальным.

Для четко скомпонованных в общины меньшинств годилась метафора органа, перенесенного из травмированного, болеющего или просто ослабленного родного тела в чужое. Но уже в этом случае, еще на старте медленных процессов ассимиляции и фрагментации, было проблематично участие таких «органов» в жизнедеятельности общего армянского организма или составление из них единого организма.

После Второй мировой войны область применения метафоры трансплантированного органа и самого выражения «армянская община» крайне сузилась. Сегодня она неприменима даже в Ливане, где общинный принцип все еще закреплен в самой конституции государства. Говоря о «старой» и «новой» диаспорах, сегодня можно применить главным образом метафору какого-то количества перелитой в другие «тела» армянской крови, частицы которой иногда уже слабо различимы в общем кровопотоке.

Лоббинг и благотворительность

Политическое лоббирование «общеармянских» интересов отдельными диаспорными организациями как будто можно считать национальным делом. В действительности реальная результативность и общеармянский смысл такого лоббинга сильно преувеличены. Символические признания Геноцида происходят с учетом не «местного» армянского, а стократ более значимого международного турецкого фактора – например, нежелательной для большинства рядовых европейцев перспективы полной интеграции Турции в «семью» ЕС. В случае изменения политической конъюнктуры об этих одноразовых «бумажных» признаниях никто, кроме армян, не вспомнит. Попытки регулярно актуализировать тему хотя бы в минимальном формате – в виде символического участия представителей власти в церемониях памяти – наталкиваются на простое нежелание возвращаться к закрытой теме. Непосредственным поводом для того, чтобы в очередной раз поднять в нашем журнале тему нации в диаспоре, стала речь председателя армянской общины Берлина г-на Варткеса Альянака на памятном мероприятии в столице Германии 24 апреля 2010 года, где он сетовал на отказ немецких политиков федерального и регионального уровней принять участие в памятном мероприятии, несмотря на резолюцию бундестага 2005 года. И это только один пример из множества. Раз за разом мы оказываемся свидетелями того, как после признания и краткого «охлаждения» двусторонних отношений еще более углублялось сотрудничество с Турцией всех государств, которые мы трепетно включаем в список признавших Геноцид или массовое истребление армян. В России бумага с признанием Геноцида не помешала совсем недавно совместно с турками отметить на высшем уровне 90-летие Московского договора по разделу Армении. В США ежегодные соболезнования президента страны американским армянам не мешают любой администрации блокировать антитурецкие резолюции в Конгрессе и поддерживать с преступным государством всеобъемлющее стратегическое партнерство.

Реальный вес диаспорного лоббирования в помощи тех или иных стран Армении (РА и НКР) тоже стоило бы беспристрастно взвесить. В подавляющем большинстве случаев такая помощь осуществляется в рамках общей политики гуманитарной помощи бедным странам, либо «realpolitik»-и данной державы в регионе, направленной на поддержание системы «сдержек и противовесов».

В геополитически активных державах, где вообще имеет смысл заниматься лоббированием, государство и

его спецслужбы ненавязчиво, но бдительно контролируют сферу международных отношений, в т.ч. и лоббинг со стороны своих граждан. Поэтому, как правило, за вывеской лоббинга стоит не служение интересам Армении и Армянства в своей стране и своей системе, но в большей степени и прежде всего – продвижение в Армении и среди Армянства интересов своего государства.

А разве благотворительность диаспорных армян на армянской земле не есть образец национальной деятельности? Нет, потому что благотворительность, как бы она ни была оптимизирована, остается по сути прихотью частного лица или группы лиц. Благотворительность как раз и подтверждает отсутствие системных национальных механизмов и там, откуда она исходит, и там, куда поступают средства. Да, какие-то успешные предприниматели время от времени отваливают миллионы на проекты, которые им самим кажутся наиболее важными и нужными. Иногда они привлекают экспертов, в самом лучшем случае пытаются понять общественные запросы, но, в конечном счете, все опирается на частное решение, индивидуальную волю. Воля одного продиктована памятью о покойных родителях, другого – рождением ребенка, третьего – ностальгией по своей малой родине (городу, селу или, еще конкретнее, школе, где он учился). Это годилось в Средние века для душеспасительных даров близлежащему монастырю, но не годится для нации в XXI веке. То же самое касается телемарафонов, где жертвователей гораздо больше. Нет обязывающей системы, когда отчисления собираются автоматически и регулярно, как налоги в цивилизованной стране, и расходуются тоже прозрачно и централизованно, а не по воле плательщика с почти обязательным его обманом.

Родина-мать

Не случайно в противовес слову «Հայրենիք» («Отечество»), которое остро подчеркивает ответственность за полученное от предков наследие, за земельную вотчину, мы видим постоянное использование самой диаспорой другой метафоры – образа Армении как матери – «Մայր-Հայաստան». Образ Родины-матери используют многие народы, подчеркивая тем самым двойственный характер связи с землей. Кроме коллективного права хозяина, получившего родовую вотчину от предков по мужской линии (отсюда вырастают политические идеи прав народа и национальной государственности именно на этой территории), есть еще иная по своему характеру, индивидуальная связь сына (дочери) с землей как плодоносящим и любящим материнским лоном.

При жизни на родной земле обе эти важные связи дополняют и усиливают друг друга. При жизни на чужой земле чувство прав и ответственности («Հայրենիք») естественным образом истощается – точно так же, как ослабевают мышцы, когда они десятилетиями не действуют. В диаспорном дискурсе начинает явно преобладать образ Родины-матери (Матери-Армении). Причем в отрыве от отцовского он не имеет обязывающего характера. Это отношение взрослого семейного сына и престарелой матери, которые живут порознь. С одной стороны, мать нельзя поменять, как жену (страну проживания), с другой – такого рода отношения с матерью предполагают главным образом эмоциональную, ностальгическую связь на расстоянии или во время кратких наездов в гости. И если завтра от армянской государственности не останется камня на камне, такая связь может продолжаться своим чередом. Реальная, повседневная, деятельная связь – совместное воспитание детей, ведение хозяйства и общее владение собственностью – поддерживается именно с женой, и в этом смысле не суть важно, насколько нежно она любима.

Как видим, из двух архаичных символов – материнского и отцовского – диаспора выбирает не тот, который был успешно адаптирован современностью, имеет потенциал вырасти в политическую и гражданскую ответственность. Характерен в этом смысле фрагмент из книги Джованни Гуайты «Жизнь человека: встреча неба и земли», составленной из бесед автора с католикосом Гарегином I:

«- Я вспомнил, как однажды вы сказали «My motherland of Armenia and my country of Lebanon» (Католикос высказался тогда по-английски, и Гуайта приводит цитату в оригинале: «Моя родина (букв. «материнская земля») – Армения и моя страна – Ливан». – К.А.) – Да, это так. – Вы родились в Сирии, но в армянской семье; самый большой период своей жизни Вы прожили в Ливане. Кто Вы, Католикос Гарегин I: армянин, ливанец или сириец? – Я бы сказал, что соединяю в себе одновременно три национальности».

Как ни удивительно, но это говорил уже не Киликийский Католикос в ливанском Антилиасе, а Католикос всех армян в сердце Армении, в Эчмиадзине, глава одной из самых глубоко национальных Церквей. Мыслителю-богослову, человеку, посвятившему ААЦ и своему народу всю жизнь, даже ему, не имевшему никаких оснований сомневаться, что он до конца своих дней проживет в Армении и будет здесь похоронен, было трудно переступить через психологический барьер, скорректировать свои прежние слова и назвать эту страну своей.

В другом месте Католикос отмечает: «Мы не чувствуем себя иностранцами в странах, в которых живем (...) Армяне диаспоры – полноценные граждане той страны, в которой они родились и живут. В то же время вовлеченность в социальную жизнь этих стран не мешает им сохранять чувство принадлежности к другой стране – стране своих предков, которую мы любим называть родиной-матерью. Армения – страна, из которой мы произошли, и армяне очень глубоко это осознают. В чувстве принадлежности к двум странам нет никакого противоречия».

По-человечески понятно, что человек, родившийся и воспитанный в диаспоре, священнослужитель, всю жизнь имевший дело с диаспорной паствой, стремится не просто оправдать каждого армянина диаспоры, но представить сам статус диаспоры в наилучшем, непротиворечивом свете при помощи таких обтекаемых выражений, как «полноценные граждане», «принадлежность к стране». Чтобы расставить все по местам, правильнее говорить о более конкретных вещах – в первую очередь о патриотизме, который либо есть, либо отсутствует.

Двоебожие

Патриотизм часто и достаточно метко называют гражданской религией. Человек может вообще не верить в этого земного «Бога», может сменить «веру» — отказаться от прежнего «Бога» ради нового, может совмещать веру в земного «Бога» и Бога небесного. Но «вера» в двух земных «Богов» противоестественна, потому что сама суть патриотизма делает его «монотеистичным» в той же степени, как монотеистичны христианство, иудаизм, ислам. Кроме того, патриотизм, как и религиозность, дело ежедневное, тесно связанное не только с духовной, но и вещественной стороной жизни. Патриотом двух стран невозможно быть не только психологически, но и физически. А от «чувства принадлежности к стране» самой стране в девяти случаях из десяти ни жарко ни холодно.

Если все же допустить в некотором виде сосуществование в диаспорном сообществе двух «Богов», оно, конечно, никак не может быть равноправным. Его можно проиллюстрировать на примере долгого сосуществования христианства с некоторыми так называемыми «пережитками» язычества. Люди стали верить в нового христианского Бога, соблюдать религиозные предписания, творить молитвы, посещать Церковь, жертвовать ей долю своего труда, имущества. Они утратили языческую веру, которая выродилась в остаточные обычаи и суеверия, передававшиеся от старших поколений. В определенных, достаточно редких ситуациях проявлялись пережитки язычества — дольше всего они удерживались в праздничных и похоронных обрядах (ср. сегодняшние армянские ритуалы праздников и скорби в диаспоре). Доминирующая религия существенно влияла на жизнь общества, социальное бытие человека, а языческие суеверия и обычаи оставались в качестве небольшой «ниши» частной жизни (гадания, приметы, поверья, игры и пр.). Сегодня объектом нормативного патриотизма, нормативной гражданской лояльности для армян спюрка является страна проживания, с которой связано их личное благополучие и благополучие их семей. А ритуалы «женского божества», Матери-Армении, существуют как «пережиток прошлого», как языческий обычай — прыгать раз или два в году через костер.

Тут возникает вопрос: что лучше — такие чувства или вообще никаких? Подобный вопрос не может не возникать каждый раз, когда заходит речь о проблемах Армянства. Любой из вариантов ответа будет неверным. Необходимо вначале ответить на вопрос о целях. Если есть желание по-прежнему видеть свою судьбу в чужих руках, быть использованными оптом и в розницу для успехов чужих дел, бесконечно подстраиваться и подлаживаться и все равно периодически оказываться под угрозой, а потом, после очередной беды, при встрече «смеяться и разговаривать на своем языке», «вышучивать большие идеи мира», тогда можно и сегодня быть довольным положением вещей в Армянстве. Если есть желание что-то изменить, надо начинать с реальных самооценок. И тогда ответ на первоначальный вопрос очевиден: конечно, лучше хоть что-то, чем ничего, при условии, что малое не выдается за большое, ощущается как опасный дефицит.

Под чужим крылом

В диаспоре полезно постоянно соотносить происходящее со словами Микаэла Налбандяна:

«...Виноваты и очень виноваты сами армяне — да простят они нам нашу откровенность. Их вина в том, что они не понимают и не желают понять, что армянин, работая под чужим крылышком, кушая чужой хлеб, должен всегда этого чужого хвалить, защищать чужую выгоду, отдаляться и отчуждаться от своей нации и даже причинять ей вред. Таков неизбежный ход вещей: быть либо под крылом своей нации, либо под чужим крылом — со всеми вытекающими отсюда тяжелыми последствиями: Tertium non datur (Третьего не дано (лат.) — К.А.)».

Полезно не просто помнить эти слова, но осмыслять и переосмыслять метафорические выражения «под чужим крылом», «чужой хлеб» независимо от того, что 150 лет назад имел в виду сам Налбандян. Всякая метафора ценна тем, что ее форму нет нужды менять с течением времени, она выражает суть дела, не вдаваясь в конкретные детали. Сложность метафоры в том, что ее не так просто правильно интерпретировать.

Где пролегала тогда и пролегает сейчас граница между чужим и своим «хлебом», чужим и своим «крылом»? Совпадает ли она с границами Армении? Налбандян говорил применительно к ордену мхитаристов, обосновавшемуся в Венеции и Вене, но сам за свою жизнь ни разу в Армении не побывал. Речь шла о разных пониманиях патриотизма, о переносе в армянскую реальность европейского антагонизма между религиозно-консервативным и леворадикальным полюсами. Если мхитаристы, будучи католическим орденом, находились на первом полюсе, то Налбандян — на другом, где в роли вождей выступали в частности Бакунин и Герцен с «Колоколом». Тем не менее запал политической полемики не может обесценить саму мысль, которая уже отделилась от перипетий того времени и сегодня может рассматриваться сама по себе.

Что значит сегодня «хвалить чужого»? «Хвалить чужого» и «хвалить чужое» — есть ли разница? Демократия, автомобиль, Сервантес, электричество, прививки от эпидемических заболеваний, интеграл, Бах — все это изначально «чужое». Греческая образованность «грекофильской школы», давшая толчок «золотому веку» в истории армянской культуры... Европейская музыкальная нотация, которую использовал Комитас... Любая культура, любой народ должны по достоинству оценить чужое, прежде чем переваривать его, адаптировать или просто применять. Это делается постоянно и не мешает считать себя самодостаточными и самоценными.

«Хвалить чужого» — совсем другое дело. Это означает признание авторитета некоторой внешней неармянской инстанции, желание соответствовать ее требованиям, нравиться ей. Это привычное ощущение себя в заданной извне системе координат, стремление найти в ней свое место. Такие люди внешне могут быть даже крайними националистами, но им в первую очередь важно, чтобы этот их национализм был одобрен и санкционирован неармянской инстанцией, Хозяином — они считают это обстоятельство главным для успеха

дела. Вот почему патриотизм и национализм в диаспоре нередко могут парадоксальным образом означать «защищать чужую выгоду, отдаляться и отчуждаться от своей нации».

Важно, в какой системе координат ты хочешь существовать как «армянский патриот». Если в неармянской системе, тогда она чаще всего не преднамеренно, но естественным образом, всем своим «весом» будет инвертировать реальный смысл твоего патриотизма. Слова, «картинки», символы, памятники вроде будут правильными, но всем нам известно из школьного курса физики, что движение с огромной скоростью в одной системе отсчета означает покой в другой системе отсчета. Поэтому сложнейшую первоначальную задачу спюрка можно сформулировать как максимальный переход на армянские инварианты (величины, чье значение не меняется с изменением системы отсчета) — культурные, социальные, но прежде всего политические.

Промежуточное состояние

В первой части статьи уже говорилось о том, что все сегодняшние неевропейские нации и национальные государства адаптировали именно европейскую модель современной нации как внесословной гражданской общности — модель, которая родилась в конце XVIII века. При этом центрами формирования наций становились обычно крупные города, где возникал феномен «общества», где действия людей основывались на интересах и выгодах, где находились властные и управленческие структуры, пусть даже имперские или колониальные. Инициатива в деле национального строительства принадлежала людям из городского общества, хотя человеческий, нравственный ресурс черпался из крестьянских общин, так же как традиции и уклад, которые получали название национальных.

Но в городах с самым многочисленным армянским населением (Стамбул, Тифлис и др.) общество было космополитичным. Вдобавок, они находились не просто под чужой политической властью, но еще и за пределами армянской исторической почвы, в отрыве от земли, населенной армянским крестьянством. Это стало причиной того разрыва между активным городским элементом и патриархальным крестьянством, о котором подробно говорилось в цикле «Город на земле» (см. «АНИВ» № 27, 28, 29). Хотя армянская интеллигенция, как и в России, шла «в народ» в качестве учителей и революционеров, хотя в армянских политических партиях состояли представители всех слоев населения — и крестьяне-фидаины, и выпускники европейских университетов, окончательно объединить инициативу и ресурс не удалось. После катастрофы Геноцида нация продолжала формироваться, но так, как продолжает расти дерево с обрубленной верхушкой, обгоревшими ветвями и половиной перебитых корней. В результате процесс до сих пор еще не завершен, и Армянство застряло в промежуточном, пограничном и чрезвычайно уязвимом состоянии.

При нормальном формировании современной нации, с одной стороны, используются «холодные» социально-политические инструменты, свойственные обществу (Gesellschaft), с другой — аккумулируются еще не выветрившиеся «теплые» чувства родства и эмоциональной близости сети общин, укорененных на почве (Gemeinschaft). Но вспомним, что везде в мире общины уже давно подвергаются эрозии, поглощаясь обществом. Чувство родства и эмоциональной близости внутри локальной общины повсюду уступает место приоритету интересов внутри общества. Среда становится все менее благоприятной для формирования таких сообществ, как современная нация.

Морализировать в связи с переменами в мире о каком-то «нравственном упадке» вследствие «прогресса» — пустое занятие. Ход событий напоминает человеческую жизнь, в которой все нужно делать вовремя, в том числе создавать нацию и национальное государство. По прошествии времени меняешься ты сам, меняется сам мир вокруг тебя, и довести до конца дело, в котором ты когда-то потерпел неудачу, становится неизмеримо сложней.

В армянских государствах, как уже говорилось, армянское общество существует. В силу уровня социально-экономического развития общины даже сейчас еще неокончательно разрушены. Проблема в том, что неизбежная эрозия эмоционально значимых связей в пользу интересов не сопровождается в достаточной степени торжеством формальных законов и правил, характерной для успешного государства системной увязкой частных насущных интересов с общественными и национальными. Однако здесь, в рамках территории и населения армянских государств, проблема строительства нации разрешима по крайней мере потенциально. Здесь есть точка опоры, точка приложения сил, которая дает возможность заниматься национальной политикой.

Понятно, что в Армении политическая партия или отдельный политик, должностное лицо при власти или рядовой гражданин тоже могут уклоняться от исполнения обязательств. На любом месте, при любой должности можно прямо вредить своей стране самыми разнообразными способами. Но в национальном государстве, обществе, какими бы они ни были несовершенными, по крайней мере есть поле действия и разнообразные стандартные системные механизмы, которые потенциально способны предоставить возможности для исполнения своего долга во всех смыслах — как в смысле рутинного поведения рядового гражданина, политического деятеля, так и в смысле активной борьбы за лучшее национальное будущее. В диаспоре ни поля, ни механизмов нет — эту проблему необходимо в полной мере осознать и ответить на вопрос о том, можно ли каким-то образом изменить ситуацию на местах, в спюрке.

Казалось бы, перед лицом множества внешних и внутренних вызовов, с которыми сталкивается Армянство, нет альтернативы сплочению, мобилизации максимально возможного человеческого потенциала и окончательного выстраивания единой нации на основе такого сплочения в момент опасности. На самом деле в истории народов раскол и внутренние конфликты в ответ на вызовы имеют место не реже чем сплочение. Об этом в следующей части статьи.

Продолжение следует.

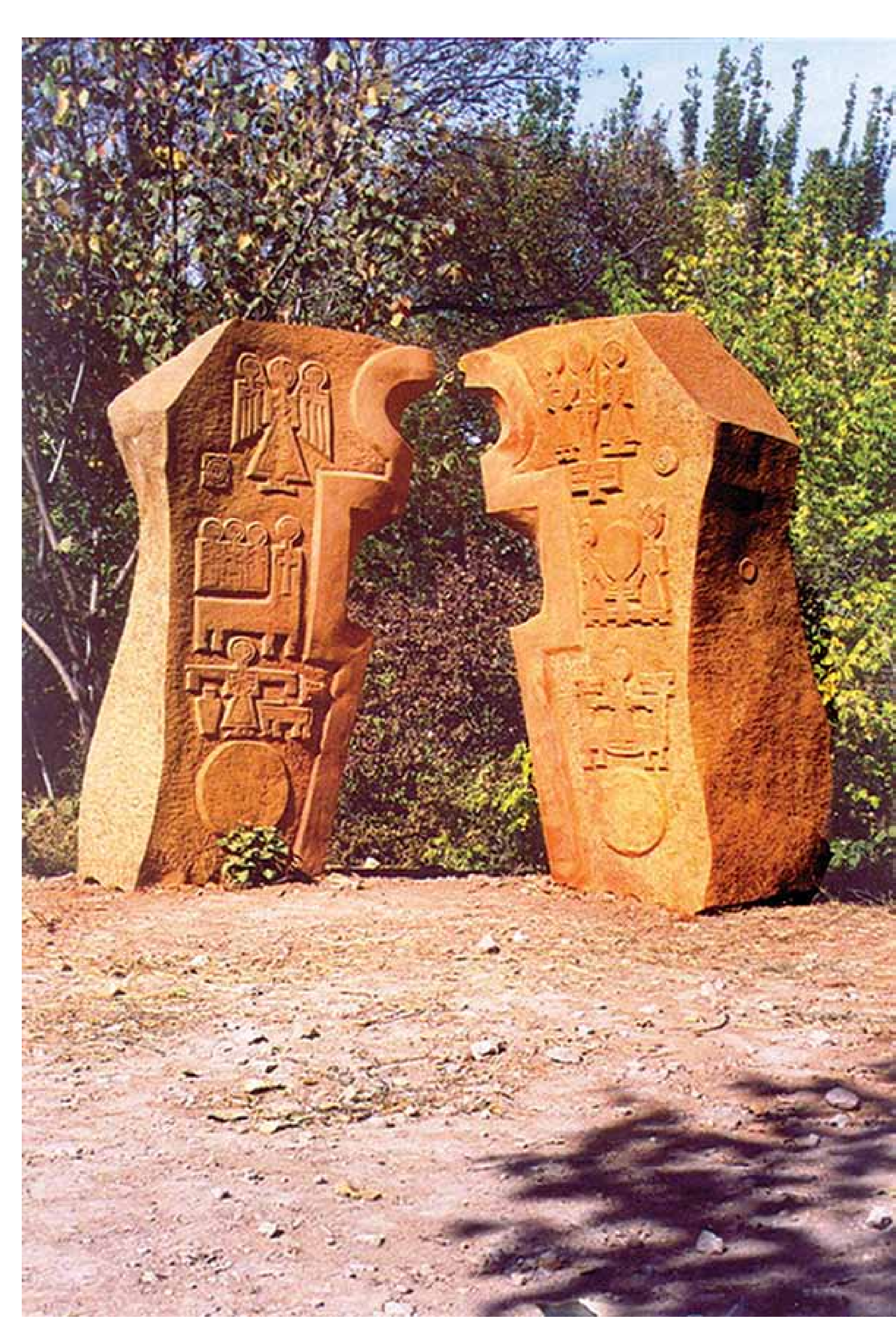
ТВОРИТЬ В АРЦАХЕ

рассказывает скульптор и художник Роберт АСКАРЯН (Степанакерт)

Скульптура была создана в рамках международного симпозиума скульпторов в Ереване. Камень, с которым пришлось работать, оказался сложным, к этой глыбе непросто было подойти. Я ее разделил, раскрыл на две половины и увидел врата.

Они не могут быть очень широкими. Скульптура стоит в парке и обязана быть готова к контакту со зрителем, который должен иметь возможность не только любоваться ею, но потрогать ее, опереться на нее. Армянские образы-символы, которые можно видеть по сторонам врат, нанесены с обеих сторон скульптуры. Внизу в основании — хлеба из тонира. Один из моих любимых образов, который я использую довольно часто. Выше — осел, карас, женщина, еще выше — семья. И наверху ангелы, стерегущие врата. Есть дети, катающиеся на кентавре, о чем мечтают, наверное, все дети на Земле.

Когда работа была почти окончена, ко мне подошел милиционер серьезных габаритов, как и многие армянские милиционеры. Узнав, что перед ним райские врата, он попытался протиснуться через них, но безуспешно. Отошел, покачивая головой, и направился дальше по своим делам.

Райские врата (Ереван, 2001)

На дверях изображены Иоанн Креститель, Богородица, евангелисты и ангелы-хранители. Тридцать три маленьких креста и один большой, через который ты проходишь, когда заходишь в храм. Двери в храм Божий – это не просто двери. Каждое посещение храма должно быть напоминанием о кресте, о распятии. Ты не имеешь права входить в храм неподготовленным.

Неспроста все-таки людям, которые принимали участие в строительстве храма, разрешалось оставить на стене свой личный крест. Такими крестами испещрены стены Гандзасарского монастыря. Это большая честь и ответственность, она позволяла потомку показывать на выбитый крест и говорить, что храм был делом рук его предка.

Двери главного входа Гандзасарского монастыря (1995)

Свобода (2005)

Есть тяжелые и дорогие для меня работы. Проект скульптуры был сделан в память о пропавших без вести во время Арцахской войны. У тебя связаны ноги и руки, ты готов к кресту, на котором тебя распнут. Нити судьбы, связав тебя, не оставили никакого выбора, кроме крика, обращенного в небо, к Всевышнему. И ты своими связанными руками и криком держишь арцахскую победу. Ты и твоя душа, твои страдания прокладывают путь спасению и победе Арцаха. По-другому не бывает, только через боль и страдания, через утраты и муки можно прийти к победе. Проект так и остался нереализованным. Союз родственников пропавших без вести азармартиков не смог найти на него денег.

Тогда каждый день к тебе домой могли прийти, устроить обыск. А у меня в доме с 1988 года наладили подпольное производство винтовок – наладили те, кто понимал, что за свободу придется воевать. Заготовкой для ствола была рулевая колонка «ГАЗ-53», она подходит по калибру. Мы сделали 48 штук. Сегодня кажется, что мало, но тогда каждый оружейный ствол шел на вес золота. Здесь делали только часть работы, остальное – в других местах Степанакерта. ОМОН приходил под вечер, а мы за несколько часов утром заканчивали работу и расходились.

Самодельное ружье

Помню начало операции по освобождению Шуши. Мой дом был частично разрушен от попадания снаряда, и мы всей семьей жили в мастерской – здесь же я и работал. В два часа ночи приезжает водитель Сержа Саргсяна. Говорит: тебя вызывают. Мне сообщили, что через три дня мы поднимаемся брать Шуши, нужно сделать какую-нибудь символику для танков и БТР.

В то время я помогал перевозить листовки из Еревана, которые затем распространяли Игорь Мурадян и Манвел Саркисян.

Я, вероятно, был одним из первых, кто смог тогда в Арцахе познакомиться с работами Нжде. Мне больше всего понравилось выражение «Ուժն է ծնում իրավունքը» – «Сила рождает право».

Говорю, что так и напишу на боевых машинах. «Как? – Вот так. – Ну хорошо, давай». Еще у меня был нарисован герб с мечом. За один день я сделал трафарет и по нему все нанес. Тут ко мне подходит сумгаитский парень из военной части: «Брат, у меня есть водка. Пойдем, выпьем по стаканчику, я тебя кое о чем хочу попросить». – «Не проблема. Можно и без водки обойтись». – «Нет, выпить обязательно надо. Хочу, чтобы ты мой личный «БТР» украсил». Я думал, может, ему какая-то особая картина нужна, а он подвел меня к старому «москвичу» и попросил, чтобы я сделал на машине такую же надпись, как на наших танках. Этот парень совсем недавно был в числе армян, которые жили рассеянно по улицам и дворам советского города и оказались беззащитными перед резней. Здесь он увидел силу армян на армянской земле, увидел армян, взявших в руки оружие. И ему важно было причаститься к этой силе, почувствовать себя ее частью.

С внуком Нареком (2011)

Ника Арцаха (1997)

В конце 1996 года Леонард Петросян, тогда премьер-министр НКР, поделился со мной идеей организации в Арцахе ежегодного международного фестиваля культуры и искусства. Предложил подумать о призовых статуэтках для разных номинаций. Идея была отличная. Именно так страна, победившая совсем недавно в кровопролитной войне, должна закреплять победу на полях сражений, когда победа армянского оружия подхватывается и продолжается в культуре. Арцах должен стать точкой притяжения, которая ассоциируется не только с войной.

Я предложил образ «Ники Арцаха». Решили остановиться на пяти номинациях, и уже в 1997 году работа была закончена, хотя времена были непростые. Я работал с бронзой, и нужно было найти соответствующие заготовки для отливки статуэток.

Где-то к концу 1998 года Леонард Петросян связался со мной, спросил, как дела, как продвигается работа. Я сказал, что она закончена:

– Со мной теперь живут пять девушек, за которыми я присматриваю.

– Ну, тогда береги их. Я закончу некоторые дела, связанные с финансовой стороной проекта, и дам тебе знать.

Потом случился террористический акт 27 октября 1999 года в парламенте Республики Армения, во время которого он был убит. Проект замер, а статуэтки так и остались у меня. Может, кто-то из армянских предпринимателей нового поколения окажется достаточно амбициозным, чтобы выступить спонсором международного фестиваля, на котором могла бы вручаться «Ника Арцаха». Будем ждать.

Две работы, объединенные темой семьи и материнства. Скульптуры подошли бы для роддома. Причем «Семью» можно было бы сделать больше по размеру – из белого камня, в виде скамьи, на которой можно присесть и отдохнуть. Но пока обе стоят у меня, ждут своего часа.

Женщину, изображенную в работе «Беседа», я «подглядел» у республиканского роддома в Степанакерте. Я стоял на другой стороне улицы, когда на улицу вышла молодая женщина, уже на большом сроке беременности. Удивился, почему она одна – у нас не принято женщину на таком сроке отпускать одну из дому. А тут одна, рядом никого и ждет маршрутку. И вдруг она замерла, наклонилась немного вперед, как бы прислушиваясь к чему-то, и весь ее облик говорил о неслышном и незримом разговоре со своим будущим ребенком. Мир для нее перестал существовать, замкнулся и сосредоточился на этой беседе.

Перейдя через дорогу, я подошел к ней. Орлиный нос ни в коем случае не портил ее, но делал еще более грациозной. Передо мной стояла орлица, которая должна была в скором будущем произвести на свет орла. Я спросил ее, не нужна ли какая-то помощь, так как она пропускала уже третью маршрутку. Она подняла глаза и улыбнулась: «Нет, спасибо». Ее непосредственность выдавала жительницу близлежащих деревень. Такую непосредственность трудно встретить в городе, и она очень ценна и важна в жизни, в творчестве.

Семья (2000)

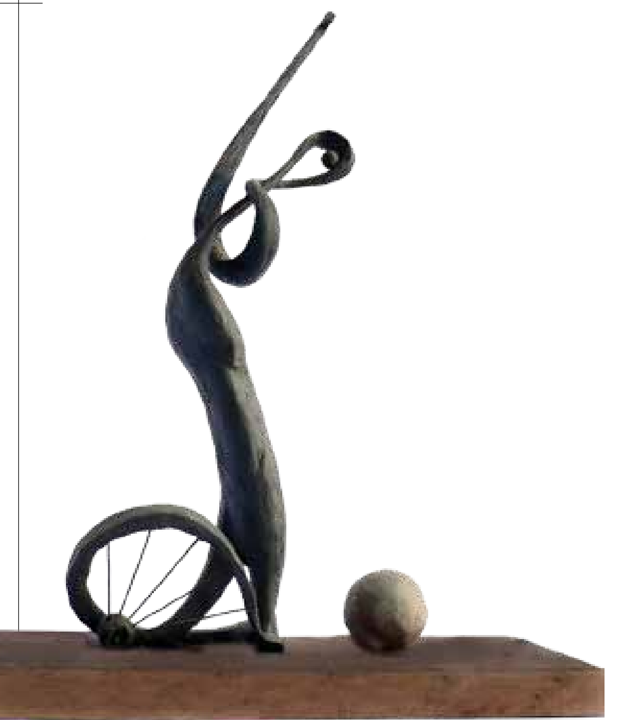

Беседа (2010)

Проект памятника жертвам геноцида в Азербайджане – Сумгаите, Баку, Кировабаде, Мараге... Монумент в виде треснувшего по всей длине креста, который соединяет и удерживает шар, символизирующий души замученных. Именно они соединяют и держат вместе рушащийся мир. Сами половинки креста складываются из маленьких крестов-судеб тех, кто был замучен, – судеб, связанных ныне в единую судьбу. Поверх крестов-судеб сваркой выжигаются слова «Сумгаит», «Баку» и названия остальных городов и сел, где в конце XX века произошел новый геноцид. Три точки опоры для Армянского мира – армянская земля, половинки креста и души прошедших через Голгофу.

Проект памятника жертвам геноцида в Азербайджане

Дорога (2007)

Безысходные и вечные дороги, когда твои ноги превращаются в колесо, ты сам становишься колесом, которое катится по дорогам армянской судьбы, дорогам армянских беженцев. Такая же скрюченная, изломанная дорога, связанная в узлы, которые гнут тебя, и ты сам превращаешься в один большой узел, склонившийся над планетой. Что за путь, что за планета, в которой столько боли, столько дорог и куда они ведут?

На дерево сели павлины и замерли. Изображено не само гранатовое дерево с его плодами, а символ дерева, символ граната, который занимает особое место в армянском искусстве, армянской жизни. Поэтому пропорции изменены, размер плодов увеличен по сравнению с гранатом настоящим.

По проекту предполагался фонтан, сверху из дерева должны были течь струи воды, стекать вниз по листьям. Этой скульптуре не повезло, уже восемь лет она стоит у меня во дворе. Когда меня спрашивают, как дела, отвечаю: нормально, дерево пустило корни и скоро даст плоды. Недавно появилась надежда, что скульптура наконец-то найдет свое место в Степанакерте, недалеко от памятника Шаумяну.

Древо жизни (2003) ►

Из цикла «Дороги»

Эта же боль воплотилась в серии живописных и скульптурных работ «Дороги». Она была начата еще в 1991 году, продолжается до сих пор и вряд ли будет когда-нибудь окончена. Крестный путь, дороги Армянства, дороги исхода, по которым проходило почти каждое поколение.

Здесь на картине осел заставляет всех на мгновенье остановиться, потому что оглядывается назад, в сторону брошенного дома. Путь был очень опасным, людей убивали, и опасность впереди остро чувствовали домашние животные — ослы и лошади.

Первые картины и идеи возникли сразу же, как только в Степанакерте появились сотни и тысячи беженцев из Северного Арцаха. Они шли днем и ночью. Многое пришлось оставить, поэтому большей частью люди надели самую лучшую свою одежду, те костюмы и платья, которые вешают в шкафу и надевают только по праздникам. Одежда была сильно испачкана — люди бежали из родных сел и пробирались в Степанакерт ночами, карабкаясь вверх по узким горным тропам.

Один из них рассказал, как ночью они долго слышали внизу в обрыве детский плач и голос ребенка, зовущего мать. Темно, ничего не видно, как ему поможешь? И надо идти дальше, спасаться. Где его мать, что с ней случилось? Может, упала с горной тропы и лежит внизу без сознания? Так они и продолжали идти долгими часами, слыша этот голос и плач — в горах слышно за многие километры, тем более ночью. «Никогда не забуду этот крик, буду слышать его до смертного одра», — сказал мужчина...

Беженцы сидели здесь, на площади, рядом с моим домом. Приходили ко мне со своими проблемами или просто набрать воды. Некоторых я разместил у себя, как это делали и другие.

В Степанакертском музее есть работы моего самого близкого друга, художника Армена Акопяна, которого убили омоновцы в начале войны. Когда я в память о нем начал рисовать эту картину, стали обстреливать город, один из снарядов упал прямо под моим окном. Картина стояла на мольберте и осколком ее разрезало, пришлось зашивать холст. Так в Армена попали еще раз, уже после смерти.

Мне могут возразить, что ангела, ангела-хранителя невозможно распять, но, думаю, вся армянская история дает мне право утверждать обратное. Порой мы недооцениваем роль человека, человеческой воли в мироздании. Вся история последних тысячелетий показывает, что человек способен распять не только своего ангела, но и Бога.

Распятие Ангела

— А Мамуш-биби осталась, — рассказал уже другой беженец. — Не захотела покидать деревню.

Я вспомнил Мамуш-биби, двоюродную сестру отца. Это была необычная женщина, святая. Ее дом в Гюлистане стал местом паломничества, куда люди приходили за помощью, советом. Она могла лечить, накладывая руки. Когда ей исполнилось 18 лет, во сне явился Всевышний и спросил: «Готова ли ты служить мне?» Она ответила согласием. Тогда ей было указано место в лесу, где хранилась зарытая книга, Библия XIII века.

Я успел увидеть Мамуш-биби, побывать у нее в гостях в конце 1970-х. В 85 лет на лице у нее не было ни морщинки, оно светилось. Она относилась с подозрением к людям из города и спросила, зачем я пришел. Я сказал, что художник, что мы с ней родня. Попросил разрешения нарисовать ее и взглянуть на книгу. Она вышла на улицу, заперла ворота, затем дверь и достала большой сверток, завернутый во множество вышитых платков, кусков материи. «Их приносили те, кто приходил ко мне», — сказала она и, наконец-то, достала книгу без оклада.

— А где оклад, Биби?

— Нету. Давно, еще в 1930-е годы эти псы (так она называла большевиков) пронюхали, что у меня дома есть книга и как-то ночью явились, требуя ее отдать.

«Наверное, вы спрашиваете об этом?» — Мамуш-биби протянула им серебряный оклад, украшенный драгоценными камнями. Большевики были азеротурками из Кировабада. Они схватили оклад и счастливые ушли.

— Им было невдомек, что Господь не в богатом окладе, а в книге, — сказала мне Мамуш-биби и рассмеялась.

Она отказалась покинуть Гюлистан. Вручила книгу родне с наказом передать в Эчмиадзин, а сама осталась. Азеры распяли Мамуш-биби на балконе ее дома. Я вспоминаю небольшой одноэтажный дом с комнатой, в которой стояла тахта, и балконом — чистым, опрятным, как и весь двор.

Из цикла «Дороги»

По свидетельству беженцев, азеротурки распяли не только Мамуш-биби, но и других немногих оставшихся. Слева на картине изображена Мамуш-биби в традиционном армянском одеянии, напротив нее — распятые сельчане, распятый Северный Арцах. И купол Армянской церкви, которая принимает к себе очередных мучеников.

Возможно, впереди появится луч надежды, как на другой картине из той же серии, на которой изображена семья, остановившаяся передохнуть. Звучит дудук... Может, когда-нибудь и приведет дорога обратно назад — в родное село. Куда, по каким странам разошлись беженцы Северного Арцаха, какова их судьба и когда они смогут вернуться? Когда я встречался с ними в Спюрке, они спрашивали: «Как там жизнь? Война уже закончилась?» Они до сих пор не могут поверить, что в Арцахе сейчас нет войны. Боятся воспоминаний о доме, предпочитая закрыть их в самых глубоких тайниках души.

«Колесо» (из цикла «Дороги», 1992)

На хачкаре, поставленном в ознаменование 20-летия возрождения Арцахской епархии, я постарался разместить важные армянские символы. Внизу – святые, которые держат мир, выше – женщины с виноградом и гранатом, еще выше – воины и дети на коне, украшенные хлеба из тонира, и над всем парит ангел-хранитель, который незримо присутствует в любом человеческом деянии, благословляя и поддерживая тебя на твоем земном пути.

На днях я ездил на карьер за камнем. Смотришь на чередующиеся слои, которые видны в разрезе: земля, камень, снова земля. То же самое в народе, в человеке... Обычно я стараюсь сохранить формы, которые образовались при отламывании камня. В природе не бывает ничего случайного, неправильного, и если разлом пошел именно таким образом, значит, так и должно быть. В жизни, природе прямая линия, ровная гладкая дорога встречаются редко, и еще реже такая дорога оказывается той самой, что ведет к Богу. Естественная и правильная линия Бытия извилиста и неровна, такова и дорога к правильным целям. Поэтому я стараюсь сохранить линии разлома, сохранить рисунок, который соединяет камень с природой, с той средой, откуда он был вырван. Твоя работа, твои мысли, надежды и думы должны быть частью природы, той реальности, откуда ты вырвал кусок материи, чтобы отобразить, отпечатать на нем свое видение мира. Здесь, в Армении, стране гор, ты должен гармонично вписаться в свои горы. После того как

Освящение хачкара в Гандзасаре католикосом Гарегином II (2010)

Хачкар в Гандзасаре (2010)

я побывал в Европе – а это была по большей части равнинная Европа, – меня часто спрашивали, как там. Все было хорошо, просто отлично. Идеальные условия для творчества. И мне не раз предлагали остаться там и работать. Но все это не мое. Глазу не за что зацепиться, остановиться – равнина, ровные линии, уходящие за бесконечный горизонт.

Создавая свои образы, я часто обращаюсь к нашему прошлому и хочу понять, как думал тогда человек. Я вижу искренность. Как искренне растет дерево, так же человек делает вино, вытесывает надгробный камень. Есть надгробие, где изображена мать, кормящая грудью ребенка, – возможно, они погибли вместе. Если сегодня заказать скульптору такой памятник, он не покажет грудь. Но пытаться приблизиться к искренности можно только на родной земле.

Мой хачкар в Каунасе, посвященный Григору Нарекаци, сделан из очень твердого материала – шведского гранита. «Книгу скорбных песнопений» Нарекаци перевели на литовский, и один живущий в Литве армянин из Арцаха вместе с главным архитектором города решил поставить хачкар в честь армяно-литовской дружбы.

У самих литовцев большая традиция деревянных крестов. Если достойный человек умирал, возле его дома ставили большой деревянный крест с распятием. Одно из сел литовцы превратили в музей таких крестов.

Когда я там работал, председатель Союза архитекторов дал мне свою мастерскую. Времени у меня было мало, и я сделал хачкар за полтора месяца. Главный архитектор Каунаса подписал разрешение на установку. Я привез с собой свои картины, и после открытия хачкара на выставку собралось много представителей творческой интеллигенции.

Хачкар в Каунасе

Два креста вместе, высотой по 18 метров – здесь хачкары, лица фидаинов, отцов и детей, которые воевали во время войны. Лица должны быть частицами единого целого, вместе составлять общую «скалу».

Я постарался схватить армянские образы – лица тех, кто ценой свой жизни дал нам шанс в XXI веке. Лица смотрят не в абстрактную даль, не в светлое будущее, а вниз, на того, кто пришел почтить подвиг, кто сегодня, сейчас должен ковать дальше это будущее. Комплекс не предусматривает классического решения, когда памятник сохраняет дистанцию от человека. Мемориал должен быть доступен, чтобы к нему можно было подойти и потрогать, передать павшим частицу живого тепла. Посредине должен висеть колокол. Чтобы люди не ставили цветы, а проходили между крестами и звонили в колокол. Не должно быть дистанции, расстояния между теми, кто погиб, и теми, кто жив. Мы живем в одном мире и разделение на мир живых и мир ушедших, предков и потомков условно, если мы видим себя как народ. Во время предельного сосредоточения, крайнего напряжения народа в годы войны, эта искусственная перегородка исчезла, открывая перед человеком мир в его цельности. Неспроста после войны за каждым арцахским столом, праздничным или нет, третий тост посвящен павшим, за которых пьют как за живых. Они находятся здесь, с нами – в горести и радости. Поэтому здесь, в камне, рядом с которым стоит родник и льется вода, находимся мы все – живые и мертвые, отцы и их сыновья, ушедшие и оставшиеся.

Проект мемориала павшим героям

Я дважды был в Бразилии, в городе Бру́ски штата Санта-Катарина, на международных симпозиумах скульпторов. Готовых тем организаторы не задают. Желающие участвовать анонимно посылают свои проекты-эскизы, и жюри отбирает лучшие. В три этапа отбираются десять работ из примерно двухсот. Потом приглашают авторов, оплачивают дорожные расходы, гонорар. Десять скульпторов должны приехать и за месяц у всех на глазах выполнить из местного мрамора свои проекты, подарив их городу. Это интересно тем, что ты встречаешься с другими скульпторами, получаешь возможность окунуться в творческую атмосферу, которую создают люди искусства со всего света.

Я дважды побывал на таких фестивалях-симпозиумах, что само по себе редкость, так как организаторы стараются приглашать каждый раз новых скульпторов. В Бразилии остались две мои работы: «Ангел-хранитель» и «Скамья влюбленных». Скамья, на которой можно сидеть только очень близко друг к другу. Первыми ее опробовали президент симпозиума и его жена.

Скамья влюбленных

Ангел-хранитель (Бразилия, 2007)

На занятиях

Все 25 лет своего творчества я сознательно уделял внимание детям, преподавал в школе искусств г. Степанакерта. Это сознательный выбор. Мы чего-то стоим и значим только в непрерывной связи поколений. Помогая новому поколению раскрыться и расправить крылья, ты получаешь шанс многое понять и продвинуться на дороге к своим высотам. Главное, чему я стараюсь их учить – искренности и свободе. Если помочь ребенку понять, что в творчестве главное – свобода и честность, остальное приложится. И уже не важно, станет ли он художником, человеком искусства или простым ремесленником, такое отношение к жизни, такое восприятие мира останутся с ним – отсутствие фальши и внутренняя свобода. Звучит банально, но все мы родом из своего детства – именно так учил своих пятерых детей мой отец.

Большой вопрос, кто выигрывает больше в этом диалоге – учитель или ученик. Во всяком случае для меня то, что называется детской непосредственностью, открытостью, всегда служило поводом для вдохновения и выстраивания внутренних ориентиров. И какое это счастье – наблюдать за глазами детей, которые видят свои работы на выставке, видят посетителей. Для многих это первые плоды труда, которые они преподносят людям. Ни с чем не сравнимые чувства.

В основном, искусством занимаются дети необеспеченных родителей. Им есть что сказать. Те, у которых все проблемы решены, ходят редко. Помню одного из своих учеников, который потерял отца во время войны – сейчас он вырос, учится в художественном институте. Я чувствовал, что мальчик хочет делать картины в память об отце. Давал ему бесплатно краски, кисти, а ему было стыдно брать, потому что семья действительно нуждалась. Тем, кто не нуждается, брать не стыдно.

После войны Игитян был на нашей выставке в Ереване, в государственном музее. Потом он сказал мне: я думал, что все картины будут о войне. Одна из посетительниц тоже спросила: почему дети не рисуют войну? Я ей объяснил, что видевшие реальную войну дети не будут ее рисовать.

Книга будет работать даже на необитаемом острове

интервью с руководителем издательства «Саркис Хаченц» Сергеем ХАЧИКОГЛЯНОМ

Идея издавать книги созревала уже в 1970-е, когда я был совсем еще молодым человеком, а в 80-е оформилась окончательно. Сначала было недоумение: почему на армянском языке не представлена мировая интеллектуальная мысль? Есть худо-бедно какие-то художественные произведения, которые переведены лучше или хуже. Чаще плохо, чем хорошо. Переведены чаще не с языка оригинала, а с русского, поэтому европейские названия даны в русском звучании, нередко просвечивают конструкции предложений, свойственные русскому языку. Хотя были, конечно, и очень достойные переводы.

Народы всегда познавали друг друга, мировую мысль и художественное слово через перевод. Автором армянской идеи перевода по большому счету был Месроп Маштоц. Потом по разным причинам — политическим, культурным, цивилизационным — она уходила в почву, забывалась за долгие «темные века». Но при малейшей надежде на возрождение всегда находились интеллектуалы, которые помнили, что без мировой мысли и мирового слова могут жить разве что племена. Народ как некая цивилизационная единица перестает существовать. Это достаточно банальная мысль, можно сказать, аксиома. Но в худшие времена искажения духовного облика в народе перестают понимать самое простое — понимать, что дважды два четыре. Когда ты говоришь об этом, на тебя смотрят как на инопланетянина. Зачем нам, маленькому народу, переводить Платона или Канта? На русском есть, и этого достаточно.

Первые переводы на армянский датированы пятым веком, мы единственный народ, у которого есть церковный праздник переводчиков. И думаешь, что этим можно кого-то поразить. Но видишь, что в настоящее время мы самый нищий в этом смысле народ. С тех пор сделано так мало, такая «гомеопатическая доза», что гордиться особо нечем. Мы невероятно далеки до критической массы, до той точки, когда можно сказать, что нечто уже сделано. Пока счет идет на миллиграммы и ангстремы.

Когда я понял, что мы стремимся больше казаться, чем быть, мне стало просто стыдно. Потом этот стыд перерастал в чувство унижения. Из этого негатива родились идея, мечта — сделать что-нибудь. По складу мышления и мироощущения я больше гуманитарий и, получив высшее образование физика, всегда мечтал переметнуться в родную область. В советское время речь, конечно, не могла идти о создании собственного издательства.

В перестроечные годы российские интеллектуалы открыли ящики письменных столов — и на свет появились оригинальные труды, переводы. А у нас ничего подобного не обнаружилось. Наши интеллектуалы сидели в кафе, говорили, что Москва не разрешает, но не творили «в стол». В Армении за годы перестройки появились одна-две подобные публикации. В той же России писали и переводили без всякой надежды, что когда-то падет Советский Союз и все это будет издано. Люди работали, потому что не работать означает умереть. А мы не работали, что равносильно духовной смерти.

В 1987 году меня приняли на работу в Национальную галерею, которая тогда называлась Картинной галереей. И мы с тогдашним директором Габриеляном решили издать серию литературных произведений великих художников, переводя их с языков оригинала. Под эгидой Картинной галереи существующие издательства должны были выпускать книги, которые мы, как музей и в некотором смысле научный институт, готовили бы к публикации. Пока мы готовили первую книгу, пал Советский Союз, была восстановлена независимость Армении, госиздательства пришли в ужасное состояние. Никто не хотел браться за эти книги, и саму программу никто не воспринимал всерьез. Опять прозвучал вопрос: зачем нам то, что уже есть на русском? И так говорили не экономисты, а интеллигенция. Даже эти люди не понимали: смысл перевода не только в том, чтобы читатель узнал новое, но в возвышении самого языка, в расширении его способностей передачи смысла.

Переводчик в первую очередь учит не своих соплеменников, благодаря переводческому труду учится, если так можно выразиться, сам язык. Язык перерастает самого себя, он впитывает в себя мировые концепции, мысли, оттенки этих мыслей. Он становится богаче — не только словарным запасом, но еще и через практику, через работу в недрах самого языка. Когда армяне в пятом веке переводили Священное Писание, они переводили не для профанов, но для тех, кто мог спокойно читать его и не на армянском языке.

И когда меня спрашивают, есть ли у наших книг читатели, я отвечаю, что меня это не слишком интересует. В первую очередь пусть будет книга. Но кому она нужна? Тогда я задаю вопрос: что лучше — когда нет книги и ее не читают или когда книга есть и ее не читают? Человек вынужден согласиться, что лучше второе: авось кто-то и прочтет когда-нибудь. Заострю до парадокса: если книга написана, издана и осталась на необитаемом острове, она все равно будет работать. Если книга лежит на полке и никто ее не читает — книга работает. Я мог бы привести множество примеров, когда непонятая книга играет огромную роль в жизни людей. Человек берет книгу, пытается понять написанное, не понимает — и потом это непонимание вдруг оказывается судьбоносным. Напомню случай с английским философом, культурологом, историком Коллингвудом, который родился в семье потомственных профессоров Оксфорда, в пять или шесть лет открыл «Метафизику нравов» Канта и ничего не понял, несмотря на раннее развитие. Ему стало стыдно, и вдруг он почувствовал, что именно этим будет заниматься всю жизнь.

Когда язык в состоянии переварить всю эту мировую мудрость, в теле народа воплощаются индивидуальности, которые будут продвигать дело дальше. Это иррациональная демография — вы зажигаете какие-то «маяки», люди, которые должны родиться в этом народе, каким-то образом видят эти знаки взлетно-посадочной полосы, и «самолет» может сесть, не разбившись. Если вы издали Платона, Канта, Лейбница, вы тем самым задали какой-то камертон или систему координат в области мышления — оказывается, в этом народе, языке, культуре есть такая задача и такая проблема. Родившиеся или еще не родившиеся обязательно заметят эту задачу. Совсем не важно, заметят при этом издателя, переводчика или нет. Главное в том, чтобы на нашем языке существовала мировая проблематика.

Оптимальная стратегия издания, конечно, есть. Иначе, плывя в океане неизведанного, легко захлебнуться в волнах. Слава Богу, мировая классика апробирована культурными народами — веками ее издавали, читали, перечитывали, комментировали. Очевидно, что должны быть изданы Аристотель и Платон, Прокл и Плотин, Декарт и Спиноза, Кант и Гегель — те авторы, не восприняв которых и не впитав, ни один народ не может называть себя культурным. Начать, допустим, со Слотердайка — современного, крайне интересного автора, будет, безусловно, сложнее. Не только с точки зрения психологии читателя, но и с точки зрения языка. Если вы не знаете Платона или Канта, как вы можете переводить Делеза или Деррида? Потому что эти гиганты полностью всеми корнями в своих предшественниках. Деррида пишет книгу, где добрую половину составляют цитаты из Платона.

Находятся провинциальные модернисты, которые говорят: зачем издавать Паскаля, это пройденный этап, лучше подавай нам Лиотара. Это все равно, что ходить в смокинге в деревне, где нет мощеных дорог. Провинциализм худшего толка. Да, мы во многом отстали. Но как только ты берешься за классику, с этого момента ты уже не безнадежен.

Мы издали на армянском две книги Канта — основной его труд «Критика чистого разума» и «Пролегомены ко всякой будущей метафизике». Конечно, это не весь Кант, но основу основ мы уже заложили. Готовя перевод Канта с немецкого, мы, безусловно, приняли в расчет и перевод на русский язык и два английских перевода. Сейчас мы издаем многотомник Платона. Не все диалоги, потому что это труд одного человека, нашего главного редактора издательства — филолога, знающего старые и новые языки. Две книги уже изданы, в этом году или в начале следующего выйдет третья. Одновременно готовим к изданию Аристотеля.

Это все равно, что спать и проснуться. Если мы уложили фундамент, можно строить. Мы издали Плотина, Паскаля, Тейяра де Шардена, Бергсона, Кассирера. Сейчас готовим к выпуску «Логико-философский трактат» и «Дневники» Витгенштейна. Пошли уже и свои оригинальные работы — попытки самостоятельно мыслить, ставить и разрешать проблемы.

Надо идти по этому пути. Мыслить самому для меня все равно что самому жить. Когда мне говорят, что какая-то книга уже есть на русском и английском — это все равно что сказать, зачем тебе есть или пить, когда это делают другие.

Если позволить себе физиологические сравнения, язык — это лоно или почва. Достаточно вложить семя — и начинается процесс оплодотворения. Когда мировые мысли, как семена, входят в тело национального языка и оплодотворяют его, он начинает плодоносить. Например, наш переводчик Платона, Аристотеля, Канта, Витгенштейна издает их со своими предисловиями и комментариями — это тоже попытка самостоятельно мыслить. У наших авторов рождаются собственные труды, и я их тоже издаю. Недавно ко мне пришел совсем молодой человек, математик и философ, уже успевший защитить диссертацию. С ним вместе мы готовим двухтомник по философии языка, по самым великим авторам «аналитической школы». Будет общее предисловие и предисловие по каждому философу в отдельности. Если в дальнейшем на основе этих шагов он напишет монографию, конечно, она будет издана.

В 1993 году я создал издательство «Саркис Хаченц». Это был жест отчаяния, потому что ни одно издательство не бралось выпускать книги. Поскольку они были в основном по искусству и переведены с французского, я обратился в посольство Франции. Если бы не тогдашний посол мадам де Артинг и советник по культуре Патрик Донабедян, возможно, я бы до сих пор сидел и мечтал. Они мне финансово помогли сделать первый шаг.

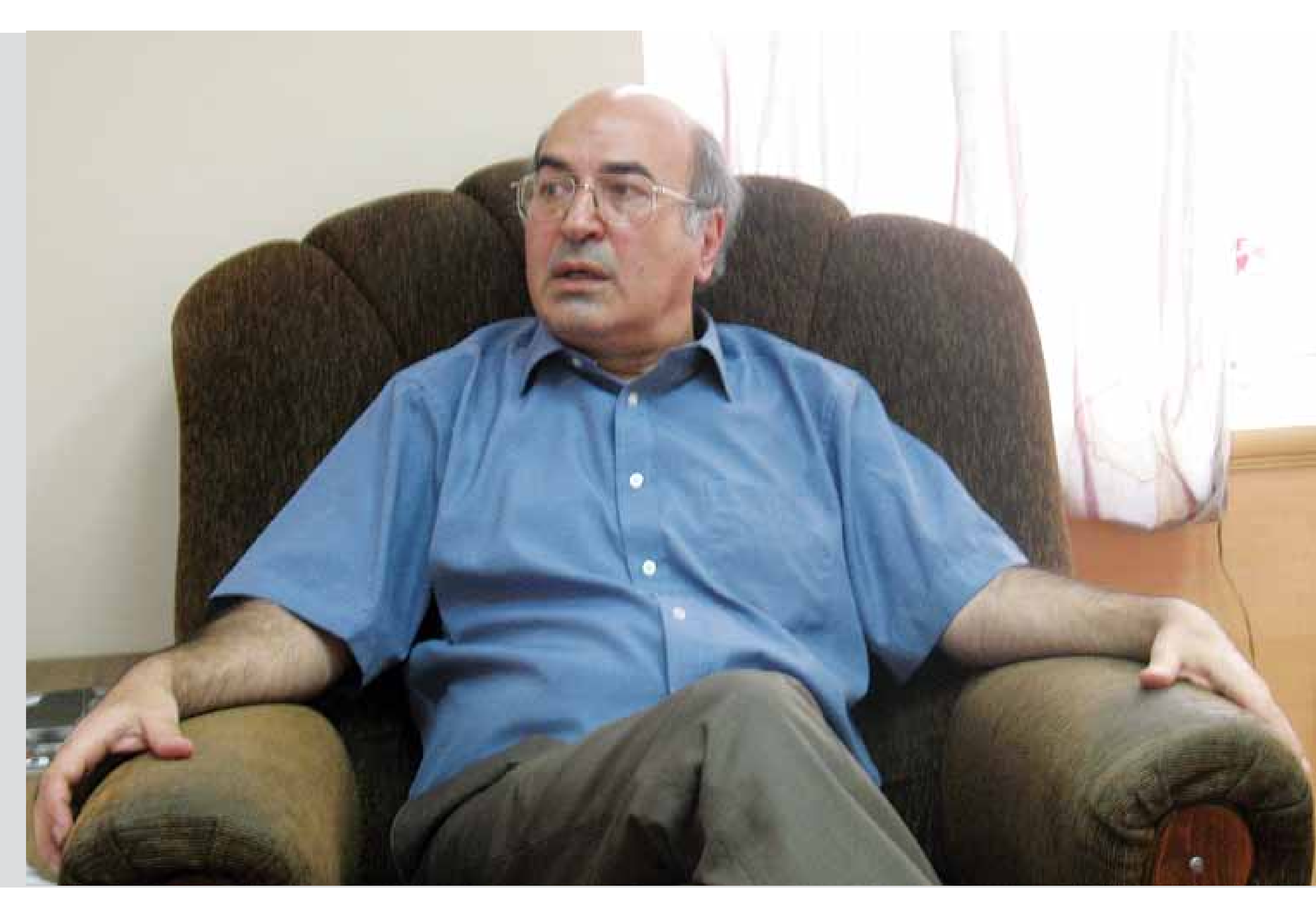

Мы, армяне, похожи на Фому неверующего – пока не вложим пальцы в рану, не поверим. А они поверили в идею, будучи интеллектуалами и людьми духовными. Эта идея материализовалась в книгу. Первой книгой стали воспоминания, статьи и письма Гогена, и мадам де Артинг была просто счастлива. Ведь перед этим происходили не очень-то красивые истории, которые вызывали у них с Патриком возмущение: почему, получив нормальные деньги, книгу издали ужасно, на отвратительной бумаге. Потом Патрик мне рассказывал, что мадам де Артинг своим же французам показывала эту книгу на МИДовских собраниях как наилучшую модель взаимодействия двух народов – вот что мы, французы, могли бы делать. Вот вам Гоген на армянском языке.

Когда ты идешь от культуры, а не от бизнеса, другой культурный человек это все-таки замечает. Говорят ведь, что рыбак рыбака видит издалека. Когда понимаешь, что говоришь с заинтересованным, болеющим за свой язык, свою культуру человеком, у которого есть целая издательская программа, возникает определенное доверие. И потом в западном мире есть замечательный принцип: пока тебя не обманули, принимай своего визави за джентльмена. По-моему, так и надо себя вести, а не прикидывать сразу – украдет или нет.

Так мне дали мощный толчок, и потом, когда я обращался, например, в фонд Сороса, я мог уже написать, что изданы такие-то книги, что я сотрудничал с французским посольством. Потом и фонд Гюльбенкяна начал доверять.

Когда я издал первые две книги – Гогена и Дидро, де Артинг организовала мне поездку во Францию на довольно высоком уровне. Я был приглашен по линии МИДа ознакомиться с издательским делом. Меня принимали в отделе, ведающем книгоиздательством, они спонсируют такого рода программы по французской литературе и в Восточной Европе, и на всем постсоветском пространстве. Руководитель отдела в управлении международного сотрудничества МИДа, французский писатель и поэт Ив Мабен спросил: «Чего бы вам хотелось?» Сам не понимаю, как это вышло, но мой рот самостоятельно, без участия головы, произнес: «Если у вас где-то есть никому не нужная списанная машина офсетной печати, не выбрасывайте, подарите ее мне».

Они всполошились, обратились к де Артинг: вот, мол, какой-то умалишенный просит от нас машину. Она тут же факсом направила письмо с просьбой удовлетворить мой запрос. И мне действительно подарили старенькую машину 1959 года – из первых опытных офсетных машин. Она была оценена в 35 тыс. франков, МИД заплатил эти деньги и подарил машину мне. Потом, когда в Ереване строили французское посольство, они вместе со всем скарбом привезли ее и буквально передали мне «на блюдечке». Одиннадцать лет на первом этаже Национальной галереи я печатал на ней свои книги.

Правда, вначале машина была буквально мертвой. Мы сами вытачивали для нее детали – поскольку она представляла собой опытный образец, запчастей давно не было. Многие процессы приходилось делать вручную, допотопным способом. Приезжал даже инженер-специалист по офсетным машинам и говорил, что у себя в Германии таких никогда не видел. Фотографировал ее как антиквариат, удивлялся, как можно на ней печатать. Я отвечал, что с удовольствием продам ее музею, если на вырученные деньги смогу приобрести что-нибудь поновее. К сожалению, ничего более «живого» я не достал, и машина в конце концов «умерла» – я так и не сумел заработать на ней, хотя книг издал много.

Когда уже совсем стало невмоготу, нашлось в Армении такое издательство – «Принтинфо». Его директор Арам Меграбян – мой молодой друг, хороший бизнесмен, в отличие от меня – ведь я брал под проценты ссуды, чтобы выдавать своим работникам зарплату, и последние годы типография тащила издательство на дно. Но Арам еще и духовный человек, который читает книги по философии на английском, русском, армянском языках, он сам и его супруга занимаются переводами. Их дети частным образом учат древнегреческий язык.

У Арама есть современная типография, одна из самых лучших в Армении, и он мне предложил объединить усилия. Теперь наша совместная издательская программа называется «Саркис Хаченц – Принтинфо», все книги мы издаем совместно и благодаря этому альянсу затеваем новые и новые серии.

Мы ведь издаем не просто книги, а серии. У нас есть мегасерия «Библиотека познания», со своими подсериями. Например, в «Лингвистике» – мы издали Соссюра, а теперь издаем двухтомник Бенвениста. В подсерии «История» издали Шарля Диля, теперь готовим историков французской «школы Анналов» – Жака ле Гоффа, Марка Блока. Обязательно будет Фернан Бродель. Все это, конечно, «гомеопатические дозы», но умные люди говорят, что гомеопатия тоже неплохой метод.

По вопросу терминологии у меня как издателя и редактора есть своя точка зрения. Самое важное в этом смысле — достояние нашей грекофильской школы, без которой был бы невозможен современный армянский научный язык. Армянский язык, так же как и греческий и немецкий, очень легко создает новые понятия — два корня легко сопрягаются и можно создать новое слово. Грекофильская школа перевела с греческого множество приставок, которыми изначально был беден армянский язык, и с тех пор благодаря этим приставкам можно легко создавать целые смысловые классы понятий. Коль скоро есть такой инструмент, коль скоро язык обладает такой возможностью, отказываться ли от творческого элемента или брать только то, что сделали наши предки? Надо брать то, что сегодня работает и полезно, отметать то, что осталось в истории, и пользоваться ресурсами самого языка, создавая новые термины.

Язык развивается только тогда, когда ты его развиваешь. Достаточно законсервировать язык, пользуясь только наличным богатством, и развитие остановится. Пользоваться языком означает ежедневно оттачивать его и развивать. Есть и другой вопрос: надо ли все термины переводить, предлагая армянские эквиваленты? Даже грекофильская школа не все переводила, хотя в те времена была тенденция переводить даже имена собственные. Сегодня после огромного разрыва в философской мысли Армении неестественно употреблять созданные тогда термины. Ведь за эти века, начиная с XIII-XIV, были созданы современная европейская культура и науки. Особенно активно развивались философия и науки с XVII века, когда у нас не было возможности развивать свой язык в этом направлении. Обязательно ли теперь переводить на армянский язык термины?

Я считаю, что на сегодняшний день разумнее было бы пользоваться мировыми терминами. На армянском языке есть слова «метафизика», «трансцендентальность», но я употребляю греко-латинские формы. Возьмем термин «метафизика». Когда стали собирать труды Аристотеля, не знали, как назвать эти лекции без названия, и назвали их «следующие после «Физики». То есть метафизика — технический термин, есть ли смысл его переводить?

Правда, иногда перевод термина звучит красивее и понятнее. Всегда к конкретному слову, термину необходимо подходить индивидуально, с учетом контекста. Возможно, через 50 лет, когда уже будет создана большая библиотека философских текстов на армянском языке, когда будут переведены основные классические труды и лучшие работы современных авторов, вдруг окажется, что вместо слова «метафизика» надо писать «բնականցութիւն». Иногда меня спрашивают: почему мы не переводим слово «категории» как «ստորոգութիւն» по образцу перевода Давида Анахта, оставляем его в оригинальном виде? Все возражения своих оппонентов я знаю и понимаю лучше, чем они. Но слово «категория» позволяет войти в некую ауру, некий контекст, которым обладает это слово в европейских текстах. Когда переводишь термин с многовековой историей, который постепенно насытился слоями смыслов, всячески обыгрывался во всевозможных контекстах, твой фактически новый термин будет гол, как Адам до грехопадения. Моя задача — не простой перевод слов, а восприятие мыслей со всеми обертонами. Поэтому в сегодняшней армянской речи греческое слово «категория» звучит для меня убедительней, чем «ստորոգութիւն», как в пятом веке писал Давид Анахт. Хотя я не знаю, какой будет ситуация через 50-100 лет, когда появится энное количество армянских авторов. Если завтра родится армянский философ, который будет использовать старые армянские термины, если он напишет нечто достойное внимания мира и само по себе важное, я не стану как редактор менять эти термины на европейские. Мы издадим его труды, и, возможно, они станут поворотным пунктом.

В смысле критики дело доходит до смешного. Пришел ко мне доктор философских наук, считающий себя специалистом в эстетике, и стал меня упрекать: почему в нашем переводе Канта такое количество иностранных слов, в частности, почему я не нашел армянского эквивалента слову «картезианство». У меня в первый момент челюсть отвисла, потом я объяснил ему, что Картезиус — имя собственное, латинский вариант имени Декарта. Доктор философских наук этого не знал, но считал себя вправе критиковать. Почему слово «эстетика» у Канта не переведено как «գեղագիտություն»? Человек не знает, что «эстетика» у Канта означает не науку о прекрасном, а нечто иное. С такими оппонентами и говорить не о чем.

Армянский научный язык, на мой взгляд, находится сейчас на стадии развития. Мы только-только переводим эти тексты, мировые мысли должны еще привыкнуть к новому словесному одеянию. Сразу одевать их в национальный костюм, да еще с папахой — нельзя. Это одеяние должно быть более или менее европейским. В будущем будет видно.

Когда мы вводим при переводе греко-латинские термины, мы делаем это через русский язык, и здесь нет ничего постыдного. Сами русские пользуются теми или иными терминами через немецкий язык. Коль скоро мы почти двести лет жили бок о бок с русской культурой, коль скоро мы в быту именно так произносим слова, я считаю, что эти термины вполне можно использовать с русским звучанием.

Можно давать армянский термин, а в скобках международный или в конце книги давать перечень основных европейских и соответствующих армянских понятий. На этом этапе вполне могут сосуществовать и тот и другой варианты термина. Они должны поработать вместе — какой приживется, тот и приживется.

Переводов научных и философских текстов на ашхарабар было не так много, чтобы создалась научная школа или традиция, которая бы сегодня довлела над нынешними попытками. После нашего перевода вышел другой перевод «Критики чистого разума», сделанный в 1920-х годах Вараздатом Терояном, очень достойным человеком. философом, учившимся в европейских университетах. Многие из его переводов безвозвратно утеряны, в частности, «Этика» Спинозы, «Творческая эволюция» Бергсона. И эта работа тоже считалась утраченной, потому что его несколько раз сажало НКВД и в конце концов уничтожило в 1938 году. Человек создавал немецко-русско-армянский словарь на 20 тыс. философских терминов – можете себе такое представить? Мы сделали свой перевод, не видя перевода Терояна, но потом нам довелось познакомиться с его дочерью, полистать чудом сохранившуюся рукопись.

Безусловно, человек имел гораздо больше знаний, учился во времена расцвета неокантианской школы, эти великие мыслители преподавали в университетах, где он учился. Но чувство языка сегодня уже иное, хотя прошло всего 80 лет.

Конечно, в советские годы у нас не было своей оригинальной философской мысли, кроме перепевов московских марксистских опусов, но в эти годы было нечто другое. В русскоязычных учебниках того времени, особенно по точным наукам, есть термины, понятия, объективные научные факты. Все это переводилось на армянский язык. И даже через такие не слишком хорошие учебники и не слишком хорошие переводы все-таки создавалась своя терминология. Не забудьте, что все-таки у нас была Академия наук со своими институтами – и научная мысль, хоть и в большевистской обертке, все же была. В 1990-е годы мы перевели и издали «Феномен человека» Тейяра де Шардена, который был не только католическим философом, великим иезуитским богословом, но еще и естествоиспытателем – он первый обнаружил древнего «китайского» человека. Вся его книга забита терминами естественных наук, но в этом случае мы не испытали при переводе больших сложностей. Армянский язык был развит в достаточной мере для такого перевода. По мнению знающих людей, перевод получился вполне достойным и адекватным оригиналу.

У нас под ногами огромное богатство – армянский язык с безграничными возможностями развития. Представьте себе поле, стоит копнуть – и там золото. Надо просто работать с этим языком, без этого любое богатство превращается в груду хлама. Проблемы с переводом есть во всех языках, в том числе и в русском. Когда читаешь переводы Мартина Хайдеггера на русский язык, иногда просто волосы дыбом становятся. Приходится коверкать язык, поскольку Хайдеггер творит в языке – он не просто излагает на нем свои мысли, они именно рождаются из самого языка. Наш главный редактор Сергей Степанян как-то сказал мне, что он многое не понимал в Хайдеггере, пока читал его в русском переводе, но как только взял в руки немецкий, почти все встало на свои места.

Я сужу с чужих слов, но мне говорили, что до 30-х годов прошлого столетия не было достойных переводов немецких философов на французский язык. Помните, знаменитое письмо Огюста Конта, где он пишет Гегелю: «Не могли бы вы изложить свою философию кратко, популярно и по-французски»? И Гегель отвечает: «Мою философию невозможно изложить кратко, популярно и по-французски». Считалось, что французский язык никак не может адекватно передать немецкую философию, для этого понадобились усилия поколений. Благодаря усилиям выходца из России Александра Койре и других французских специалистов по Гегелю эти переводы постепенно стали адекватными. На армянский немецкие тексты переводятся гораздо легче, и дело не только в схожих правилах словообразования, но в непонятном глубинном родстве, которого обычно не видно.

Недавно я беседовал с представителями фонда, который согласился спонсировать издание собрания сочинений Костана Заряна. Сейчас ведутся переговоры с внуками писателя. У нас два условия: дать нам возможность поработать с архивом и передать право издания. Мы стали издавать Заряна, когда еще был жив его сын, архитектор Армен Зарян. Он вырос в Италии, был настоящим европейцем, ему казалось, что все вокруг – сотрудники КГБ. Собственно говоря, так оно и было, когда он приехал.

Он не верил, что кто-то может всерьез заинтересоваться Костаном Заряном. Но потом мы с ним подружились, вместе подготовили первый том. К сожалению, Армен скончался, не дождавшись выхода книги в свет. Мы издали уже несколько отдельных книг Заряна и теперь готовы творчески и научно осилить собрание сочинений.

Это сложная задача, ведь Зарян по интеллекту был равен своему кругу общения – ведущим европейским мыслителям и интеллектуалам. Иногда в романах у него встречается тот или иной образ, за которым стоит точное знание. Но пишет он не как ученый, и бедному комментатору приходится изучить соответствующий научный материал. Язык Заряна совершенно неканонический – он может пользоваться как западно-, так и восточноармянской лексикой. Иногда он создает невероятные слова, иногда из небытия вытаскивает такие, что их не сразу вспоминают даже знатоки. Не забудем, что армянскому он учился в достаточно зрелом возрасте у мхитаристов.

Лично для меня и для нашего издательства Костан Зарян играет роль манифеста. Он человек-манифест, он сформулировал свой принцип «араратского человека», противопоставляя его «тибетскому человеку» и европейскому «фаустовскому

дилось общаться с богами, читать звездное небо. По-моему, наиболее яркий феномен в этом смысле — Костан Зарян. Он сопрягал оба начала — европейское и армянское — не в ущерб ни одному из них. Это то, что мы утратили на протяжении веков.

Для меня как поэт Зарян, безусловно, замечателен, и мы впервые издали большой том его поэзии. Это еще не все — в пятнадцатитомнике предполагается два тома лирической поэзии Заряна. Мы ввели в культурный и научный обиход поэта-классика, вернули его в родную литературу. Ни один филолог и знаток поэзии не станет утверждать, что Зарян равновелик Чаренцу, Теряну, Туманяну, Мецаренцу. Главное, что он — поэт от Бога.

Сейчас мы печатаем замечательный роман Заряна «Путник и его дорога», который в свое время выходил по частям в бостонском журнале «hАйреник». На журнальном экземпляре автор сделал подзаголовок «համայնավեպ», что приблизительно можно перевести как «всероман», «панорамный роман». Это и философский трактат, и историческое исследование, и репортаж, и сатира, и фантасмагория, и бытовые разговоры, и путевые заметки. Самые разные жанры очень органически сочетаются друг с другом. Ты видишь маленький городишко Ереван в 1920-е годы... Автор своими мыслями уходит в древность и одновременно говорит о сегодняшнем дне, о большевиках, видит перспективы Армении и всего мира. Это действительно какой-то микрокосм, который вбирает в себя историю, литературу, самосознание не только армянского народа, но всего человечества.

В Армении роман никогда не выходил, печатался только по частям в Бостоне и отдельной книгой в Бейруте со множеством ошибок и опечаток. На журнальном варианте Зарян заново кое-что исправлял, редактировал, и в нашем издании это все учтено. С филологической и текстологической точки зрения это первое достойное издание романа. Безусловно, мы издадим «Корабль на горе», «Рабкооп и кости мамонта», другие его прозаические

человеку». У него это метафизический принцип — тип цивилизации, тип цивилизованного человека. Как нечто третье — не Восток и не Запад. Кстати, Зарян не одинок в этой культурологической попытке, я слышал такую троичность и в несколько другой версии: восточная, западная и месопотамская цивилизации.

Как у нас обычно происходит — если ты склонен к европейской культуре, ты отказываешься от своего армянства, как от чего-то второстепенного, вторичного. Или же наоборот — любящий свою Родину и свой язык патриот, как правило, гораздо хуже знает мировую культуру и представляет собой локальную ценность тут, для своих. В новые времена армянину редко дово-

произведения. Отдельным томом под названием «Наватомар» мы выпустили его эссе и статьи, но будем издавать их в большем объеме в собрании сочинений. Издадим его дневники, письма, малую прозу, пьесу.

Весь архив мы, конечно, не будем издавать – у него есть обширная переписка с французскими и итальянскими друзьями, например, он был очень близок с итальянскими футуристами. Полноценная обработка архива – работа не для одного человека. Нашим пятнадцатитомником Костан Зарян, конечно, не будет исчерпан, это будет издание избранного.

Часть писем Костана Заряна его сын Армен Зарян передал в дар Музею литературы и искусства. Большой архив хранился у него в нескольких сундуках, он иногда нам просто показывал тот или иной документ. Например, дневник писателя, написанный на французском языке. Или дневник, написанный в камере для смертников – он когда-то якшался с большевиками, и его чуть не расстреляли власти Первой республики.

После смерти Армена Заряна наследники частично оставили архив в Армении, частично разделили между собой, а живут они в разных странах. Слава Богу, они люди грамотные, не растеряют его, но правнуки уже могут не представлять себе ценности архива.

Переговоры только ведутся. Старшая дочь Армена Заряна обнадежила нас, заверив в своей поддержке. Наследники поступают сейчас очень благородно – понимая, что средства спонсоров собрания сочинений ограничены, они никаких денежных вознаграждений для себя не требуют. Они только хотят, чтобы все было издано на должном текстологическом уровне.

Пока издательство живо, оно будет всегда обращаться к Заряну – это я завещаю и своим потомкам. Потому что мышление Заряна – вектор, который укажет нам пути и в XXI, и в последующие века. Он не просто гордится прошлым и получает проценты с прошлого капитала, он дает нам цивилизационную программу на будущее. Именно в этом смысле он для меня – краеугольный автор.

У нас есть серия «Время и слово» – здесь и мемуары, и дневники, и критика, и статьи, и эссе. Слово, которое впитало в себя время и выражает его. По просьбе издательства, по моей личной просьбе наш ныне здравствующий старейший писатель 85-летний Карпис Суренян предоставил нам свой дневник, из которого мы издали избранные фрагменты в двух томах – примерно полторы тысячи страниц. Родители его спаслись от Геноцида, он учился в школе Мелконян на Кипре, а потом в 1940-х годах одним из первых репатриировался в Армению.

Пока он жил и учился на Кипре, он писал свой ученический дневник на западноармянском языке, и мы издали эту часть дневника именно так. Переехав сюда, он постепенно перешел на восточноармянский, именно на этом языке он по-настоящему начал заниматься литературным трудом. Но, в конце концов, он приходит к выводу, что он не западно-, не восточно-, а просто армянский писатель. Хотя на мой вопрос, на каком языке он говорит сам с собой, отвечает, что на западноармянском.

Он не просто бытописатель, он может рассуждать в дневнике о Спинозе, симфониях Шуберта и Брамса. Знает языки, одиннадцать лет пел как баритон в хоре – прекрасно знает музыку, живопись, архитектуру. Все камни, все древние строения Армении обошел и собственноручно пощупал. Изумительная память – никогда ничего не забывает. И поразительная восприимчивость – когда ты рассказываешь, он слушает тебя с неподдельным интересом ребенка.

Я убедил его передать нам для публикации в том числе свой школьный дневник, написанный в 16-17 лет карандашом на каких-то старых бухгалтерских книгах. Он сам плохо различал эти полустершиеся строки и не без труда расшифровывал собственные записи, заново переживая детство. Познакомившись с дневником, я почувствовал, что у меня на глазах рождается новый западноармянский писатель.

В этой же серии мы перевели том эссе Поля Валери. Вышел первый том, будет и второй. Его эссе очень важны особенно сегодня, потому что он – носитель великой европейской культурной традиции. Не той культуры, которая сейчас под бременем американизма все больше оглупляется и опошляется, а настоящей, великой культуры. Сейчас он есть на армянском языке в изумительном переводе.

Скоро будет издан том стихов «Мантры» живущего в Париже писателя, поэта и литературоведа Крикора Плтяна (Беледяна). Он считает меня своим издателем и другом. В прошлом году я прочел в одном журнале его статью об армянском футуризме и попросил написать для издательства книгу. В результате получился огромный том, где Плтян впервые ввел в научный обиход ряд имен.

Мы с ним задумали издать том лучших произведений армянского футуриста Кара Дарвиша и обязательно это сделаем. Поскольку он знает досконально и тему символизма, мы попросили его сделать книгу по армянскому символизму. Это еще бóльшая по объему и художественной значимости тема, чем армянский футуризм, это течение, которое дало удивительные художественные результаты. С самого начала Плтян сказал, что преподает в университете, преподавательской зарплаты ему хватает, и он не претендует на гонорар – главное, чтобы книга была издана. Его работы мы издаем так, как они написаны – с классической орфографией. Это наш принцип.